

охота

и охотничье хозяйство

2009

ВОЛК: УПРАВЛЕНИЕ ПОПУЛЯЦИЯМИ

А. СУВОРОВ, биолог-охотовед, кандидат биологических наук

Волк считается исключительно вредным для охотничьего хозяйства и животноводства России хищником и поэтому по Правилам охоты подлежит круглогодичному уничтожению всеми доступными средствами. Ещё Л.П. Сабанеев в конце 19 века писал: «Волк, как это не покажется странным и даже парадоксальным, бесспорно занимает первое место в ряду диких животных, имеющих значение в экономическом быту нашей родины. Ни один из многочисленных ценнейших видов промысловых животных не приносит хозяйству России столько доходов, сколько ущерба наносит волк. Несмотря на всё это, правительство не принимает активных мер по борьбе с этим злом» (Сабанеев, 1877). Проблема волка в 19 веке также беспокоила Западную Европу, Канаду и США. Ежегодный ущерб от волка фермерам США в начале 20 века оценивался в 40 млн. золотых долларов. Однако за шесть лет (1916—1922) проведения Федеральным правительством и Департаментом земледелия США кампаний против волка его поголовье было сведено до минимума. На истребительные работы было израсходовано свыше 6 млн. золотых долларов. При этом общая сумма сбережений в животноводстве выразилась в сумме 74 млн. долларов. Каждый доллар, затраченный на борьбу с хищниками, приносил 12 долларов чистой прибыли (Соловьев, 1925).

С тех далёких времён прошло уже больше столетия. В Западной Европе волк истреблён так, что находится под охраной для устранения другой экологической проблемы — сокращения многочисленных стад одичавших собак, занявших его пустующую экологическую нишу. В США и Канаде волк находится под контролем Департамента рыбы и дичи, а также координирующих работу специалистов по регулированию его поголовья.

В охотничьем хозяйстве России борьба с волком в большинстве регионов проводится стихийно, без учёта его экологической и хозяйственной значимости, эколого-популяционных характеристик, состояния ресурсов. Всесторонние экологические исследования по волку в европейской части России (Бибики и др., 1985), на Дальнем Востоке

(Юдин, 1990) и в бассейне р. Енисея (Суворов, 2004) подтверждают выраженный территориальный консерватизм волка, что препятствует его внутривидовому смешиванию и создаёт развитую популяционную структуру вида. Даже внутри отдельной ландшафтно-географической зоны в пределах России внутривидовая структура волка неоднородна, она включает далеко неодинаковые по экологическим параметрам и морфологии географические популяции.

Широкими исследованиями автора по волку в бассейне р. Енисея было выделено шесть неоднородных по экологической и хозяйственной значимости географических популяций волка в пределах природных географических зон: в полярном подвиде — таймырская тундровая и пудранская горная лесотундровая; в лесном подвиде — северо-таёжная западно-сибирская, северо-таёжная восточно-сибирская (эвенкийская), южная горно-таёжная и лесостепная синантропная (Суворов, Петренко, 2003). Волки этих популяций заметно различаются по образу жизни, экологической и хозяйственной значимости, что важно для контроля состояния ресурсов хищников, дифференцированного управления и целенаправленного расходования финансов по сокращению поголовья наиболее «вредных» для человека хищников. Так, от селекционной и оздоровительной роли полярных волков Енисейского Севера во многом зависит благополучие таймырской тундровой популяции дикого северного оленя, особенно при современном минимальном промысловом использовании её ресурсов (Суворов, 2002). С учётом высокого трофейного спроса на шкуры полярных волков, эти хищники должны иметь статус ценного охотничьего вида без специального регулирования их ресурсов. Наоборот, северо-таёжный волк Эвенкии и Якутии (в европейской части России — среднерусский лесной), расценивается как вредный, причиняющий урон домашним животным, охотничьему промыслу, сдерживающий природотропность дикого лесного и домашнего северного оленя и лося. Однако из-за слабой освоенности труднодоступных территорий и высокой себестоимости добычи хищников возможно лишь умеренное регулирование ресурсов этого лесного волка.

На юге Сибири и европейской части России наибольший урон животноводству и фауне диких копытных спортивных охотничьих хозяйств наносит синантропный лесостепной волк, основу питания которого (до 40—50%) составляют домашние животные, отходы животноводства (Рябов, Бибики 1982;

Павлов, 1990). В отношении этого волка необходимо применять самые жёсткие истребительные меры. Для сокращения численности синантропного лесостепного волка нужны скоординированные, направленные сразу на всю популяцию истребительные мероприятия. Активная локальная борьба с ним в одном небольшом районе, с привлечением дорогостоящей авиации и снегоходов, на короткое время решает «проблему хищника», но не гарантирует сохранность диких копытных. Она даже может оказаться благоприятной для не территориальных волков из соседних районов, избавляя их от конкуренции с хозяевами за территорию и добычу, стимулируя плодовитость самок.

Меньше конфликтует с человеком (в основном лишь из-за использования ресурсов диких копытных) наиболее скрытный южный горно-таёжный волк (Завацкий, 1987; Смирнов, 2002). Урон, причиняемый горно-таёжным волком охотничьему хозяйству в целом, расценивается как умеренный. Его численность ограничивается естественной саморегуляцией в зависимости от состояния ресурсов основных жертв — диких копытных. Регулирование поголовья горно-таёжного волка наиболее трудоёмкое и дорогое. Современный объём добычи горно-таёжного волка (в Красноярском крае 7—10%, на северо-востоке республики Тыва до 12% от его численности) в целом не оказывает на популяцию ощутимого влияния (Суворов, Смирнов, Горева, 2007). Регулирование горно-таёжного волка в хозяйствах, где он конкурирует с человеком из-за ресурсов диких копытных, целесообразно проводить за счёт молодняка на логовах с сохранением семейных пар. Это позволит сохранить границы их участков и буферные резерваты диких копытных от вторжения и разорения не территориальными волками. При этом паре хищников необходимо корма в несколько раз меньше, чем стае. По данным А.Я. Бондарева (2008), от хищничества матерых пар, лишённых выводков, погибало 4,6% ресурсов лосей, а там, где выводки сохранились и волки охотились стаями, от них погибало 23% лосей или в 5 раз больше.

Хищничество волка сокращает ресурсы диких копытных, сдерживает их природотропность. Для изучения размеров хищничества приенисейских волков в различных его популяциях ежегодно весной обследовались коренные участки семейных стад (обычно состоящих из 4-6 особей). Средние данные на охотничий участок семьи волков по обнаруженным останкам копытных на 52 обследованных участках составили: северо-таёжных диких северных

охота

и охотничье хозяйство 6 2009

Ежемесячный иллюстрированный журнал.

Учредитель: трудовая коллекция редакции журнала.

Сеть обществ охотников и рыболовов РФ.

* Основан в октябре 1955 г.

олений, 9 лосей; горно-таёжных — 12 маралов, 6 косуль, 2 лося; лесостепных — 19 косуль, 2 марала, 3 лося. На одного волка средняя суточная зимняя добыча диких копытных составляла: северо-таёжного и горно-таёжного — по 1,6 кг, лесостепного — 0,8 кг мяса. Недостаток питания волки восполняли за счёт других кормов: северо-таёжные — зайцем-беляком, горно-таёжные — кабаргой, сибирским горным козлом, кабаном, лесостепные — бобром, зайцами (русаком и беляком), домашним скотом (до 40%), падалью и случайными кормами (10%).

В управлении популяциями волка есть свои особенности. Очень важно знать пространственную территориальную структуру семейно-стайных участков. Общие методики учёта зверей (ЗМУ, учёты на пробных площадях) для установления поголовья волков не подходят в связи с их протяжёнными суточными переходами, большими участками обитания семейных стай, кочевым образом жизни переярков и других не территориальных особей. Зимние участки обитания семейных стай волка в горных условиях Восточной Сибири обычно не совпадают с летними из-за различий высоты и состояния снежного покрова в высотных поясах, типах угодий, на разных экспозициях склонов хребтов. Непостоянное зимнее размещение диких копытных с миграциями и кочёвками в зависимости от состояния снежного покрова определяет пространственное размещение зимних охотничье-кормовых участков волка в изменяющихся границах. Только учёт выводковых (коренных) участков семейных пар волка с картированием их местонахождения даёт наибольшую точность в определении его поголовья.

Для расчёта численности волка необходимо иметь данные о количестве занятых им коренных участков, средней плодовитости, смертности и возрастной структуре его популяций. Для этого в Красноярском крае использовали сеть респондентов-наблюдателей (из числа специалистов охотничьего хозяйства и охотников, неоднократно добывавших волков). В каждый район наблюдателям направляли специальную анкету (с вопросами и местом для ответов в пределах 1,5 страниц и картой-схемой местности на оборотной стороне листа). В кратких ответах на вопросы наблюдатели давали сведения (с указанием на схеме) по весенне-летнему размещению матёрых пар и выводков, осенним встречам семейных стай, по плодовитости и смертности волков, структуре заготовок, описывали состояние коренных участков, зимнее размещение диких копытных и состояние их ресурсов. Коренной участок семейной пары волка в полевых условиях выявляли по следам жизнедеятельности (использовали авиацию, наземные технические средства, конные, лыжные или пешие маршруты). В горно-таёжной зоне, где все охотничьи переходы матёрых ранней весной приурочены к рус-

лам рек, пределы кормовых участков, устанавливали троплением следов хищников по основному руслу реки и её смежным боковым притокам.

Очень жаль, но коренные участки волка (не говоря уж о логовах) специально не выявляются даже в спортивных охотничьих хозяйствах. Руководители не ведут их учёт и картирование, сбор морфологического материала для определения возрастной структуры хищников. Сбор клыков от добытых охотой хищников должен быть обязательным условием получения за них вознаграждения. Не требуют с них этой работы контролирующие органы. При огромных возможностях потенциального накопления в регионах экологического и морфологического материала по волку в многолетней истребительной компании, географические особенности его биологии (территориально-стайная и половозрастная структура популяций, плодовитость, смертность и др.), определяющие успешность контроля численности, остаются слабо изученными. Ни в одном из регионов России не собирают централизованно клыки от добытых охотой волков, хотя возрастную структуру хищников легко определить по степени зарастания их каналов. Это, в свою очередь, даёт возможность отслеживать половозрастную избирательность промысла.

Для расчёта численности волка необходимо иметь данные о количестве занятых им коренных участков, средней плодовитости, смертности и возрастной структуре его популяций. Возраст погибших волков легко определить по возрастному показателю (степени зарастания канала) на его поперечном спиле, как отношение площади сечения канала клыка к площади сечения самого клыка в % (см. табл.).

Для определения численности территориальных волков нужно установить средний размер семейной стаи. Напри-

мер, в Красноярском крае за год от среднего выводка горно-таёжных волков (5,4 щенка) при совокупной возрастной смертности щенков и прибылых (40%) в среднем сохранится 3,2 особи. Из переярков (при их 50% смертности) до возраста матёрых доживёт лишь 1,6 особи. Средняя семейная стая горно-таёжных волков (пара матёрых и прибылые) составит 5,2 особи, с учётом переярков 6,8 (6—7) особей. Значит, в Красноярском крае на 83 одновременно занятых волком коренных участках может максимально обитать 432 территориальных (матёрых и прибылых) волков, в присутствии переярков — 565 особей. Группа не территориальных волков (231 особь) включает 133 (1,6х83) переярка и 98 не размножающихся матёрых (17,3 % от 565 особей). Доля не территориальных матёрых (в %) находится, как разность между долями матёрых среди добытых охотой хищников (определяется по срезам клыков), в полной семейной стае. Общее максимальное прогнозируемое поголовье горно-таёжного волка в Красноярском крае оценивается в 660 особей.

Знание границ коренных участков семейных стай даёт возможность более эффективно и грамотно регулировать их численность: отлавливать капканами на тропах внутри участков матёрых, разрушая стаю и истребляя беспомощный молодняк, или изымать переярков за их пределами на привадах, не нарушая границ буферных зон стай. На коренных семейных участках матёрые пары можно эффективно добывать ночными окладами логова флажками, подманиванием «вабой», отловом капканами и петлями с использованием искусственных мочевых точек и ароматизированных приманок на переходах к логову, водопой и добыче. Но все эти методы добычи волка надо изучать и апробировать в хозяйствах.

При недостатке зимой кормов мате-

В охотничьем хозяйстве России борьба с волком в большинстве регионов проводится стихийно
Фото А. Дигилевича

рых можно задержать на участках привадами, прикармливая их с осени. Для избирательного отлова матерых нужно знать переходы стаи, уметь правильно выбрать тропу и место постановки на ней самоловов. В капкан, поставленный на случайной тропе, вблизи привады, за пределами коренного участка или небрежно установленный, в лучшем случае попадет молодой неопытный зверь. Эффективность борьбы с волком при высокой его численности должна оцениваться не по общему количеству уничтоженных хищников, включая волчат, а по числу добытых матёрых (производителей и кормильцев) — наиболее продуктивной части популяции. Истребление молодняка лишь сдерживает прирост популяции, истребление воспроизводственной части матерых волков не только ограничивает численность, но и разрушает её структуру. Однако с истреблением матёрых волков стираются границы их кормовых участков и резерваты копытных — «буферные зоны», нарушается внутривидовая структура и пространственные отношения «хищника-жертвы». Поэтому борьба с волком может быть эффективной, если она скоординирована и направлена на популяцию сразу во всех прилежащих друг к другу районах в её пределах.

Регулирование численности волка при низкой его плотности населения, наоборот, целесообразно проводить за счёт молодняка на логовах с сохранением семейных пар. Это позволит сохранить границы их участков и буферные резерваты диких копытных. В экстремальных условиях при низкой плотности собственного населения, нарушении половой структуры и распаде стай, популяция волка способна восстанавливать свою численность через гибридизацию с собаками. При интенсивном истреблении волка в 1980-х гг. в Красноярском крае и Хакасии было установлено 62 очага гибридизации волка (43 лесостепного) с собаками (Суворов, 2004).

При тотальном истреблении волка на территории спортивных охотничьих хозяйств сначала разрушают структуру стаи отловом матёрых капканами на тропах внутри участков или отстрелом, подманивая «вабой» и уничтожая затем беспомощный молодняк. При умеренном регулировании поголовья хищников, наоборот, изымают из логов щенков, не трогая матёрых, или на привадах за пределами семейных участков отлавливают переярков и прибылых.

На большей части естественных особ охраняемых природных территорий (заповедники, национальные парки), где волк не конкурирует с охотником из-за дичи и охраняется законом, его численность зависит от состояния ресурсов диких копытных и других источников питания. Она ограничивается главным образом внутри и межстаевой саморегуляцией, поэтому регулирование здесь волка человеком приносит для диких копытных больше вреда, чем пользы.

Волк бесспорно занимает первое место в ряду диких животных, имеющих значение в экономическом быту нашей родины

В последние годы оказался заметно утраченным опыт техники добычи волка капканами и петлями и весенне-летней охоты на логовах. Утрачены и сами кадры волчатников. Не изучается и не внедряется в спортивных охотничьих хозяйствах российский и региональный опыты проведения красивых и глубоко эмоциональных облавных флажных и других традиционных охот. Недостаток практического опыта и слабое знание экологии волка создаёт иллюзию неуязвимости хищника. При получении определённых знаний и навыков охота на волка становится весьма интересной и результативной.

Для контроля состояния ресурсов волка в регионах и координации усилий охотников-волчатников экономически оправдано создавать при контролируемых органах специализированные оперативные службы управления волком из охотоведов и егерей. Такие службы смогут объединить охотников-волчатников, повысить их практические навыки по технике промысла волка, позволят вырастить и сохранить кадры профессионалов. В региональных центрах подготовки специалистов охотничьего хозяйства на специальных курсах при финансовой поддержке грантами нужно организовать централизованное обучение охотников-волчатников и совершенствование их навыков по добыче волка различными способами. Потери диких копытных от волка многократно больше затрат на содержание специальной службы и обучения на курсах охотников-волчатников. Но скупой платит дважды.

Чтобы снизить причиняемый волками ущерб, нужно восстановить утраченную систему вознаграждений по конкурсу охотников-волчатников и разнообразить поощрительные меры. Система вознаграждений должна стимулировать избирательный промысел матерых волков старше двух лет. В Красноярском крае в 2008 г. для усиления борьбы с волком был объявлен конкурс по гранту на 2 млн. рублей, однако финансирование мероприятия прошло лишь в июле, когда уже закончилась зима и была упущена возможность охоты на логовах. При таком щадящем «регулировании» поголовья волка и ограничении легальной охоты на копытных, наоборот, устранялась межстаевая конкуренция волка и создавались наиболее благоприятные условия для его размножения.

Волк в охотничьем хозяйстве, тем более спортивном, как таракан в квартире — признак неблагополучия, нечистоплотности и расточительности хозяйства. Каждый уничтоженный матерый волк — это потенциально сохраненные его жертвы — дикие копытные. Поэтому лицензия на копытного зверя должна рассматриваться в первую очередь как поощрительная мера охотникам-волчатникам за его охрану и защиту от волка. Добыча матерых должна стимулировать выдачей волчатникам бесплатных лицензий на диких копытных, молодых волков — платных, с установленной скидкой, денежным и материальным вознаграждением.

Таблица

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВОЗРАСТА ВОЛКА ПО ЗАРАСТАНИЮ КАНАЛА ЕГО КЛЫКА

Возраст, лет	0+	1	2	3	4	5	6	7	8+и старше (старик)
Возрастной показатель, %	50-35	35-25	25-15	15-8	8-4	4-2	2-1	1-0	0

Неожиданное поведение

Июньский лес встречает живыми букетами золотых купальниц. За лесом залив, где и среди дня можно увидеть утиные выводки.

Перед заливом ворона заметила канюка и с криками атаковала его. Он не потерпел такого отношения к себе и несколько минут го-ялся за скандалисткой, вот-вот готовый схватить ее. Но она ловко увертывалась. Кончилось тем, что вместе с подоспевшим чибисом (который, однако, особенно близко к хищнику не подлетал) ворона угнала канюка подальше от своей территории.

На зарастающем заливе долго не было видно никакой живности. Но вот утка осторожно выплыла из зарослей. Осмотрелась на краю плеса и едва слышно позвала утят. Они выбрались из прибрежной травы и поплыли за матерью. На середине плеса утка опять стала внимательно осматриваться, а утята принялись суетливо кормиться среди чуть показавшейся на поверхности водной травки. Вдруг утка взлетела, негромко крикнула и надолго пропала за грядой молодых березок.

Оказалось, дикая утка, готовая с риском для жизни отвлекать хищников от своего потомства, может надолго оставить утят одних среди открытого плеса и улететь куда-то. Не ожидал такого ее поведения.

Утята будто не обратили на это внимания. Они по-прежнему весело плавали. А когда нарезвились, собрались на открытой воде в плотную стайку. Наконец мать вернулась. Утята впереди нее поплыли к стене тростника. Там можно и кормиться, и спрятаться от опасности, чтобы вдруг не увидеть перед собой страшные глаза болотного луня.

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ. Фото автора

Дорогая редакция! Пишет вам охотник с многолетним стажем. Регулярно читаю ваш журнал, как говорится, от корки до корки. Меня очень заинтересовала статья В. Максимова «Куда исчезают кабаны зимой» в № 8 за 2008 г. Действительно, их поведение вызывает подчас удивление и недоумение.

Мне приходилось видеть тропы-траншеи кабанов в глубоком снегу и на ограниченной территории. Эти тропы вели, как правило, к небольшим лесным болотцам или низинам. Удалось обнаружить и место лежки кабанов. Это была куртина густого хвойного подроста с чередованием крупных елей. Под одной крупной елью с нависшими до самой земли ветвями и находилась лежанка семьи кабанов, которая имела почти круглую форму диаметром около 2 м. Она была устлана мелкими ветвями елей и сухой травой. Ель одной своей стороной находилась на просеке, что вызвало большое удивление у нашей группы охотников. Но место это далеко от дорог и жилья, и фактор беспокойства зверей был минимальным. Этой лежанкой, похоже, пользовались длительное время не менее 5–6 зве-

рей, на что указывали глубокие траншеи в снегу и подтаившее кольцообразное углубление.

В теплые малоснежные зимы кабан обычно активен, в поисках кормовых мест он перемещается на значительные расстояния. А сильные морозы и глубокий снег заставляют его экономить силы, в полудремотном состоянии проводить, не двигаясь, несколько дней.

Хотелось бы вспомнить замечательную статью М. Павлова, ученого, биолога-охотоведа «Потрясающее чудо природы: кабаны в лесах вятского глубокоснежья», напечатанную в вашем журнале № 2 за 2007 г. Автор подтверждает факт зимовки кабана в гнивах елового подлеска, примыкающего к полю и лиственной части леса, но ни слова не говорит о его «спячке» или «зимнем сне». Как же называть это резкое снижение подвижности кабанов, продолжающееся необычно долгое время? Хотелось бы пригласить специалистов к дискуссии по данному вопросу.

Н. СИНДЮКОВ
Нижегородская обл.

О «ЗИМОСПЯЩИХ» КАБАНАХ

А. ДАНИЛКИН, профессор, доктор биологических наук.
Фото автора

В журнале «Охота и охотничье хозяйство» (1999, № 7; 2007, № 2) опубликованы статьи известного охотоведа М.П. Павлова о чуде природы — вятских кабанов. В Кировской области одна из семей кабана с середины ноября по апрель прожила ... не кормясь, и при этом не ослабли даже сеголетки. Вятские кабаны, по этому описанию, стали «зимоспящими» животными! Недавно «открытие», сделанное М. Павловым, подтверждено В. Максимовым (2008, № 8) — зимой «зверь спит», и это, по его мнению, «в дальнейшем должно повлечь изменения в методике учетов данного вида животных, а также промыслового использования».

Можно было бы, как и прежде, не реагировать на «байки» охотоведов. Однако эта гипотеза набирает силу, благодаря железный аргумент в поддержку — спят же зимой медведи, барсуки, енотовидные собаки и даже, кратко современно, белки в сильные морозы. Солидные охотничьи руководители, ссылаясь на авторитетный журнал, озвучивают ее на собраниях, а егеря при этом ухмыляются — зимой кормить кабанов не будем, домашних свиней тоже, пусть спят!

Приведенные в статьях факты весьма любопытны, но, на мой взгляд, очень сомнительны, поскольку постоянного слежения за животными организовано не было. Сведения о непрерывном нахождении кабанов на лежках более 3 дней пока что никем не подтверждены ни документально, ни экспериментально. За 40-летний период наблюдений я всего лишь 5 раз регистрировал свежие следы зверей, вышедших из «гнезд», копен соломы и сена, которые они не покидали 1—3 дня в метели и сильнейшие морозы, и добыл крупного секача, случайно выгнав его из стога соломы, в

А.А. Данилкин с «зимоспящими» кабанов

котором он находился около 2 суток. Однако вряд ли эту вынужденную меру спасения жизни можно считать «зимним сном».

Кабан — южное по происхождению и теплолюбивое животное, которому ежедневно требуется, помимо корма, несколько литров воды. Один из основных способов добывания им пищи — роющая деятельность. После сильных морозов подземные корма и свободная вода становятся недоступными. Взрослые сильные особи способны разрыть слой почвы, промерзший на глубину не более 7—8 см. В многоснежье (свыше 50—70 см) поиск и добывание корма значительно затруднены или невозможны из-за резкого ограничения

перемещения. При длительных переходах по снегу животные нередко ранят ноги до крови ледяной коркой, нижняя часть тела, наименее защищенная волосяным покровом, постоянно переохлаждается, у отдельных свиней вымерзают соски, что сказывается на воспроизводстве. Из-за недостатка корма, воды и непомерных энергозатрат звери быстро худеют, а потерявшие более 40% веса тела «засыпают» на лежках навсегда.

Как же все-таки кабан выживает в тайге, где нет желудей, орехов и фруктов, при температуре ниже —20°C, замёрзшей почве, в метровой толще снега, в отсутствии свободной воды, и куда он порой исчезает зимой?

У северных млекопитающих учеными найдено немало морфологических и физиологических адаптаций к экстремальным условиям: увеличение размеров тела (не у всех), наличие густого волосяного покрова с пуховым подшерстком, жирозапасание, сложная конфигурация носовой раковины и васкулялизация слизистых оболочек стенок носовой полости, снижение уровня метаболизма, сокращение частоты дыхания и объема вдыхаемого и выдыхаемого воздуха, снижение температуры тела (не только у зимоспящих видов, но и у северного оленя, лося, якутской лошади, яка и лисицы). Основная поведенческая адаптация — резкое уменьшение подвижности и размеров суточных и сезонного участков обитания. Животные предпочитают кормиться на одном месте вблизи убежищ. Их потребность в кормах при пониженном уровне метаболизма существенно сокращается.

Эти адаптивные особенности присущи и дикой свинье. Кабан, как ни один другой вид фауны России, не впадающий в спячку или зимний сон, способен накапливать значительные жировые резервы. Восстановление потерянных за зиму белков и жиров происходит очень быстро в связи с обильным потреблением весной и летом животной пищи, и прежде всего земляных червей. Осенью питание этих зверей носит характер гиперфагии с явным избытком потребления пищи, которую организм преобразует в жир, распределяя его по всему телу. У некоторых особей жировые запасы составляют около 20—25% живого веса, подкожный слой на хребте достигает 6 см, а вес внутрисплетного жира — 7—9 кг. Жир представляет собой ценнейший энергетический продукт, который животные постоянно носят «с собой», и, кроме того, он прекрасно изолирует организм от переохлаждения.

Кабаны, обитающие на севере ареала, имеют более густой волосяной покров, чем звери, живущие в южных областях. Взрослые упитанные особи с хорошо развитым волосяным покровом в суровые зимы имеют гораздо больше шансов на выживание по сравнению с сеголетками, у которых жировые запасы весьма скудны по причине быстрого расходования их растущим организмом, а шерстный покров гораздо беднее. Низкая упитанность зверей в весенне-летний период, возможно, не только результат зимнего истощения, но и своеобразная адаптация к высоким летним температурам, которые особи, не имеющие значительных жировых отложений, переносят легче.

Что ест кабан зимой? Дикie свиньи раскапывают снег и поедают влажные (источник воды!) зеленые побеги черники, брусники, осок, хвощей, зеленую прикорневую поросль некоторых злаков и других трав, молодые стебли тростника. В отсутствие зимнезеленых растений они начинают потреблять древесные и наземные лишайники, мхи, травяную ветошь, побеги, ветви, кору, хвою и доступные корни деревьев и кустар-

ников, упавшие на землю листья и шишки, труху гнилых пней и гнилую древесину, древесные грибы-трутовики. Эта пища, замечу, хотя и грубая, и малокалорийная, но весьма влагоемкая. В бескормицу звери пытаются отыскать остатки урожая на полях, выходят к окраинам населенных пунктов и животноводческим фермам, посещают овощехранилища, бурты картофеля и свеклы, силосные и зерносенажные ямы, скотомогильники, свалки, помойки, бродят по дорогам, собирая сено и конский навоз, утилизируют трупы, остатки волчьих трапез и охотничьей добычи, изредка нападают на живых животных, подчас — на своих ослабленных собратьев. В критических ситуациях они заходят в населенные пункты, где чаще получают картель, чем помощь. Однако известны случаи, когда люди подкармливали ослабевших свиней, и те оставались жить у человека.

Поражает способность диких свиней находить сравнительно малоснежные участки с запасами зимнего корма. Для многих группировок характерны регулярные осенне-зимние миграции на десятки километров к таким кормовым стациям. Если осенью кабан не находит достаточно еды, он перемещается в другой район. Иногда звери, или часть их, внезапно исчезают из охотничьих хозяйств даже при наличии корма на подкормочных площадках. Типичная причина эмиграции — частые загонные охоты.

Зимой диким свиньям жизненно важно максимально снизить энергозатраты. Их двигательная активность резко сокращается: средняя длина суточного хода обычно не превышает 2—3 км, размеры участков обитания уменьшаются с нескольких сотен до нескольких гектаров. Зверь фактически живет возле корма. Малая подвижность кабанов способствует поддержанию мифа об их исчезновении (спячке). В особенно морозные и ветреные дни они ложатся в

муравейники, стога, копны соломы или сена, строят утепленные «гнезда» в густых ельниках, где выше температура среды и в избытке строительный материал, и большую часть времени проводят в них вместе, согревая друг друга. На жировку животные выходят нередко только в середине дня, когда температура воздуха существенно повышается.

В глубокоснежье мне не раз, как и авторам вышеназванных публикаций, приходилось находить траншеи кабанов, протяженностью несколько сотен метров. Они тянулись от густых ельников, где были лежки животных, к малопромерзающим верховым болотам, к понижениям с зеленой влажной растительностью или к ближайшим зерновым полям. Зверь, получавший доступ к скудному корму, доживал до весны, но далеко не все — сеголетки чаще погибали. Встречались также траншеи иного рода: после обильного снегопада кабаны безуспешно пытались выбраться из снежного плена и пробивали несколько троп в разные стороны, но не находили ни корма, ни воды. Через 2—6 недель я находил здесь живые «скелеты» или замерзшие трупы.

Важнейшие зимние стаии кабана на севере ареала — ельники (убежища) и верховые болота (источники пищи и воды). В таких стаиях переживания группировки уцелели даже тогда, когда оригинальное социалистическое сельское хозяйство, ежегодно оставлявшее обильный урожай на корню, прекратило свое существование. Зверь, живущий вблизи верховых болот, нередко не посещает подкормочные площадки. Игнорируя подкормку, дикие свиньи поступают совершенно правильно с точки зрения сохранения энергии и жизни. До подкормочных площадок нужно идти несколько километров и столько же — назад в убежища. Скудный, сухой и, часто, некачественный корм ни в коей мере не покрывает энергетических затрат на передвижение. Кроме того, на

Родильное «гнездо» кабана

Типичная зимняя лежка кабана

подкормочных площадках зверей стреляют, а на пути нередко подстерегают хищники. Кабаны обучаются весьма быстро, а многие охотоведы, к сожалению, до сих пор не могут понять, что зверей нужно подкармливать вблизи их зимних убежищ, а не вблизи жилья егерей.

Весьма эффективной оказывается и социальная организация популяций кабана, в основе которой лежит семейно-групповой образ жизни с лидерством наиболее опытных и сильных особей. Молодые животные выживают исключительно благодаря взрослым, способным торить тропы в снегу, устраивать утепленные «гнезда», активно защищать потомство от хищников, находить и выкапывать подземный корм. Перемещаются они исключительно по набитым тропам гуськом вслед за вожаком, что значительно снижает потери энергии. Поросята зимой практически не в состоянии самостоятельно добывать корм и в основном подбирают остатки пищи на пороях взрослых особей. Соответственно каждый взрослый зверь способствует таким образом выживанию как минимум 1—2 сеголеткам, что необходимо учитывать в практике охотничьего хозяйства.

Всеядность, обильное жирозапасание, снижение уровня метаболизма, прекращение роста, уменьшение потребления корма, максимально экономное расходование жировых запасов,

«гнездостроительство» и коллективная терморегуляция — основная, преимущественно гипобиозная, стратегия выживания кабана зимой. В нее не вписываются лишь крупные энергетические потери взрослых самцов во время гона и ранние опоросы самок в холодный период. Однако первое обстоятельство характерно практически для всех видов копытных и приводит к повышенной смертности самцов, а последнее компенсируется особенно высоким жиротолжением у самок и способностью к деторождению в утепленных убежищах. Сеголетки из ранневесенних пометов достигают к зиме большего веса, что немаловажно для выживания особей благополучия популяций и вида в целом.

Дикая свинья по ряду морфофизиологических особенностей действительно близка к зимоспящим млекопитающим, достигшим большого прогресса в адаптациях к суровым зимним условиям. Нельзя исключить, что на севере ареала у нее могут возникать отдельные элементы зимнего сна, близкие к кратковременному оцепенению. Но утверждать, что зимой кабан выживает в тайге, не кормясь месяцами, и что он в это время «спит», нелепо. Ежегодные потери кабанов в России от истощения, преимущественно сеголетков, исчисляются десятками тысяч голов, что никак не согласуется с гипотезой зимнего сна у этого вида. Не спят, увы, дикие свиньи и на охотничьих фермах, поглощая

ежедневно тонны корма. Не удалось сделать зимоспящей и домашнюю свинью, хотя в колхозах были созданы для этого идеальные условия: длительное отсутствие корма, воды и холодные свинарники. Зато скотомогильники, заваленные трупами навсегда уснувших свиней и других домашних животных, были характерной особенностью советского времени.

И все же было бы интересно провести биотелеметрическое исследование физиологических параметров кабана на северном пределе ареала. Техника для такого эксперимента имеется, дело — за финансированием.

Нужно ли изменять методики учета кабана и других видов копытных в позднелинейный период, когда их двигательная активность минимальна? Безусловно, но не из-за недоучета при ЗМУ, а из-за массовых приписок. Надо ли изменять методы промыслового использования копытных? Непременно. В российских экстремальных условиях давно пора ежегодно изымать из популяций большую часть сеголетков, десятками тысяч беспорядочно засыпающих зимой, а не истреблять планомерно взрослое поголовье, не губить репродуктивное ядро группировок и не выгонять зверей из их зимних убежищ бесконечными загонами, обрекая на голодную смерть, что происходит почти повсеместно.

Крепким сном спят не кабаны, а отечественные руководящие охотничьи чиновники, которые в последние десятилетия не подготовили ни одного заслуживающего внимания нормативно-правового акта, направленного на улучшение охраны и использования ресурсов охотничьих животных. Пробуждаясь от спячки, они лишь периодически «реформируют» самих себя, изменяя названия своих контор, и умудрились дважды причислить волка к особо ценным в хозяйственном отношении объектам животного мира наряду с дикими копытными (приказы №№ 70 и 192 Министерства сельского хозяйства РФ, 2005 г.). Даже долгодлительный проект закона «Об охоте», принятый Государственной Думой в первом чтении 4 июля 2008 г., и новые правила охоты, судя по их парадоксальному содержанию, тоже были «рождены» в состоянии глубокого оцепенения. Вот на этот чиновничий феномен следовало бы обратить особое внимание!

Дорогие читатели!

подписка на журнал «Охота и охотничье хозяйство» продолжается.

В розницу журнал не поступает, чтобы стать его обладателем, нужно оформить подписку.

Наш подписной индекс 70673 по каталогу Роспечати

Пассионарный охотник, талантливый охотовед

К 70-летию И.А. Туманова

В 2009 году исполнилось 70 лет со дня рождения известного питерского охотоведа, доктора биологических наук Игоря Леонидовича Туманова. Наш юбиляр — коренной ленинградско-петербуржец, родился в семье, где очень любили родную природу. Уже в школе Игорь Туманов проявлял большой интерес к зоологии и путешествиям, занимался в кружке юннатов и в секции горно-пешеходного туризма при Ленинградском Дворце пионеров.

Страсть к охоте проявилась довольно рано. В 16 лет И. Туманов уже слыл среди сверстников грамотным охотником по птице и вскоре получил свой первый охотничий билет. С тех пор уже более полувека состоит в рядах страстных охотников. Далее была учеба в Ленинградском сельскохозяйственном институте (1956—61 гг.), где получил хорошую подготовку у известного зоолога и путешественника проф. И.Д. Стрельникова, под руководством которого выполнил дипломную работу по биологии мелких хищников и грызунов — обитателей лесных и полевых экосистем.

По окончании ЛСХИ молодой специалист был направлен в Новгородскую областную станцию по защите лесных и сельскохозяйственных культур, где трудился с 1961 по 1963 гг. в должности заместителя директора. Живя в Ильменской пойме на берегу удивительно красивой реки Веренды, все свободное время он посвящал охоте и рыбалке. Много охотился на водоплавающую и болотную дичь, ходил на облавные охоты, ставил капканы на куниц и других мелких кунных.

Первых собак завел в 20-летнем возрасте, и любовь к ним сохранилась на всю жизнь. Еще студентом, бывая на охотах со своими друзьями-старшекурсниками, в будущем известными зоологами О.С. Русаковым и В.П. Галанцевым, которые держали немецких континентальных легавых, увлекся этими собаками. Исключительно важным для собачатника Туманова стал 1962 г., когда знакомый охотник из Сибири привез ему в подарок щенка восточносибирской лайки, выросшего в замечательно умную рабочую собаку, охоты с которой оставили в его душе много незабываемых впечатлений. С тех пор «собачьи» привязанности юбиляра полностью отданы этой породе.

Кандидатскую диссертацию Туманов успешно защитил в 1967 г. По окончании аспирантуры в августе 1965 г. уехал в Восточные Саяны, где полгода работал сезонным охотником в Тофаларском промхозе. Вернувшись в Ленинград был принят в Западное отделение ВНИИОЗ, где проработал 28 лет вплоть до 1994 г. Во ВНИИОЗовский период научными руко-

водителями по разным направлениям работы были замечательные специалисты и преданные охотоведческой науке ученые — профессора С.А. Корытин и Н.Н. Граков, а также к.б.н. Г.И. Монахов. В 1993 г. обобщил и проанализировал весь накопленный во время работы во ВНИИОЗ опыт, представил его в виде докторской диссертации «Адаптивные особенности млекопитающих семейства кунных (эколого-физиологические и морфологические аспекты)». Диссертация была успешно защищена в Ленинградском университете.

В трудные годы перестройки юбиляр расстался с родным ВНИИОЗом и ушел работать главным научным сотрудником и заведующим отделом экологии и охраны животных Государственного НИИ охраны природы Арктики и Севера, а с 1998 по 2005 г. поработал еще и ведущим научным сотрудником лаборатории экологии и природопользования ГНЦ «Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт».

Но в каком бы учреждении не трудился наш юбиляр, он повсюду активно выезжал в экспедиции, командировки, во время которых изучал хищных млекопитающих разных регионов Севера и Северо-Запада России. Он был участником и руководителем научных экспедиций в Закавказье и Дагестане, в Восточных Саянах и Бурятии, в Большеземельской тундре и на Таймыре. Теперь Игорь Леонидович Туманов активно сотрудничает и с учеными Зоологического института РАН, выезжая в совместные экспедиции по оценке состояния популяции редких животных на Сахалин и Курилы. И.Л. Туманов участвовал в работе более тридцати научных международных и российских симпозиумов и конференций, бывал в США, Германии, Голландии, Испании, Швеции, Норвегии, Румынии, Чехии и в других странах. В настоящее время руководит научными работами студентов и аспирантов, под его руководством уже защитились три кандидата наук, мудрыми советами делится со всеми: с молодыми исследователями и простыми охотниками. Он является членом научного комитета 29-го Международного конгресса биологов-охотоведов, который скоро состоится в Москве.

Его перу принадлежит около 250 работ, преимущественно по промысловым животным, в том числе семь, написанных в соавторстве, монографий. В 2003 г. в издательстве «Наука» увидела свет главная на сегодняшний день его книга «Биологические особенности хищных млекопитающих России». Грядет завершение монографии «Редкие хищные млекопитающие России». В ближайших планах — еще несколько капитальных трудов.

Игорь Леонидович Туманов

И.Л. Туманов неоднократно награжден Почетными грамотами РФОС, Центрального правления Ассоциации РОРС, в 2005 г. ему было присвоено звание «Почетный член Ассоциации «Росохотрыболовсоюз». Ветеран труда.

Отрадно, что пуповина, десятилетиями связывавшая Игоря Леонидовича с ВНИИОЗ, оказалась настолько прочной, что теперь он стал членом недавно восстановленного при ВНИИОЗе совета по защите докторских и кандидатских диссертаций, в ближайших планах — возвращение в Западный филиал ВНИИОЗ.

Игорь Леонидович — душа любой компании, потому что его прибаутки, песни под гитару и заразительный смех, как магнитом притягивают всех участников дружеских застолий. В эти моменты он, поглаживая свою белоснежную бороду, обычно говорит: «В таких ситуациях я люблю потекать». Не сомневаюсь, что проникновенные, так сказать, «песни» нашего уважаемого «токовика» еще долгие годы будут магически завораживать подрастающую научную молодежь, друзей и его любимую женщину — Аллу Алексеевну.

Игорь Леонидович Туманов — подписчик журнала «Охота и охотничье хозяйство» со времени его основания.

Пожелаем же юбиляру долгих лет жизни, творческих успехов и, традиционно, — удачи на охотничьей тропе.

В. САФОНОВ, А. САВЕЛЬЕВ

Охотничье хозяйство: стратегия сохранения биоразнообразия

А. УЛИТИН, доктор биологических наук

15 сентября 1969 г. в Колонном зале Дома Союзов начал работу IX Международный конгресс биологов-охотоведов. Открыл конгресс почетный председатель — Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный. Был создан организационный комитет во главе с начальником Главного управления по охране природы, заповедников и охотничьему хозяйству МСХ СССР Богдановым Б.Н. при участии руководителя Главохоты при Совете Министров РСФСР Н.В. Елисеева, председателя Росохотрыболовсоюза А.И. Королькова, генерального секретаря Конгресса проф. А.Г. Банникова, главного редактора журнала «Охота и охотничье хозяйство» О.К. Гусева и других известных ученых и специалистов в охотничьем хозяйстве. Президиум Конгресса состоял из 36 известных стране и миру специалистов и ученых. Главной темой конгресса была «Рациональная охота — одно из звеньев в общей системе мер по охране природы и природных ресурсов». После традиционных приветствий и пленарных докладов вся работа была построена на симпозиумах и секциях с учетом профессиональной тематики. На конгресс прибыло около 200 ученых биологов-охотоведов из 34 стран, присутствовало свыше 500 советских ученых и специалистов охотничьего хозяйства. Конгресс посетили выдающиеся общественные деятели. Было заслушано более 120 докладов по актуальным проблемам «Современного охотничьего хозяйства». Было установлено множество деловых и дружеских контактов, произошел широкий обмен мнениями и опытом в области охотоведения в целях определения мер между такими отраслями, как сельское, лесное, водное хозяйства. Главный акцент — улучшение состояния среды обитания диких животных и обеспечение развития научных основ ведения охотничьего хозяйства в комплексе с другими видами природопользования. Опубликованы «Труды IX Международного конгресса биологов-охотоведов» объемом почти в 1000 страниц.

Прошло 40 лет. В 2007 г. в Швеции состоялся XXVIII конгресс Международного союза биологов-охотоведов, во время работы которого было принято решение очередной XXIX конгресс провести в России, в Москве, в августе 2009 г. (XXIX конгресс биологов-охотоведов. Наш журнал. № 1, 2008). Главная тема предстоящего Конгресса: «Охотничье хозяйство — одно из важнейших инструментов сохранения животного мира». Запланирована работа почти в 20 секциях и дискуссионных заседаниях.

Одним из пленарных докладов будет тема, определенная в заголовке этой статьи. Мне поручено подготовить этот доклад.

Проблемы сохранения биоразнооб-

Александр Александрович Улитин

разия подняты особенно остро на Международном форуме в Рио-де-Жанейро в 1992 г., ибо человечество стало понимать опасность оскудения живой природы и провозгласило в лице глав государств Концепцию устойчивого развития. Во главу угла было поставлено экологическое образование, а это означало, что каждое государство должно было принять Национальную стратегию по сохранению биоразнообразия.

Международный форум (1992 г.) отметил, что человечество должно предложить новое мировое устройство и новую модель развития общества и обеспечить гармонизацию функций: «Человек, природа, общество» в целях избежать истощения возобновляемых ресурсов биосферы, накопления вредных веществ в средах и организмах, сохранить биоразнообразие.

Сохранение биоразнообразия занимает особое место среди основных экологических проблем современности. Происходит уничтожение природных экосистем и исчезновение видов живых организмов. Природные экосистемы полностью изменены или уничтожены на пятой части суши. По данным иностранных и российских ученых с 1600 г. зарегистрировано исчезновение 484 видов животных, 654 вида растений. В Красный список МСОП к 2000г. занесено более 9 тыс. видов животных и почти 7 тыс. видов растений.

Возможные последствия разрушения биоты по своей катастрофичности для человечества могут превзойти эффекты от всех других процессов надвигающегося глобального экологического кризиса. Необратимый переход биосферы в новое состояние может привести к ее полной перестройке, в резуль-

тате которой она может оказаться непригодной для жизни человека.

Сегодня стало очевидным, что сохранение биоразнообразия на Земле — необходимое условие выживания человека и устойчивого развития цивилизации. Поэтому большинство развитых государств после решения Международного форума приняли собственные Национальные стратегии по сохранению биоразнообразия. Россия играет ключевую роль в сохранении глобального природного разнообразия. В России, благодаря ее огромной территории (17 млн. км²) и относительно слабой нарушенности природных систем, находится значительная часть мирового биологического разнообразия. Обширная территория страны, многообразие природных и социально-экономических условий, большая протяженность сухопутных и морских границ определяют уникальность масштаба национальной задачи сохранения биоразнообразия.

Среди субъектов Национальной стратегии, помимо органов государственной власти всех уровней, предприятий, банков, СМИ, учреждений науки и культуры значительную роль должны играть российские и международные общественные организации, в том числе общества охотников и рыболовов, а также граждане России.

Национальная стратегия — документ долгосрочного планирования. Она определяет принципы, приоритеты и основные направления политики России в области сохранения биоразнообразия и является неотъемлемой частью Экологической доктрины России. В РФ национальная стратегия принята на Общероссийском форуме, проходившем в Москве с 4 по 6 июня 2001 г., с участием представителей всех заинтересованных секторов общества. На основании Национальной стратегии был создан План действий — система конкретных мер и мероприятий по сохранению биоразнообразия.

Охотничье хозяйство и Национальная стратегия

Сможет ли Россия быть эффективным исполнителем Национальной стратегии по сохранению биоразнообразия?

И, наконец, что же произошло за короткий исторический этап с охотничьим хозяйством России?

Осуществлена полная переориентация социально-экономической социалистической формации на рыночные условия развития. Государство отошло на определенное время от управления и обеспечения развития ряда отраслей, в том числе и охотничьего хозяйства. Возник диспаритет цен на продукцию, работы и услуги в сельском, лесном, охотничьем хозяйстве, поскольку развитие в промышленности, как в более энергоемких производствах, пошло ус-

Эмблема IX Международного конгресса биологов-охотоведов г. Москва

коренными темпами. Неоднократно происходит реформирование органов охраны природы и природопользования. Особенно затрудняет развитие непосильное налоговое бремя в сезонных отраслях деятельности и др.

Отмежевалося от комплексного регулирования сферы природопользования и законодательство. Конституция РФ установила возможность совместного регулирования отношений в сфере природопользования как на уровне федеральных органов государственной власти, так и субъектов РФ. Возник институт частной собственности, в том числе и на природные ресурсы, несмотря на действующий постулат о государственной собственности на все природные ресурсы, включая и животный мир. Произошло четкое разграничение в регулировании отношений в сферах охраны и использования самостоятельных природных ресурсов со стороны власти; при этом установился параллелизм в управлении. Возникли противоречия между специально уполномоченными государственными органами. Появились противоречия между отраслевым природоохранным законодательством, Гражданским и Налоговым кодексами, а не приведение в соответствие ведомственных и, тем более, региональных, нормативно-правовых актов с действующим федеральным законодательством и вовсе усугубило регулирование отношений между природопользователями.

Выжатая донельзя экономика, налоговое бремя, невстроенность в экономические механизмы сезонного характера отрасли с ее природоохранной направленностью, непонимание устройства реформ экономических трудностей, а в большинстве своем — невозможность достижения сносного уровня рентабельности в этой сфере деятельности, почему-то наталкивают чиновников не на исправление положения в отрасли, а на введение дополнительных ведомственных платежей за реализацию права на пользование объектами животного мира.

Учитывая разобщенность охотничьего хозяйства в управлении, контроле и в потере организованной системы охотпользования Лесной кодекс РФ предусмотрел поглощение охоты и охотничьего хозяйства в лесах через регулирование отношений с помощью норм именно этого закона и подзаконных актов лесного законодательства.

Охотпользователи автоматически попадают в разряд «лесоиспользователей» со всеми вытекающими правами и обязанностями лесопользователей. Лесной кодекс РФ изменил порядок отвода охотничьих угодий (в виде лесных участков), вводит лесную декларацию, арендные договоры с платежом за аренду угодий, план развития, иной порядок установления и прекращения права и т.п. И в то же время отсутствует механизм хоть какого-то возврата поступающих средств для целей охраны и воспроизводства в интересах сохранения целостности того же леса с его фаунистической составляющей. В нарушение Конституции РФ такой подход противопоставляет равные по статусу отраслевые федеральные законы: Лесной кодекс РФ и ФЗ «О животном мире».

Государственная Дума Федерального Собрания РФ без проведения экспертизы в 2004 г. исключила из ст. 121 действующего Лесного кодекса РФ (Федеральный закон от 29 января 1997 г. № 22-ФЗ) норму абзаца 3 о ведении охотничьего хозяйства в лесах общественными объединениями охотников и рыболовов на условиях договора на безвозмездной основе. Таким образом, для охотпользователей, но уже в качестве лесопользователей, пытаются установить по своей сути дополнительные платежи на пользование объектами животного мира, лесом, как средой обитания диких животных. Хотя охотпользователи пользуются только лишь для того, чтобы помочь тем же животным выжить в лесу, ради сохранения комплексности и устойчивости лесного биогеоценоза.

Зарубежное законодательство значительно менее централизованно, правила менее зарегулированы. Управление охотничьим хозяйством осуществляется путем создания общественных национальных и региональных советов. При принятии решений госорганы учитывают мнение национальных охотничьих общественных организаций. Права охотпользователей очень широки, государство практически не вмешивается в их деятельность и не устанавливает лимиты, только общие правила. В большинстве европейских стран традиционно большое значение в управлении охотничьим хозяйством имеют общественные охотничьи организации. В США Департаменты рыбы и дичи (госорганы) существуют при федеральном и региональном правительствах. Так было в России около 70 лет. По сравнению с Россией размеры государственных платежей на добычу объектов животного мира и налоговые платежи относительно уровня жизни населения очень низки. В большинстве стран право землевладения отделено от права пользования животными. Лояльное правовое регулирование и малое обременение налогами и платежами дают положительные результаты: высокую численность дичи, ее добычи, значительные объемы средств в обороте отрасли, от которых государство имеет зна-

Эмблема XXIX Международного конгресса биологов-охотоведов г. Москва

чительные налоговые поступления, и, что также немаловажно — законопослушных охотников (уровень развития браконьерства по сравнению с Россией крайне низок).

Для исправления ситуации в охотничьем хозяйстве России считаем, что надо изменить законодательство, регулирующее данные отношения, исключив все препятствующие развитию отрасли нормативы, и в частности:

1. Усилить роль самодостаточных, в том числе общественных, организаций в участии управления отраслью.

2. Признать, что животный мир — единый природный ресурс, и управление им должно быть единым. Надо отменить деление животного мира на собственность федеральную и субъектов РФ. Учитывая, что это вопрос совместного ведения, должны быть распределены более эффективно полномочия и финансирование в управлении между органами федеральной власти и субъектами РФ. Нормативно должны быть установлены лишь общие размеры изъятия и общие сроки добычи.

3. Отменить государственную экспертизу объемов добычи. Экспертизе должны подвергаться только нормативные акты в области охоты и ведения охотничьего хозяйства.

4. Управление использованием охотничьих ресурсов (учет численности, добычи, планирование и прочее) проще вести при организованном охотничьем хозяйстве. Соответственно, законодательство должно стимулировать этот процесс, а это значит, что закон в области охотничьего хозяйства должен содержать нормы преимущественно прямого действия, чтобы чиновники даже своими актами не вправе были изменить норму закона.

5. Необходимо создать Совет (Охотничий) федерального уровня и соответствующие советы в регионах. В их состав должны входить на паритетных началах представители крупных (общероссийских) организаций охотпользователей и общественных организаций, науки, государственных органов. Эти советы должны в основном формировать политику в отрасли.

6. Работу с охотниками следует со-

В. ДЁЖКИН, профессор

средоточить в общественных охотничьих организациях. Эффективность такого подхода доказывает опыт Франции, Польши, Финляндии, Швеции и большинства других государств.

7. Законодательно (через ФЗ «Об охоте и охотничьем хозяйстве») надо запретить отбирать под разными предлогами (тем более в условиях искусственного обезденеживания) охотничьи угодья у обществ. Установить публичный и частный сервитут для целей охоты (восстановить общую доступность угодий для целей охоты), освободить охотничье хозяйство от необоснованных налогов и платежей (охота в году 90—100 дней, а затраты — в течение года). Взаимоотношения с собственниками земельных участков и различными природопользователями должны быть урегулированы законодательно с учетом охраны природы и ее компонентов, а на практике реализовываться в рамках координационных планов. Исключить «охоту и ведение охотничьего хозяйства» из Лесного кодекса РФ как вид лесопользования.

8. Восстановить права штатных работников всех охотпользователей составлять протоколы об административных и уголовных правонарушениях в сфере охоты. Одна эта мера позволит многократно сократить правонарушения в данной сфере.

На Конгрессе предусматривается работа секции «Законодательное регулирование охоты и охотничьего хозяйства». Мною предложены следующие темы:

- Законодательное обеспечение развития охотничьего хозяйства и осуществления охоты в современных условиях в РФ.

- Анализ охотничьего законодательства в России, СНГ, в других государствах.

- Законодательное регулирование деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов власти субъектов РФ по обеспечению развития охотничьего хозяйства (на примере регионов).

- Региональные программы по охране и воспроизводству объектов животного мира (объектов охоты).

- Нормы налогового законодательства, лицензирование: влияние на развитие охотничьего хозяйства.

- Среда обитания диких зверей и птиц (объекты охоты) и регулирование отношений между охотничьим хозяйством и другими пользователями природных ресурсов в свете обеспечения экологической безопасности и сохранения биоразнообразия.

- Духовно-нравственный императив в сфере сохранения традиций русской охоты и обеспечения современного развития охотничьего хозяйства.

Российское охотоведение на Международном XXIX Конгрессе должно быть представлено достойно, и я надеюсь на активное участие в работе конгресса ученых и специалистов, руководителей охотничьего хозяйства.

Важнейшая из современных наук — экология рассматривает живые организмы в сложном взаимодействии со средой их существования и с многочисленными экологическими факторами. Известный российский эколог Н.Ф. Реймерс (1992) к числу таких факторов относит и экологическое пространство. Его следует считать частью физического пространства, обеспечивающего разностороннее взаимодействие организмов с окружающей природной средой. У животных пространственная структура присуща каждой популяции и отражает образ жизни вида, способы и масштабы использования им ресурсов территории.

Человек пользуется экологическим пространством для осуществления важнейших жизненных функций, получения необходимых продуктов, удовлетворения своих эстетических потребностей. Жизненные функции, характер питания, эстетическое отношение к природе имеют достаточно четко выраженные этнические, социальные, традиционные, географические особенности и в принципе поддаются определению и классификации. Можно выделить «ядро» экологических потребностей, при любых условиях не поддающихся насильственному ущемлению и урезанию.

Реализация важнейших условий жизнедеятельности, трактуемых нами как экологическое пространство человека, никогда основательно в России не регламентировалось и не гарантировалось. Государство вторгалось и вторгается в них, осуществляя присущие ему функции, и в то же время по необходимости нарушая нормальное существование человека и его взаимодействие с окружающей природой.

История России, как и всякого государства, изобилует примерами изменения экологического пространства для его населения. Наиболее наглядный пример — постепенное освоение огромных просторов Сибири и Дальнего Востока. В более близкие к нам времена — организованное по инициативе П. Столыпина массовое переселенческое движение крестьян из Центральных губерний на свободные земли Западной Сибири, Алтая и Дальнего Востока. Это явление оценивается историками-аграриями как положительное, соответствовавшее интересам хлебопашцев и государства. В хозяйственный оборот попали в то же время и значительные охотничьи ресурсы региона освоения.

В советский период массовые масштабы приобрели нарушения общих и территориальных интересов населения во время коллективизации и репрессий.

Принудительные и жестокие меры привели к гибели миллионов людей и превратили природную среду из союзника в злейшего противника человека. Экологически и экономически неподготовленная «целинная эпопея», а также насильственное и широкомасштабное выселение людей из тысяч «неперспективных» сел и деревень привело к значительному ухудшению экологического пространства сельских жителей. Положение ухудшила скороспелая интенсификация сельского хозяйства (повсеместная гидромелиорация, концентрированное животноводство и т.д.). Территориальный экологический этноцид в этнохозяйственных ареалах малых народов нарушил их связи с природной средой северных и восточных регионов России и серьезно исказил традиционное природопользование (Клоков, 1998).

Нельзя также забывать о том, что качество экологического пространства российских граждан также существенно пострадало в процессе ускоренной индустриализации страны, при возникновении новых промышленных центров, строительстве гигантских равнинных электростанций. Все эти колоссальные по объему и последствиям мероприятия в промышленности и сельском хозяйстве проводились без выяснения интересов населения, без учета его неотъемлемых прав на благоприятную среду обитания. В охотничье-промысловом хозяйстве происходило постепенное разрушение традиционного охотпользования, сокращение числа и площадей наследственных охотничьих угодий. При массовом закреплении угодий за обществами охотников и рыболовов, которое началось в 60-х гг. прошлого столетия, четкие пространственные критерии отсутствовали. За основу было принято формальное, порайонное закрепление угодий.

К огромному сожалению, развитие в обществе экологического сознания не привело к оптимизации территориального природопользования, не предотвратило возникновение массовых покушений на экологическое пространство. Они делаются более дифференцированными и утонченными, с трудом поддающимися ограничению и регламентации. В экологической сфере пристального внимания общества требует существующий порядок использования человеком источников ряда биологических ресурсов, его взаимодействие с некоторыми заповедными и рекреационными территориями.

Яркий пример — возникновение огромного числа незаконных коттеджей на водоемах, перекрывающих свобод-

на экологическое пространство

ный, гарантированный Конституцией, доступ населения к воде, а также служащих источником загрязнения питьевых запасов воды. Развивается опасная и вызывающая экспансия частных строений, поселений на лесных территориях, незаконно, опять-таки вопреки Конституции, воспрепятствующих доступ людей к лесным просторам, к биологическим ресурсам леса — охотничьим, грибным, ягодным, рекреационным и другим. В стране неоправданно затормозилось создание различных категорий охраняемых природных территорий, что ведет к нарушению оптимального баланса между охраняемыми и эксплуатационными пространствами. Некоторые охраняемые природные территории, за исключением абсолютных заповедников и зон строго режима национальных парков, установили излишне строгие правила их посещения и использования местными жителями.

Огромные экологические пространства России, в том числе и охотничье-промысловые угодья, недоступны ныне для человека вследствие резкого повышения транспортных тарифов и разрушения транспортной сети. Практически

выпали из регламентированного массового туризма такие уникальные природные территории страны как Кольский полуостров, Камчатка, Курильские острова, значительная (не заповедная) часть Байкала, Северный Урал и т.д. Появилась опасность глубокого социального расслоения нашего общества из-за того, что эти регионы, обладающие огромной рекреационной емкостью, становятся доступными лишь богатым людям. Нуждаются в критическом анализе принципы платного природопользования, повсеместно внедряемые лесными, рыболовными, охотничьими организациями и сильно ограничивающие права граждан на ресурсы пространства.

В такой большой и богатой биологическими ресурсами стране как Россия фактор пространства должен использоваться ради благополучия народа, с учетом реальных потребностей и возможностей, с минимумом ограничений. Необходима разработка правовых и социальных основ взаимодействия общества и экологического пространства, в том числе в сфере территориальной охраны природы, охотничьего и рыбо-

го хозяйства. Следует уяснить, в частности, соответствует ли принципам социальной справедливости начавшаяся концентрация охотничьих и рыбных ресурсов в руках немногих разбогатевших владельцев (арендаторов) охотничье-рыболовных угодий? Не ущемляются ли при распределении квот интересы местных охотников и рыболовов? И т.д. На эти и другие подобные вопросы охотоведческая наука с помощью экологии должна срочно найти убедительные ответы.

Видный философ В. Хесле (1994) в цикле лекций «Философия и экология» предлагает в качестве одной из важнейших компонент в системе ценностных приоритетов техногенной цивилизации выделить идеал личных свобод. Деятельность и активность человека должны рассматриваться как обязательные условия для реализации творческих возможностей свободной личности. Ее «раскрепощение» невозможно без признания и гарантирования прав человека на экологическое пространство. Мы еще очень далеки от понимания и воплощения этой важной и очевидной истины.

Фото А. Севастьянова

Урочище Трехозерки: царство птиц

А. КУТЯНИНА, научный сотрудник Центра орнитологического мониторинга СФУ, г. Красноярск

Съемка колонии цапель — непростое дело

Много на нашей Земле замечательных и удивительных уголков. Некоторые скрываются в лесных дебрях или среди неприступных скал, другие располагаются на далеких островах или прячутся в морских глубинах. Но есть и такие, что находятся совсем рядом, стоит только проехать на автобусе несколько километров или просто пройти пешком. Одно из таких удивительных мест — урочище Трехозерки — располагается на территории республики Хакасия недалеко от г. Абакана и представляет собой систему небольших мелководных горько-соленых озер.

Берега водоема — топкие, грязевые пляжи, местами густо заросшие тростником. Добраться до воды, не уйдя по щиколотку, а то и по колено в тяжелую соленую грязь — невозможно, но и, достигнув водной глади, легче не становится — ноги на каждом шагу погружаются в дно. Иногда и не сразу выдержишь их из грязевого плена. И поплыть не поплывешь, глубина всего по пояс. Из-за своих особенностей не привлекает урочище отдыхающих. И если берега расположенного за холмом озера Черного все лето усыпаны людскими телами, то здесь — покой и полное отсутствие человека.

Но не подумайте, что урочище Трехозерки пустынно и безжизненно. Нет. Здесь свой особый мир, свое маленькое царство — царство птиц.

Учеными из Центра орнитологического мониторинга Сибирского Федерального Университета (ЦОМ СФУ) здесь отмечено более 150 видов пернатых. Весной и осенью в период миграций в урочище останавливается на отдых и

кормежку огромное количество птиц — это лебеди малый и кликун, гуси: гуменник, белолобый и серый, тысячи речных и нырковых уток разных видов. Несмотря на свои небольшие размеры, порядка 5 км², урочище является наиболее важным, из известных на юге Центральной Сибири, местом остановок мигрирующих куликов, таких как турухтан, большой кроншнеп, краснозобик, чернозобик, кулик-воробей, длиннопалый песочник, круглоносый плавунчик и др. Здесь отмечены встречи таких редких в регионе видов как большой баклан, колпица, толстоклювый зуек, ходулочник.

В летнее время урочище становится местом гнездования большого числа птиц водно-болотного комплекса. Здесь выводят птенцов огарь и пеганка, большая выпь и журавль-красавка, криквя и широконоска, чирки свистунок и трескунок, из куликов малый и морской зуйки, чибис, травник, поручейник и многие другие.

Но основные хозяева всего этого птичьего царства — колониально гнездящиеся виды. Здесь располагается вторая по численности на территории всей Центральной Сибири колония шилоклювки, насчитывающая около 60 гнездящихся пар; крупнейшие в регионе поселения чайки-хохотуны — 300 пар, черноголового хохотуна — около 75 пар, а также сизой и озерной чаек.

Однако самые интересные обитатели урочища — серые цапли, колония порядка 100 пар. Особая уникальность состоит в том, что птицы здесь селятся не на труднодоступных вершинах деревьев, а на земле. Вернее сказать, на островках, разбросанных по водоему или в заламах тростника на открытой воде. Хотя есть и приверженцы «классики», что располагают гнездовые сооружения на вершине... караганы карликовой — в 30—50 см над землей.

Цапли образуют в урочище несколько микроколоний, на расстоянии от 50 до 200 м друг от друга. Их размер варьирует от 10 до 30 гнезд. Иногда сложно бывает назвать гнездом эту гигантскую постройку, в которой спокойно помещается человек. Их размеры впечатляют! Высота гнезда — 280—630 мм, глубина лотка — 95—120 мм, внешний диаметр — 720—1200 мм, а диаметр лотка 300—420 мм.

Серая цапля — моногам, имеет постоянные пары. В кладке обычно 4—7 светлых зеленовато-голубых яиц. Самка приступает к насиживанию как только отложено первое яйцо, поэтому птенцы вылупляются с интервалом в 1—2 дня и сильно отличаются по возрасту и размером друг от друга.

В своих поселениях цапли очень «демократичны» и хорошо уживаются практически с любыми соседями. В случае, когда микроколлония обустроена в зало-

мах тростника на воде, эти птицы являются ее единственными хозяевами. Но, если она расположена на островке, грязевой отмели или среди зарослей колючих кустарников, тогда в непосредственной близости селятся чайки-хохотуны, в стенке гнезда живут полевые воробьи, а под кустиком караганы, на котором выводит птенцов цапля, сидят на яйцах пеганка или красноголовый нырок.

Расстояние между гнездами цапель может вообще отсутствовать; тогда две, три или четыре постройки соединяются стенками, образуя общую гнездовую платформу. Но при этом птенцы разных родителей сидят обособленными группками, не смешиваясь между собой.

Жизнь в колонии кипит круглосуточно. Когда появляются малыши, забот становится еще больше. Чтобы прокормить подрастающее поколение, родители летают за рыбой на соседние озера Черное и Бугаево, ловят в окрестных полях ящериц и грызунов.

Сотрудниками Центра орнитологического мониторинга СФУ в урочище Трехозерки на протяжении 7 лет проводится мечение серой цапли. Для этой цели отлавливаются подросшие птенцы, еще не покинувшие гнезд. Работы в колонии ведутся силами двух-трех человек только в вечернее и утреннее время, чтобы не допустить гибели кладок и птенцов.

При появлении опасности в виде человека птенцы младшего возраста забираются в гнездо, не делая попыток покинуть его; более старшие прячутся рядом в траве, тростнике или зарослях караганы; молодые, уже пытающиеся летать, убегают на воду. Малышей отлавливают руками, без применения каких-либо спецсредств. Главное — скорость, сноровка и быстрота реакции. Самое страшное оружие молодой цапли — это длинный, крепкий клюв на изогнутой шее. Именно за него надо сначала ухватить птенца, чтобы не лишиться глаз и не стать обладателем порванных ушей. Но вот один ловец уже крепко держит недовольного пернатого, а второй ловко цепляет ему на лапку легкое алюминиевое колечко с номером и надписью Moskwa.

Взрослые цапли не делают никаких попыток защитить семейство. Они держатся группой на расстоянии порядка 70—100 м и возвращаются к гнездам только после ухода людей. Птенцы, напротив, активно обороняются, применяя все средства защиты — наносят удары клювом, цапаются острыми когтями, стреляют фекалиями и отгрызают тебе на руки съеденную рыбу. Один птенец может выдать от 1 до 3 рыбок, иногда это бывает крыса, а иногда — ящерица. Бывают случаи, когда уже окольцованная и выпущенная птица начинает бесстрашно пре-

следовать ловцов и яростно клевать их.

За последние восемь лет в урочище было помечено 762 цапли, а получен только один возврат. Птица, окольцованная здесь 3 июля 1999 г., через три месяца была обнаружена погибшей на территории Каа-Хемского района республики Тыва.

В рамках работ по гриппу птиц на территории Красноярского края и Республики Хакасия сотрудниками ЦОМ СФУ за два года было взято более 6000 проб крови диких пернатых, в том числе 197 проб от серой цапли. Кровь отбирали у живой птицы из подкрыльцовой вены с помощью иглы и потом выпускали ее обратно на волю. По результатам лабораторных исследований положительных проб у серых цапель не выявлено!

Каждую весну водоемы урочища Трехозёрки вновь наполняются гоном тысяч птиц, возвращающихся с зимовок к местам гнездования, снова этот небольшой кусочек земли и воды становится царством птиц.

1. Из этого «гадкого утенка» вырастет большая и красивая птица
2. Молодая цапля первый раз увидела человека
3. Гнездо-общежитие: сверху — птенцы

серой цапли, снизу — вход в «жилище» пеганки
4. В кладке серой цапли обычно 4—7 яиц
5. Эти малыши скоро поднимутся на крыло

Владимир Александрович Кузякин

К 65-летию со дня рождения

Великая Отечественная война шла к концу. Валентина Ивановна Комкова, жена зоолога Александра Петровича Кузякина, ждала второго ребенка. Когда пришла пора, её отец разыскал лошадь с телегой, и повез в больницу, но немного не довёз, мальчик родился на природе, в овраге. Это было 9 мая 1944 года, в день освобождения Севастополя от фашистов. Мальчика назвали Владимиром, по настоянию бабушки, в честь В.И. Ленина. Александр Петрович в то время служил в медицинских войсках и спасал Москву от несметных полчищ крыс. Семья проживала в переоборудованной под жильё маленькой кирпичной бане в Крестовском переулке среди «шанхайских» бараков во дворе престижного дома. Это была бандитская окраина Москвы, со стрельбой, драками и прочими ужасами послевоенных лет.

Когда появилась возможность, Александр Петрович переехал за город — на Останкинскую биостанцию МГУ, в комнату в корпусе, где содержали лабораторных мышей и крыс и где на пищевых остатках кормилось множество их диких серых сородичей. Родители очень боялись, что дикие крысы могут покусать детей, которые спали на полу в чемоданах. Поэтому Александр Петрович с плотником и кочегаром биостанции начали перестройку под жильё старого амбара с другой стороны 2-го Останкинского переулочка, где сажали кусты и сеяли траву для пропитания подопытных шелковичных червей. В этом домике Владимир прожил до 20-тилетнего возраста.

Это были годы становления личности Владимира. Здесь же он пошел в школу, едва исполнилось ему 6 лет. С отцом в выходные дни бывал на загородных выездах — понаблюдать за птицами; отец учил ловить их западней, делать учеты птиц. Отлов и кольцевание птиц для Владимира стали гораздо более интересным занятием, чем учёба в школе. Вся стена его маленькой комнаты была завешана клетками с отловленными и передерживаемыми птицами. Некоторые манные птицы прожили у него более 12 лет. А какое удовольствие было наблюдать из окна, как собираются птицы на подготовленный точок с сетками-пончиками, чтобы потом, выйдя из дома и обогнув его, в нужный момент дернуть верёвку! Всё это вместо школьных уроков. Школа — скукота, а здесь — жизнь. Не только его, а всей дикой природы! Некоторые птицы, которым разрешалось вылетать из клетки, садились на голову, брали мучных червей из рук, были совсем ручными и по приглашению хозяина добровольно возвращались в клетки.

В возрасте 10-ти лет Владимир с сестрой по настоянию отца записались в кружок Юношеской секции при Всесоюзном обществе охраны природы. Энтузиастов среди молодёжи в те годы было много. Название кружка — это только вывеска, кружок был при Петре Петровиче Смолине (ППС) — научном сотруднике Дарвиновского музея, прекрасного человека, энциклопедиста, отличного педагога, знающего всё и вся про растительный и животный мир. Каждую неделю — два собрания: 1 — лекции приглашенных известных зоологов и ботаников и 2 — практические занятия по фондам различных музеев. Каждую неделю — выезд на природу, часто с ночёвкой, где ППС объяснял детिशкам законы и взаимосвязи в природе, учил определять разные виды трав, кустарников, птиц, в том числе по голосам, следы зверей, рассказывал об экологии разных видов животных и растений. Владимиру просто повезло: на школьных олимпиадах он в категориях 7—10-х классов занимал 1-е или 2-е места с призами в виде стопок самой дефицитной и ценной биологической литературы.

После 6-го класса отец взял его в экспедицию на Кольский полуостров, где он самостоятельно проводил учеты птиц по голосам и вспугиванию. В тот же год отец подарил ему первое ружьё — штучный довоенный бьюксфлинт. Охота стала самым любимым занятием. На месте современного проспекта Королева была низкая заболоченная пойма ручья, вытекающего из Останкинского пруда. По бочагам среди осоки токовали и гнездились бекасы, чирки-трескунки и свистунки. В

Владимир Александрович Кузякин, 2009 г.

летние, зимние, весенние школьные каникулы Владимир ездил в заповедники, экспедиции, работал лаборантом в Главном ботаническом саду по изучению размножения птиц-дуплогнезdnиков, добывал воробьев на Останкинской биостанции МГУ для кормления хищных птиц в зоопарке.

В 1960 г. сразу после школы он поступил в МГУ им. М.В. Ломоносова на Географический факультет по кафедре биогеография, где зачиналось новое научное направление — ландшафтная зоогеография, в формировании которой немалую роль играл А.П. Кузякин. Студенческие практики в экспедициях, изучение теории биогеографии, систематики животных с применением лично сооруженных технических средств, годоволонные задачи по учету животных, изучение и ревизия теории классификации различных территориальных образований, теории ландшафтоведения — всё это было в студенческие годы. Тогда большое влияние на научные воззрения Владимира оказал Александр Михайлович Чельцов-Бебутов — третий после отца и ППСа учитель, который придерживался строгого географического направления в биогеографии. Курсовые работы: «К систематике крупных бурозубок Кировской области», «Население позвоночных животных некоторых котловин Северо-восточного Забайкалья», дипломная работа «Лесотундра с точки зрения зоогеографа», не только защищены на «отлично», но и внесли в науку определенный новый вклад.

После окончания университета следовало обязательное распределение на работу. В августе 1965 г. — работа в Центральной охотустроительной экспедиции Главхоты РСФСР, сначала инженером-охотоведом, затем (менее чем через год) — начальником проектно-изыскательской партии. С са-

мого начала работы в ЦОЭ Владимир заметил, что охотovedы пользуются не теми понятиями размещения животных по территории, тесно связывают животных в их территориальном размещении с растительностью и даже с лесотаксационными контурами, которые выделялись совсем для других целей — для расчета кубатуры древесины. Как же так? Ведь совершенно одинаковые растительные или лесотопологические выделы могут попасть в разные ландшафтные условия, в разное их сочетание, а это не может не влиять на условия обитания животных, на их размещение и численность. Значит, неправомерна и экстраполяция показателей учета численности животных, которая обычно делается сугубо по характеру растительного покрова. Впоследствии была доказана несостоятельность фитоценологического подхода к классификации охотугодий и экстраполяции выборочных учетов охотничьих животных.

Деятельность в экспедиции была связана с почти постоянными полевыми работами — не менее 9 мес. в году. Владимир каждый день собирал и анализировал учетный и другой материал, чтобы выяснить связь охотничьих животных и их численности с растительными сообществами и другими территориальными образованиями. Тысячи километров пеших, лыжных, мопедных учетов, тысячи опросных анкет, масса имеющегося отчетного материала хозяйств, сотни составленных карт... Уже тогда сформировались основные мысли, которые в последующем составили смысл его жизни.

В конце 1968 г. в системе Главохоты РСФСР была организована Центральная научно-исследовательская лаборатория охотничьего хозяйства и заповедников. Одним из первых сотрудников ЦНИЛ был Владимир, сначала старший научный сотрудник отдела охотугодий и охотустройства, руководителем которого был П.Б. Юргенсон. После кончины Петра Борисовича отдел возглавил А.А. Вершинин, название отдела менялось несколько раз, но направление на разработку теории и методов учета охотничьих животных оставалось неизменным. Владимир целиком использовал возможности научного учреждения, чтобы обработать собранный в охотустроительной экспедиции материал. Кроме обработки нужно было еще и сформулировать вытекающие из материала выводы. Опять тысячи исписанных страниц, мучительные раздумья над формулировками принципов и подходов, как правило, ночью на кухне малогабаритной квартиры, когда все домашние уснут, и никто не мешает этим раздумьям. Большую помощь в формировании теории оказали глубочайшие полемики с П.Б. Юргенсоном и особенно с А.А. Вершининым: никто не хотел отказываться от штампа мыслей о тесной привязке животного населения и его характеристик к растительным сообществам.

Наконец все принципы теоретической системы были сформулированы и оформлены в рукопись кандидатской диссертации. При её подготовке к защите и «шлифовании» принципов большую помощь оказал А.М. Чельцов-Бебутов. В 1973 г. в МГУ была защищена диссертация «Обоснование ландшафтной классификации охотничьих угодий» на ученую степень кандидата географических наук.

После кончины А.А. Вершинина (1976 г.), Владимир Александрович стал заведующим отделом учета охотничьих ресурсов. В то время у Главохоты РСФСР стояла проблема организации Государственной службы учета охотничьих ресурсов, которая стала основной задачей отдела. Директор ЦНИЛ В.В. Дёжкин всемерно усиливал отдел учета, который стал самым большим в ЦНИЛ. В отделе разрабатывали организационные и научные основы учета охотничьих животных во всей стране, проводили ревизию методов, способов экстраполяции учетных данных на большие территории с учетом ландшафтных особенностей территории, создания территориально-картографической и организационной основы работы службы учета. Государственная служба учета охотничьих животных России была официально создана 1 июля 1979 г.

В отделе учета была сформирована группа, которая занималась обследованием, районированием, классификацией, инвентаризацией, картографированием охотничьих угодий отдельных областей, как территориальной основы работы службы учета. Разработки были изложены в монографии В.А. Кузюкина «Охотничья таксация», в сборниках «Зимний маршрутный учет» и «Методы охотничьего ресурсосведения». Это со-

ставляло методологические основы службы учета, признанные настолько фундаментальными, что Государственная служба учета охотничьих ресурсов России выдержала все перипетии перестройки, инфляции, и осталась главным подразделением ЦНИЛ, теперь — ФГУ «Центрохотконтроль» Департамента охотничьего хозяйства МСХ РФ. А Владимир Александрович в 1985 г. перешел на работу в Академию наук СССР.

В АН СССР, позже — РАН, наш юбиляр занимался теми же ресурсосведческими проблемами: учетами животных, теорией и методологией кадастров животного мира, созданием баз данных по животным ресурсам и т.п. В основном его усилиями были организованы два больших Всесоюзных совещания по проблемам кадастра и учета животного мира (Москва, 1986; Уфа, 1989). В 1990 г. организовал Байкальский симпозиум С.И.С. — Международного совета по охоте и охране охотничьих животных. Связи с этой организацией продолжают до сих пор.

В 1991 г. успешно защитил диссертацию «Эколого-географические основы охотничьего ресурсосведения», 677 стр. рукописи с основными результатами исследований и теоретических построений. В целом, всю совокупность опубликованных работ можно считать основополагающей базой теперь уже сформировавшегося научного направления, которое может называться «охотничье ресурсосведение»: классификация, картографирование охотугодий, учет охотничьих животных, оценка угодий и ресурсов, создание кадастров животного мира, охрана его разнообразия и т.д.

На Географическом факультете МГУ, в Международном независимом эколого-политологическом университете Российском государственном аграрном заочном университете В.А. Кузюкин вел большую педагогическую деятельность. Подготовил десятки студентов-дипломников, консультировал ряд кандидатских и докторских диссертаций.

Нельзя не отметить серьезное участие профессора В.А. Кузюкина в разработке важных государственных документов: ФЗ «О животном мире», постановлений о государственном учете, кадастре и мониторинге животного мира, вариантов проекта ФЗ «Об охоте и охотничьем хозяйстве», Национальных стратегий возрождения охотничьего хозяйства России, сохранения биоразнообразия в охотничьем хозяйстве страны и т.д.

От всей души мы, Ваши друзья и соратники, желаем Вам, Владимиру Александрович, прежде всего — здоровья. Не изменяйте присущей Вам доброжелательности, удивительному чувству юмора даже в нашей нынешней ситуации. А также желаем дальнейших творческих успехов, особенно в обобщении всех накопленных Вами знаний, так необходимых охотничьему хозяйству страны.

В. ДЁЖКИН, О. ГУСЕВ, В. КРИВЕНКО, А. УЛИТИН, Ю. РОЖКОВ, А. ДАНИЛКИН, В. САФОНОВ, Г. БЛОХИН, Л. МАЗИН, Е. РАВКИН, Ю. РАВКИН, В. ЛОБАЧЕВ, Б. НОВИКОВ, А. ЛИНЬКОВ, А. СОРОКИН, М. МИРУТЕНКО, В. РОЖНОВ, В. БОЧАРНИКОВ

Вручение В.А. Кузюкину медали Великого Князя Сергея Михайловича Романова, 2009 г.

Выращивание медвежат-сирот: ювенильный период

В. ПАЖЕТНОВ. Фото автора

В жизни медвежат, выращиваемых для выпуска на свободу в Центре спасения медвежат-сирот, организованном и финансируемом Международным фондом защиты животных, ювенильный период развития их поведения выпадает. В семье медведей — это период пребывания медвежат сеголеток со своей матерью в возрасте от 7 месяцев до разрыва с ней семейных связей в возрасте 16—17 месяцев. С этого возраста у медвежат начинается самостоятельная жизнь и новый период в развитии поведения — подростковый. Медвежата-сироты, выпускаемые на свободу в возрасте около 7 мес., вынуждены начинать самостоятельную жизнь на новых для них территориях, т.е. попадают в условия взаимодействия со средой обитания из детского сразу в подростковый период формирования поведения. Многолетние наблюдения за медведями в естественной среде и экспериментальные работы, проводившиеся с медвежатами-сиротами до возраста полутора (п-12) и двух с половиной лет (п-2) позволили накопить материал, отражающий в некоторой степени картину формирования поведения у медвежат в семье в ювенильный период.

В конце июля — начале августа медведица прекращает кормить детёнышей молоком и они вынуждены полностью переходить на питание естественными кормами. Медведица, озабоченная необходимостью накопления жировых запасов для предстоящей зимовки, стремится выходить в лучшие по обеспеченности кормами станции. Такие места на территории, занимаемой медведями, обычно не остаются без внимания крупных самцов. Покормившись некоторое время на хорошо, кормном участке, медведица вынуждена переходить на новое место. На занятой и помеченной самцом территории у неё возникает и накапливается беспокойство за сохранность детей. Новое, свободное место, как правило, имеет ниже средних и низкие по запасу и качеству кормовые условия. Через 5—8 дней медведица с медвежатами переходит на новое место в поисках доступных и обильных кормов. Не остаётся она также на участке, занятом другой медведицей матерью — рядом две самки с сеголетками не регистрируются. В этой связи медвежата в критический для них период (отсутствие подкормки матерью) посещают различные по уровню кормового благополучия биотопы и их пищевое поведение развивается в обогащённой информационной среде. Они

1

2

3

* Продолжение. Начало см. в № 2, 4, 5

4

5

6

1. Подготовка к выпуску — мечение медвежонка
2. Метка уже есть, медвежонок должен проснуться
3. Выпуск в новые уголья
4. Август и сентябрь — благоприятный нажировочный период — медвежонок на овсяном поле
5. Дикая яблоня — деликатес
6. Рябина — излюбленный корм медведей

вырабатывают навыки в поисковом территориальном поведении, имеющие целью обследование территории для поиска кормов, определения их доступности по запасам и наличию беспокойства (защищённости территории от антропогенного влияния и возможных врагов).

В благополучный на корма нажировочный период (август—сентябрь), в связи с доступностью кормов внутривидовая конкуренция у медведей за пищу бывает выражена слабо. Семья медведей может кормиться в непосредственной близости от других медведей, например, в дубняках, на вырубках, заросших рябиной, на ягодниках или на поле, засеянном овсом. У медвежат формируются пищедобывательные стереотипы, обеспечивающие приёмы наилучшего использования отдельных видов кормов, в памяти закрепляются следы о месте расположения кормовых компонентов, специфике их добытия и потребления. Также молодёжь получает первые уроки в обмене внутривидо-

вой информацией через опосредованные сигналы, в основном — запаховые. Период бодрствования у медведей в центральной части европейской России обычно заканчивается в последней декаде ноября — время строительства берлоги и залегания в неё на зиму. Медведица выбирает место, строит берлогу и ложится в неё вместе с медвежатами. Медвежата присутствуют при строительстве и, через реакцию подражания могут обучаться строить зимнее убежище. Никто ещё не описал поведение медвежат в период строительства берлоги их матерью.

В эксперименте по выращиванию медвежат-сирот оказалось, что медвежата первого года жизни при наступлении холодов и выпадении снежного покрова способны без всякого научения построить берлогу, в которой благополучно переживают зиму. Вполне возможно, что в строительстве берлоги медведицей активное участие принимают и её подростки. Весной, после выхода семьи медведей из берлоги,

лончаки имеют опыт в разыскивании кормов, владеют способностью определять возможно опасные раздражители среды обитания, хорошо ориентируются на местности и обладают, таким образом, навыками, обеспечивающими самостоятельное проживание в естественной среде.

Разрыв семейных связей происходит в тот самый момент, когда медведица приходит «в охоту» (предэстральный или астральный циклы) и выходит на следы самца. Обычно это происходит в конце мая — первой половине июня. У лончаков проявляется ярко выраженный страх перед свежим («теплым») запахом самца и они отбегают от матери. После сближения медведицы с самцом и образования супружеской пары звери обычно уходят от места встречи и живут совместно несколько дней: по нашим наблюдениям от трёх до двенадцати. Лончаки начинают самостоятельную жизнь, расходятся, но могут также проживать все вместе, за счёт внутрисемейной связи, направленной друг на друга. С распадом семейной группы заканчивается детский период в формировании поведения у бурого медведя и начинается подростковый.

Чутье легавых: попытка критического анализа

Валерий БЕДЕЛЬ. Фото В. Животченко

Проблемы чутья легавых неоднократно серьезно обсуждались на страницах журнала «Охота и охотничье хозяйство». На эту тему писали крупные кинологи, ученые, охотоведы, опытные охотники. Каждый опубликованный материал в чем-то вносил некоторую ясность в детали обсуждаемого вопроса. Однако в целом чутье как было, так и осталось «вещью в себе». Ниже сделана попытка с критической точки зрения взглянуть на выводы многих авторов и выдвинуть некоторые новые положения.

Известно, что одна и та же легавая в разное время и по разной птице может продемонстрировать на полевых испытаниях дальность чутья в самом широком диапазоне — от двух-трех до нескольких десятков метров. Одна легавая может на испытаниях все время «лепить» пустышки, другая редко ошибается. Причин этих явлений множество, и разобраться хотя бы с некоторыми из них необходимо: ведь нередко оказывается, что собака, единожды блеснув чутьем, потом никак не может повторить своего успеха, и это дает повод толковать о случайности хорошего выступления, что может быть очень далеким от истины.

В последние десятилетия XX века и уже в веке нынешнем появилось довольно много работ, посвященных проблемам запахов и их распространения, вопросам обоняния и чутья млекопитающих, в том числе собак. Это труды С.А. Корытина и В.К. Карпова, работы М.И. Сотской, М.П. Павлова, журнальные статьи А.В. Камерницкого, исследования С.С. Королева, соображения Е.Н. Смирнова, изложенные в правильных статьях, и ряд других. Представилась, наконец, возможность хотя бы примерно разобраться с тем, от чего же зависит чутье легавых.

Рассмотрение этой темы должно быть, по-видимому, разбито на ряд этапов. Первый: что такое запах вообще и из чего складывается запах птицы. Второй: как этот запах переносится в пространстве и что с ним происходит в это время. Третий: как он воспринимается обонятельным аппаратом собаки. Наконец, четвертый: как собака реагирует на запах.

Как пахнут птицы?

Запах — свойство ряда веществ испускать летучие ароматические элементы («молекулы запаха»), вызывающие специфическое раздражение нервных окончаний, расположенных в обонятельных оболочках носовых пазух. Комплексный запах птицы образуется

Спокойная стойка Дианы после потяжки

из целого ряда составляющих. Прежде всего, это запах растертых по оперению жировых секретов копчиковой железы, предохраняющих оперение от намокания. Защите оперения способствует и вырабатываемая самим оперением пылевидная пудра, предотвращающая слипание опахалец перьев. (Многие называют ее перхотью, но это неправильно, так как перхоть — это производное кожи, а не оперения.) Затем — собственный запах кожного покрова. Наконец — экскременты и кишечные газы. Поскольку пищеварительный тракт у птиц очень короток, то от времени поглощения пищи до времени ее выхода в виде экскрементов проходит всего несколько минут. Птица, непрерывно поедаящая что-либо, непрерывно и «оправляется». Последнее — выдыхаемый из легких и воздушных мешков воздух. Потовых желез у птиц нет, поэтому пот, как источник запаха, отсутствует. Здесь же надо отметить очень высокую температуру тела у птиц в активном состоянии (до 44 °C), что способствует энергичному образованию летучих запаховых частиц.

Сильно ли пахнут птицы? По сравнению с млекопитающими очень слабо, так как у птиц отсутствует необходимость в запаховой коммуникации, т.е. в запаховом процессе общения. Себе подобных они отыскивают с помощью слуха или зрения, а не обоняния. Поэто-

му-то обоняние у птиц (кроме утиных) развито плохо.

На основании изложенного можно предположительно объяснить, почему легавые коротко причуивают «запах» птиц. Такие птицы издают очень мало запаха. Они не распыляют вокруг себя пудру с оперения, процессы жизнедеятельности у них замедляются, выделений из клоаки нет, объем выдыхаемого воздуха и ритм дыхания сокращаются, понижается температура тела — количество выделяемых запаховых частиц уменьшается, да и те в большинстве своем «приклеиваются» к траве, так как птица залегает у низа стеблей. По этой же причине многие легавые с трудом находят битую птицу.

Сходная картина и при работе легавой по перемещенной птице в период, когда осыпавшаяся при посадке пудра уже осела на землю, а птица запала и еще не начала бродить.

По-разному ли пахнут птицы? Да, ибо запах каждого живого существа индивидуален и неповторим. Даже два кормящихся рядом на одном лугу дупеля пахнут по-разному. Именно поэтому легавая, работающая на току, отрабатывает сначала только того дупеля, запах которого первым донесся до нее, не обращая внимания на запах других. Но можно ли разделить птиц по «силе запаха» на две группы,

как это делает Е.Н. Смирнов, поместив в одну группу бекаса и дупеля, а во вторую — коростеля, гаршнепа, перепела? Скорее всего, нет, потому что, как показывает практика полевых испытаний легавых, по перемещению и уже «обсидевшемуся» гаршнепу или турухтану собака работает столь же далеко, как и по дупелю. И если перепелов легавые действительно прицеливают ближе, чем бекасов, то дело тут вовсе не в «силе запаха» или «пахучести». Об этом будет идти речь ниже.

Как распространяется запах?

Нет сомнения в том, что запах от источника переносится воздушными потоками. Считается, что концентрация запаховых частиц в потоке воздуха обратно пропорциональна квадрату расстояния от источника. Насколько мне известно, первым это сформулировал Б.А. Калачев в 1950-х гг. Полностью разделяет эту точку зрения А.В. Камерницкий. Согласен с ней и доктор биологических наук С.А. Корытин, правда, с оговоркой «вероятно». Категорически не согласен с ней С.С. Королев.

Указанная зависимость предполагает распространение запаховых частиц только в объеме разделенного пополам поверхностью земли конуса, т.е. как бы в объеме полуконуса, вершиной которого является источник запаха. От чего зависит объем этого полуконуса? Это важно знать, так как в нашем случае от объема этого геометрического тела зависит концентрация запаховых частиц в нем. Так вот, сторонники такого распространения запаха считают, что основным фактором, увеличивающим объем полуконуса, является диффузия запаховых частиц в сторону уменьше-

ния концентрации. Скорость диффузии при этом должна составлять внушительную величину, сопоставимую со скоростью перемещения воздушных масс, иначе за несколько секунд, что запах идет от источника к носу собаки, никакого конуса не получится. Надо отметить, что в этом вопросе у пишущих о чутье полный разбой. Один из уважаемых авторов предложил считать скорость диффузии равной 0,1 м/с, другой — 1 м/с, третий — 10 м/с. Все эти цифры — из области фантазии авторов. Они не имеют ничего общего с действительностью. В самом деле, может ли запаховая частица развить столь высокую скорость? Она ведь перемещается не в безвоздушном пространстве, ей приходится «продираться» через «часток» молекул кислорода и азота воздуха. Здесь уместно привести выдержку из статьи И. Леенсона «Броуновское движение и диффузия», размещенной на страницах интернет-энциклопедии «Википедия».

«Молекулы в газах движутся очень быстро — со скоростью пули, но далеко «улететь» не могут, так как очень часто сталкиваются с другими молекулами. Например, молекулы кислорода и азота в воздухе, двигаясь в среднем со скоростью примерно 500 м/с, испытывают каждую секунду более миллиарда столкновений. Поэтому путь молекулы, если бы могли за ним проследить, представлял бы собой сложную ломаную линию. Подобную же траекторию описывают и броуновские частицы, если фиксировать их положение через определенные промежутки времени. Молекулы в газах движутся по прямой, пока не столкнутся с другими молекулами, после чего меняют направление движения.

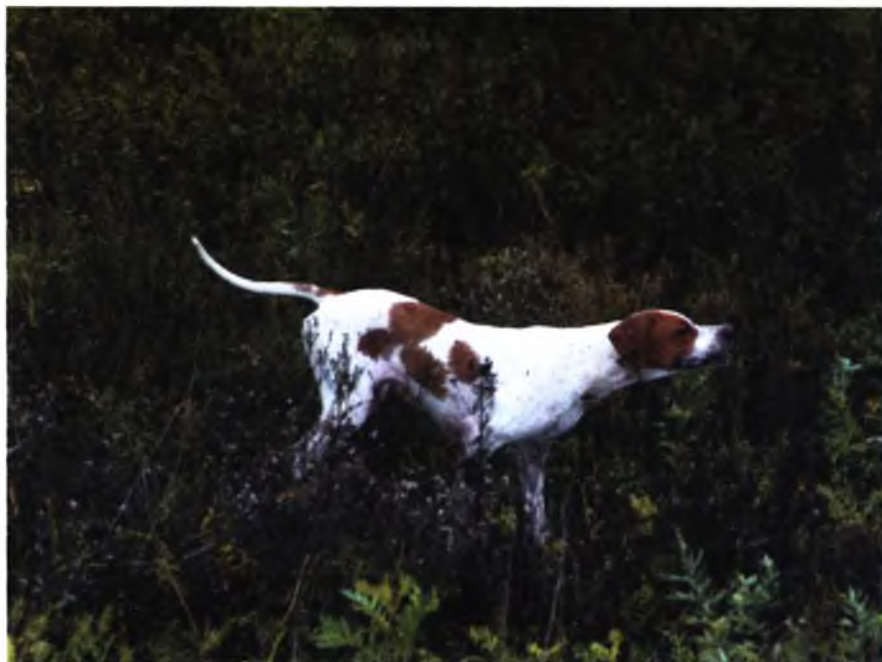
... Теория броуновского движения — случайные блуждания. Теория Смолуховского — Эйнштейна объясняет закономерности и диффузии, и броуновского движения. Можно рассматривать эти закономерности на примере диффузии. Если скорость молекулы равна u , то, двигаясь по прямой, она за время t пройдет расстояние $L = ut$, но из-за столкновений с другими молекулами данная молекула не движется по прямой, а непрерывно изменяет направление своего движения. Если бы можно было зарисовать путь молекулы, он принципиально ничем бы не отличался от рисунков, изображающих броуновское движение. Из таких рисунков видно, что из-за хаотичного движения молекула смещается на расстояние s , значительно меньшее, чем L . Эти величины связаны соотношением $s = l$, где l — расстояние, которое молекула пролетает от одного столкновения до другого, средняя длина свободного пробега. Измерения показали, что для молекул воздуха при нормальном атмосферном давлении $l \sim 0,1$ мкм, значит, при скорости 500 м/с молекула азота или кислорода пролетит за 10 000 секунд (меньше трех часов) расстояние $L = 5000$ км, а сместится от первоначального положения всего лишь на $s = 0,7$ м (70 см), поэтому вещества за счет диффузии передвигаются так медленно даже в газах».

Диффузию наблюдать намного проще, чем броуновское движение, нужно только обеспечить, чтобы на нее не накладывалась конвекция — тепловое перемещение потоков воздуха. Если в изолированную от сквозняков и тепловых воздушных потоков комнату внести пузырек духов или нашатырного спирта, то запах достигнет носа исследователя не через две-три секунды (если бы скорость диффузии составляла 1 м/с), а через несколько десятков минут, а то и часов. Так что диффузия, скорее всего, оказывает крайне малое влияние на формирование запахового объема.

Тогда что же определяет форму потока запаха и можно ли вообще ее свести к какому-нибудь геометрическому телу? Например, к эллипсоиду, как предлагает С.С. Королев?

Представляется, что все же более правы сторонники конусообразного распространения запаха, но «конусообразность» его вызывается не диффузией, а другими причинами. Какими же?

Если вспомнить, что перемещения воздушных масс (ветер), как правило, носят дискретный характер, т.е. то прекращаются, то возникают снова, то имеют одно направление, то другое, именно они вызывают перенос масс запаха в стороны. Вот ветер стих: около источника образовался сгусток запаха. Ветер подул: сгусток начал перемещаться. Ветер слегка изменил направление: и сгусток тоже. Ветер подул в прежнем направлении: сгусток снова меняет направление движения. Тем временем образовался новый сгусток, который полетит уже в ином направлении, чем предыдущий, и т.д. Кроме того, за счет

Напряженная поза (стойка) перед причуянной дичью

теплого излучения земли могут возникнуть и вертикальные потоки воздуха, а при усилении ветра и турбулентность потока. К тому же и растительность дробит струи. Все это вместе как бы разбрасывает поток запаха в разные стороны, образуя некую расплывчатую, аморфную структуру, постепенно расширяющуюся (причем незначительно) по мере удаления от источника запаха. Естественно, чем дальше от источника запаха, тем меньше концентрация запаховых частиц в сечениях этого образования, но вот соблюдается ли здесь какая-то математическая закономерность, сказать трудно. На концентрацию ведь влияет не только расстояние, но и другие факторы. Прежде всего, это окисление части запаховых молекул озоном, образующимся в траве при ветре. Если на пути запаха к носу собаки встретится участок высокой травы, то он не только изменит направление потока, но и уменьшит концентрацию запаха за счет окисления частиц, да и просто задержит определенную их долю. Сильные восходящие потоки воздуха на каком-нибудь участке этого расстояния (например, нагретая песчаная проплешина) унесут часть запаха за пределы конуса. Есть и другие факторы. Так что путь запаховых частиц далеко не прямолинеен, и многие из них теряются на пути от птицы к собаке.

Как чует собака?

Не будем вдаваться в тонкости различных теорий взаимодействия запаховых частиц с обонятельными рецепторами — стереохимической, волновой или электролитической. Не будем также считать самую последнюю по времени версию самой правильной (может быть, совсем скоро появится еще одна версия — самая-самая правильная). Остановимся на том, что более или менее точно известно.

Запаховые частицы, попавшие в нос собаки, двигаются с воздухом через решетчатый лабиринт и попадают в верхнюю носовую раковину, эпителий которой покрыт обонятельной слизью. Именно в эту слизь и выходят пучки тонких жгутиков обонятельных рецепторов. Именно они в среде слизи и вступают тем или иным способом во взаимодействие с запаховыми частицами. Отсюда сигнал поступает в обонятельную клетку, а затем по обонятельному нерву — в обонятельную луковицу, расположенную непосредственно в мозге, где и происходит обработка полученной информации.

В большей степени, чем физиология обоняния, охотника интересуют вопросы, что именно влияет на обонятельный процесс, когда собака чует лучше, а когда хуже, почему она сегодня работает прекрасно, а вчера — плохо? Здесь можно выделить несколько основных факторов.

1. Влажность воздуха. Все исследователи, когда-либо рассматривавшие влияние влажности воздуха на чуткость собак, отмечают, что в условиях повы-

шенной влажности дальность причуивания увеличивается. С.А. Корыгин пишет, что подопытная лайка, обычно причуивающая запаховый тампон на расстоянии 55 — 60 метров, в дождливую погоду причуивала его на расстоянии 165 метров. И.Г. Бобров отмечал, что при относительной влажности воздуха около 40% его легавая, имевшая отличное чутье, причуивала дичь буквально вприпрыжку. В.К. Карпов в опытах с выборкой предметов служебными собаками констатировал, что при влажности воздуха около 90% собаки совершали 100% правильных действий, при 41% — лишь 58,3%. Этот же исследователь отмечал, что относительная влажность — величина крайне изменчивая: даже на протяжении нескольких десятков метров движения по трассе при проработке следа влажность может меняться весьма значительно.

Охотники заметили, что легавые причуивают бекасов дальше, чем дупелей, а дупелей дальше, чем перепелов. Делать отсюда вывод, что бекас более «пахуч», чем дупель или перепел — неправильно. Все дело во влажности воздуха. Бекасов, как правило, можно встретить в местах, где много открытой воды и влажность высокая, дупелей — в лугах, где влажность ниже, перепелов — в сухих местах, где влажность вовсе низкая. Посади их всех в одно место — легавая отработает их, скорее всего, на одинаковом расстоянии.

Оппонент может ехидно спросить, а как же гаршнеп или турухтан, обитающие как раз во влажных местах, но легавая отбатывает их на расстоянии одного-двух метров? Ответ прост: все дело в поведении и привычках этих птиц. Тот же гаршнеп может днем часами неподвижно лежать, припав к земле где-нибудь под кочкой, не отдавая почти никакого запаха. Но стоит его поднять и переместить, а потом навести легавую по перемещенному, и собака

отработает его на таком же расстоянии, как и бекаса.

Исследователи считают, что при пониженной влажности пересыхает обонятельная слизь и взаимодействие запаховых частиц и рецепторов затрудняется.

2. Атмосферное давление. В.Г. Карпов установил, что при давлении 770 мм рт. ст. правильность действий собаки составляет 93%, а при давлении 741 мм рт. ст. — лишь 75%. Видимо, при высоком давлении выше концентрация запаха.

3. Скорость ветра. Исследователи отмечают, что при ветре более 3 м/с количество ошибок собак увеличивается на треть по сравнению с ошибками при ветре 0,5 м/с. Виновата турбулентность потока воздуха.

4. Приближение грозы. По В.К. Карпову, правильность выборки предметов снижается со 100% при обычной пасмурной погоде до 70% при непосредственной близости грозы. Объяснение — в резком увеличении количества озона в воздухе, окисляющего запаховые частицы, что ведет к уменьшению их концентрации.

5. Температура воздуха. Тот же В.К. Карпов отмечает, что при температуре около 0 °С правильность действий собаки при работе по следу составляет 100%, а при температуре более 24 °С — только 50%. Причины — в уменьшении концентрации запаховых частиц, уносимых вверх потоками нагретого воздуха, а также в переутомлении собаки.

Кроме перечисленных, на проявление чутья влияют также время суток, радиационный баланс земли, вертикальный градиент температуры и другие факторы.

Что вызывает стойку?

Стойка легавой собаки, т.е. остановка ее в напряженной позе перед причуиванной дичью, относится, скорее всего, к разряду навыков, т.е. сложному пове-

Внезапно ударивший в нос запах дичи остановил Диану В.А. Селиванова во время поиска

дению, в основе которого лежит сочетание условных и безусловных рефлексов, жизненного опыта и дрессировки с преобладающей ролью безусловных (наследуемых) рефлексов.

Можно предположить, что в процессе эволюции собак в результате натаски и охоты в отделах их центральной нервной системы (ЦНС) сформировались некие наследуемые запаховые эталоны объектов охоты (пернатой дичи). При сравнении сигнала, полученного от запаховых рецепторов, с эталоном и в случае их полного соответствия (тождественности) ЦНС дает собаке команду на стойку.

О наследуемости запаховых эталонов говорят многие факты. Здесь уместно вспомнить рассказ об одной из охот известного в конце XIX века пойнтриста Э.А. Боде. Как-то перед открытием охоты у него собрались друзья-охотники. На вопрос, с какой собакой Боде пойдет на охоту, тот ответил, что с одним из щенков, еще не видевшем птицы. На упреки в неразумности такого поступка Боде ответил, что натаскает щенка утром в день открытия охоты. И действительно, утром он показал щенку выводки серых куропаток и тетеревов, после чего тот работал не хуже старых собак.

Что сделал Боде? Он просто помог собаке извлечь из глубин памяти запаховые эталоны. И эта его собака — не исключение. Многолетние современные легашатники наверняка и сами имели подобных собак, не нуждающихся в натаске.

Могут возразить, что это весьма одаренные собаки и что запаховый эталон с последующей стойкой возник у них сразу после первого показа птицы и поощрения со стороны хозяина. Может быть, это и так, однако не следует забывать, что и академик И.П. Павлов и академик А.А. Ухтомский подробно рассматривали возможность преобразования в ходе эволюции условных рефлексов в безусловные. Ведь очень часто собака начинает правильно обрабатывать птицу, никогда ранее ею не «чуянную». Чем это можно объяснить, если не наличием в памяти эталона? Так или иначе, взгляды вышеназванных академиков наукой пока не опровергнуты.

Предельно упрощая, запаховый эталон можно, по-видимому, уподобить картинке, собранной из деталей детской разрезной мозаики (так называемых пазлов). Каждая деталь эталона (каждый пазл) соответствует одной из составляющих запахового облика птицы. Сколько всего этих составляющих — даже предположить невозможно; как говорится, «науке это пока неизвестно». Однако основные, комплексные составляющие были перечислены в начале статьи. Это запах растертых по оперению жировых выделений копчиковой железы, пылевидная пудра, экскременты, кишечные газы, выдыхаемый из легких воздух. Каждая из этих составляющих состоит из множества более мелких, вплоть до молекулярных, групп и отдельных молекул.

При попадании запаховых частиц в обонятельный аппарат собаки они вступают в химическое взаимодействие с рецепторами, после чего сигнал по нервным волокнам передается в ЦНС, где происходит сравнение полученной запаховой картинке с эталоном. В случае совпадения картинке и ее «яркости» с эталоном, другие нервные волокна передают сигнал двигательным органам — собака становится на стойку.

При неполном совпадении рисунка или его «яркости» с эталоном ЦНС не должна давать сигнал двигательным органам. Однако в случае слабости ЦНС, сбоев в ее работе, она может передавать сигнал на стойку и при неполной картинке или ее «тусклости». Тогда-то мы и говорим о неверном чутье легавой. Каковы же проявления неверного чутья?

1. Собака прихватила запах вдалеке и сразу стала. Посланная, она продвинулась вперед на потяжке и снова стала — ЦНС первый раз дала команду при «блеклой» картинке. Речь здесь, конечно, о небегающей птице.

2. Собака стала на стойку, птица начала отбегать, собака продолжает стоять — ЦНС не дала растормаживающего сигнала при «побледнении» картинке.

3. Собака стала по следу отбежавшей птицы (следовая работа) — ЦНС дала сигнал на стойку при неполной картинке (собака стала по осыпавшейся пудре).

4. Собака стала по птичке — ЦНС дала сигнал на стойку по картинке, несколько отличающейся от эталонных по рисунку.

5. Пустая стойка — ЦНС дала сигнал на стойку по картинке, резко отличающейся от эталонных по рисунку. Здесь можно вспомнить приведенный в начале статьи пример, когда собака с трудом отыскивает битую птицу и не становится по ней на стойку на обычном для нее расстоянии. В этом случае правильно работающая ЦНС не дает команду на стойку, так как к запаху собственно птицы примешивается запах крови, и картинка резко отличается от эталонной.

6. Собака споролла птицу, пройдя ее под ветром — ЦНС «не успела» сравнить картинку с эталонами и своевременно дать сигнал на стойку. Рассматривая этот случай, часто говорят, что собака не виновата, так как якобы проскочила струю запаха «на выдохе». При этом считают, что собака в поиске скачет со скоростью 30 км/час, делая 30 вдохов-выдохов в минуту и проходя при этом 8 метров за секунду. С этим никак нельзя согласиться. Опыты, проведенные во Франции с лабрадорами, показали, что при тяжелых нагрузках частота дыхания у этих собак составляет 300 вдохов-выдохов в минуту. Вряд ли частота дыхания у легавых меньше. Следовательно, и пробег на выдохе значительно сокращается (в 10 раз по сравнению с вышеприведенным расчетом). Так что объяснять спарывание птиц «выдохом» неправильно.

7. Собака подняла птицу на потяжке без стойки — ЦНС не справилась с задачей сравнения полученной картинке с эталонными.

Все описанное возникает в результате дефектов в работе центральной нервной системы, которые, безусловно, наследуемы.

С такой трактовкой верности чутья некоторые кинологи не согласны. Они склонны объяснять неверность чутья легавых исключительно ошибками натасчиков. Ошибки действительно возможны, особенно у новичков. Однако если посмотреть расценки собак, подготовленных и выставленных на испытания квалифицированными егерями, то можно обнаружить, что и у них сплошь и рядом собаки получают низкие баллы за верность чутья, а уж подзревать этих людей в непрофессионализме нет никаких оснований. В книге А.А. Чумакова «Мой метод натаски легавых» приведены расценки на испытаниях 19 легавых, натасканных им. Так вот, за верность чутья балл 8 получили четыре собаки, 7 — шесть собак, 6 — шесть собак и 5 — три собаки. Что же, в одних случаях Чумаков наделал ошибок, а в других нет? Подобный разбор оценочек за верность чутья у подготовленных и выставляемых ими собак наблюдается и у всех других вполне авторитетных натасчиков — ленинградцев Алексеева, Богомолова, Бурмистрова, Шапатына, москвичей Влазнева, Кремера, Волкова, Найденова, Телегина, Колосова и многих других. Неужели они все не умели натаскивать собак?

Суммируя, можно утверждать следующее:

1. Дальность чутья легавой, демонстрируемая на полевых испытаниях, зависит не только от наследуемых задатков и работы натасчика, но и в большой степени от метеоусловий, особенно влажности воздуха, которая может меняться весьма быстро и значительно даже на одном и том же участке угодий.

2. Свести зону распространения запаха к какому-то определенному геометрическому телу невозможно, причем диффузия играет чрезвычайно малую роль в формировании запахового объема.

3. Концентрация запаха в потоке воздуха в малой степени зависит от размеров птицы и в значительно большей — от ее поведения.

4. Собака должна отвечать стойкой только на комплексный запах птицы, а не на какие-либо составляющие этого запаха.

5. Неверность чутья легавой определяется слабостью унаследованной центральной нервной системы. Ошибки натасчика играют здесь незначительную роль.

Не делая из сказанного никаких выводов применительно к правилам полевых испытаний легавых собак, автор все же надеется, что приведенные им доводы заинтересуют любителей легавых собак, а составителей правил побудят относиться более ответственно к разрабатываемым проектам.

КРАСИВЫЙ, УМНЫЙ, НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЙ

Г. ЯНКУС, заслуженный эколог России. Фото Е. ДАРИЖАПОВА

В тех местах, где человек не вытесняет этого зверя шумом машин, лесосеками и землепашеством, он привыкает к человеку насколько считает возможным, и знает нрав брата большего. О медведях есть прекрасная книга моего друга, ученого и писателя Сергея Кучеренко «Вот такие они разные — медведи». Некоторые его рассказы и очерки о дальневосточных медведях я перечитал несколько раз и сравнил поведенческие особенности медведей разных регионов, так как встречался с ними и на Камчатке, и в дальневосточной тайге, и вот уже почти 40 лет в Баргузинском заповеднике.

Примечателен, с моей точки зрения, реальный случай в глухой тайге заповедника, в 60 км от поселка. В сентябре мы с лесником Бадмой Холхоевым шли по тропе с понягами, но без оружия, когда на нас «попер» громадный, с блестящей черной шерстью, медведь, который называется бурый. Бросив понягу в сторону приближающегося медведя, я в свои 58 лет с проворностью молодого кота взлетел на стоящую рядом голую, как труба, лиственницу. Бадма, хотя лет на 20 моложе меня и более проворен, оказался, бедняга, в этот момент около лиственницы в два обхвата, на которую взобраться человеку невозможно. Бадма выхватил «перочинный» ножичек величиной с авторучку и, держась одной рукой за дерево, попытался дотянуться до моей алюминиевой поняги, чтобы постучать по ней. Переживая за судьбу Бадмы, я истошно кричал ругательства, которым медведь не внимал. Подбежав к поняге (15 кг), он схватил ее зубами и рывком головы отбросил метров на десять. Рывкнув и, даже не посмотрев ни на Бадму, ни на меня, спокойно удалился туда, откуда прибежал. Через некоторое время мы осмотрели место его появления и обнаружили в зарослях голубики лежку. Возможно мы ему помешали отдыхать и он сорвал зло на поняге. Не исключено, что медведь этот был совершенно «дикий» и человека не видел ни разу.

А вот в окрестностях поселка Давша, в заповеднике, медведи привыкли к мирным взаимоотношениям с людьми и спокойно могут бродить по поселку не только ночью, но и днем, не проявляя агрессии. Но в годы неурожая ягод и орехов они не стесняются нарушить «пакт о мире», полакомившись поросянком, курами или собакой. В декабрьские морозы шатуны пытались «добыть» наших лесников ночью в зимовье. Их спасли от несчастья бдительность и оружие.

Весной медведи выходят на байкальские берега полакомиться ручейниками. Эти насекомые буквально облепливают прибрежные камни и галечники. Медведи знают об этом и приходят кормиться даже издалека. Мне приходилось обнаруживать помет медведя, полностью состоящий из остатков ручейника (по-местному «липчана»), в горах на расстоянии 25 км от берега Байкала.

Медведь — зверь красивый, умный, но непредсказуемый...

Отечественные многозарядные ружья

Виктор ГУРОВ

В номерах 8 и 9 за 2008 г. журнала «Охота и охотничье хозяйство» было рассказано о гладкоствольных ружьях со стволами, соединёнными как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскостях, выпускаемых Тульским оружейным (ТОЗ) и Ижевским механическим

(ИЖМЕХ) заводами. В данной статье речь пойдёт о многозарядных гладкоствольных ружьях ведущих отечественных предприятий, таких как ТОЗ, ИЖМЕХ и Вятско-Полянский машиностроительный завод «МОЛОТ». В этой статье читатели не найдут описание мно-

гозарядных ружей семейства «САЙГА», хотя они имеют широкий круг своих поклонников. Моделей ружей «САЙГА» насчитывается более двух десятков и повествование о них — это тема для отдельного разговора.

ТУЛЬСКИЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОД (ТОЗ)

MC21-12 — первое отечественное самозарядное ружьё, автоматика которого работает за счёт использования длинного хода ствола, перемещающегося назад под действием отдачи при выстреле. Ружьё разработал в ЦКИБ СОО конструктор В. Николаев, а на точное производство оно было поставлено ТОЗ в 1965 г. В этом же году ружьё было удостоено золотой медали Лейпцигской ярмарки.

Ствол ружья имеет вентилируемую прицельную планку. Длина ствола 750 мм, длина патронника 70 мм, диаметр канала ствола 18,5 мм, дульное сужение постоянное 1 мм, боевая пружина пластинчатая. Предохранитель флажковый, ёмкость подствольного магазина 4 патрона, вес не более 3,7 кг.

Запирание канала ствола осуществляется затвором за счёт качающегося клина входящего в отверстие хвостовика ствола. Ударно-спусковой механизм (УСМ) смонтирован на отдельном основании, легко отделяется и позволяет производить только одиночные выстрелы.

Кучность и резкость боя MC21-12 довольно высокая. Завод гарантирует кучность не ниже 65%. Практикой стрельбы установлено, что кучность можно поднять до 75—80% путём применения

патронов специального снаряжения. MC21-12 как все одноствольные ружья, по сравнению с двуствольными, обладает более кучным и постоянным боем при стрельбе пулями. Только надо не пожалеть средств и времени на пристрелку. MC21-12 легко разбирается без молотка, отвёртки и выколотки. Положительным в устройстве ружья считается и то, что крышка ствольной коробки съёмная, обеспечивает доступность к механизму для чистки и смазки.

В последние годы на ТОЗ освоен выпуск MC21-12М со сменными дульными насадками 0,0 мм (цилиндр), 0,5 мм (получок), 1 мм (чок) и «парадокс». В паспорте ружья, к чести завода, указывается, что кучности более 60% ожидать не следует.

ТОЗ-87 — в конце 90-х годов прошлого столетия в магазинах появился долгожданный газоотводный полуавтомат ТОЗ-87, разработанный конструктором В. Бабаниным. В последующем завод значительно расширил ассортимент этих ружей. Ружьё выпускается следующих модификаций: ТОЗ-87-01 и ТОЗ-87-01М без прицельной планки и с ней, длина ствола 711 мм с постоянным дульным сужением 1 мм; ТОЗ-87-02 и ТОЗ-87-02М, ТОЗ-87-03 и ТОЗ-87-03М производятся с вентилируемой при-

цельной планкой и без неё, длина стволов в этих моделях 660 мм, дульная насадка 0,0 мм (цилиндр). Эти ружья комплектуются насадками, удлиняющими ствол до 711 мм, с сужениями 0,5 мм и 1,0 мм; ТОЗ-87-04 и ТОЗ-87-04М имеют ствол длиной 540 мм с постоянной сверловкой «цилиндр»; ТОЗ-87-05 и ТОЗ-87-05М аналогичны ТОЗ-87-04, но с набором сменных дульных насадок; ТОЗ-87-06 и ТОЗ-87-06М также имеют укороченные до 540 мм стволы, комплект дульных насадок, включая «парадокс». Ружьё оснащено открытым регулируемым прицельным приспособлением и посадочным местом для установки оптического прицела.

Система запирания канала ствола классическая — путём входа перемещающегося в вертикальной плоскости клина затвора в отверстие хвостовика ствола. УСМ куркового типа, собран на отдельном основании, съёмный. Ёмкость магазина 4 патрона, вес ружья 3,2 кг. Индекс «М» говорит о том, что ружьё модернизировано, имеет упрощённую разборку и сборку, и улучшенную систему отвода пороховых газов.

На ТОЗ разработан полуавтомат ТОЗ-87 «Супер». Ружьё снабжено газоотводным регулятором, и, как утверждали разработчики, полуавтомат будет работать на любых патронах. Во всех моделях ружей ТОЗ-87 патронник длиной 70 мм.

Ружья ТОЗ-87 подкупают своей лёгкостью, хорошим балансом и внешним видом. Можно смело утверждать — различные по длине стволы с набором дульных насадок делают эту модель во многом универсальной и привлекательной. Охотник может выбрать ружьё для любых охот: на болотную луговую, полевою, боровую дичь из-под собаки, где требуется ружьё лёгкое, маневренное и с широкой осыпью, а также для дальних выстрелов на осеннем пролёте водоплавающих, по зайцу и лисе и для стрельбы пулями с насадкой «парадокс» по крупным животным.

ТОЗ-94 (ТОЗ-94М) — надёжное и удобное одноствольное охотничье ружьё 12 калибра с ручным способом перезаряжания (помповое). Его выгодно отличает возможность остановки затвора в крайнем заднем положении после израсходования последнего патрона. Длина ствола 711 мм, дульное сужение постоянное — 1 мм, ствол оборудован целиком и мушкой, ёмкость

подствольного магазина 4 патрона, вес ружья 3,2 кг. Это ружьё выпускается следующих модификаций: ТОЗ-94-01 и ТОЗ-94-01М с вентилируемой прицельной планкой; ТОЗ-94-02 и ТОЗ-94-02М, ТОЗ-94-03 и ТОЗ-94-03М имеют стволы длиной 660 мм с прицельными планками и комплектом дульных насадок, а у ТОЗ-94-04 и ТОЗ-94-04М длина основного ствола 711 мм, дополнительно 540 мм и ружьё комплектуется пластмассовой рукояткой. Дульное сужение основного ствола 1 мм, дополнительно — 0,0 (цилиндр). Индекс «М» говорит о том, что конструкция крепления УСМ обеспечивает упрощённую разборку ружья.

ИЖЕВСКИЙ МЕХАНИЧЕСКИЙ ЗАВОД (ИЖМЕХ)

Федеральным Государственным Унитарным Предприятием (ФГУП) ИЖМЕХ освоено выпуск новых многозарядных ружей помпового, газоотводного и смешанного типа: МР-131К, МР-133, МР-151, МР-153 и МР-154. Маркировка ружей дана латинскими буквами, которые следует читать как «ЭМ-ПИ». Они являются начальными буквами двух слов — «Механикел Плант» (механический завод).

МР-131К — одноствольное магазинное ружьё с широким спектром применения: охота, охрана правопорядка и самооборона. Перезарядка ружья осуществляется подвижным цевьём. Привлекательным в этом ружье является то, что в нём применена уникальная система подачи патронов, состоящая из двух магазинов — привычного подствольного и отъёмного коробчатого. Охотник может снаряжать ружьё одновременно двумя видами магазинов и мгновенно переключаться с одного магазина на другой. Например, на осеннем пролёте водоплавающих в подствольный магазин можно заложить патроны на уток, а в коробчатый на гуся. Переключение осуществляется рычагом, расположенным на правой стороне коробчатого магазина.

Калибр ружья — 12/70 и 12/76, длина стволов: 12/70 — 600 и 700 мм; 12/76 — 560 и 710 мм. Прицельная планка вентилируемая, мостовидная. Ёмкость магазина ружья 12/70: подствольного — 5, коробчатого — 3 патрона; ружья 12/76 соответственно 4 и 3. Канал ствола запирается тремя боевыми упорами при повороте затвора. УСМ куркового типа, собран на отдельном основании. Предохранитель кнопочный, блокирует спусковой крючок и расположен на задней части спусковой скобы. Ружьё может комплектоваться сменными дульными насадками — от цилиндра до полного чока. Вес ружья 3,6 кг.

МР-133 — одноствольное ружьё 12 калибра, выпускается с патронниками длиной 76 и 89 мм. Перезарядка производится подвижным цевьём. Канал ство-

МР-133

МР-153

МР-154

Ружья Ижевского механического завода

ла запирается качающимся в вертикальной плоскости клином затвора, входящим в паз ствольной муфты, что обеспечивает разгрузку ствольной коробки при выстреле. Ружья выпускаются с длиной стволов: 12/76 — 710 и 750 мм, ёмкость магазина 4 патрона; 12/89 — 610 и 660 мм, ёмкость магазина 3 патрона. УСМ куркового типа, как и в МР-131К. Также выпускается ружьё МР-133К калибра 12/76 со съёмным коробчатым магазином на 5 патронов. На ружьях этой модели устанавливается на стволах вентилируемая прицельная планка, но на некоторые вместо нее ставят целик и мушку. Вес ружья не более 3,3 кг.

МР-151 — самозарядное ружьё калибра 12/70, автоматика которого работает на использовании части пороховых газов, отводимых через отверстия в стволе. Оно было создано в 1998 г. на базе помпового ружья ИЖ-81, с 1999 г. началось его серийное производство. Ружьё с длиной ствола 600 мм изготавливается с постоянным дульным сужением «цилиндр», а ружья со стволами длиной 700 и 750 мм постоянными получоковыми и чоковыми сверловками. Ёмкость подствольного магазина 4 патрона, масса 3,5 кг.

МР-153 — одноствольное самозарядное ружьё, автоматика которого работает на использовании энергии части отводимых пороховых газов при выстреле. Оно явилось дальнейшим совершенствованием ружья МР-151. Автоматический газовый регулятор обеспечивает надёжную работу ружья на различных патронах. Модель выпускается в двух вариантах: 12/76 и 12/89. Стволы выделяются как с прицельной вентилируемой планкой, так и без неё. Длина стволов: 12/76 — 610; 660; 700 и 750 мм, ёмкость магазина 4 патрона; 12/89 — 610; 660 и 710 мм, ёмкость магазина 3 патрона. Масса ружья не более 3,6 кг.

Запирание канала ствола осуществляется качающимся в вертикальной плоскости клином затвора, входящим в паз ствольной муфты. УСМ куркового типа, собран на отдельном основании и обеспечивает стрельбу только одиночными выстрелами.

Детали, подверженные воздействию пороховых газов (патронник, канал ствола, поршень, газовая камера) — хромированы. Ружьё комплектуется сменными дульными насадками — от цилиндра и до полного чока. За отдельную плату можно приобрести и удлиняющую насадку. Общее устройство деталей и механизмов аналогично МР-151.

МР-154 — самозарядное ружьё, представляющее собой дальнейшее развитие самозарядного ружья МР-153 и помпового МР-133. В нём сохранены конструктивные начала выше названных ружей. Изюминка этого ружья заключается в том, что оно снабжено устройством, отключающим двигатель автоматики, и его можно использовать как магазинное ружьё с подвижным цевьём.

Модель выпускается 12 калибра с патронниками длиной 76 и 89 мм. Длина стволов: 12/76 — 660 и 710 мм; 12/89 — 540 и 610 мм. Система запирания — качающийся в вертикальной плоскости клин затвора, входящий в паз ствольной муфты. УСМ куркового типа и смонтирован на отдельном основании. Предохранитель кнопочный, расположен на спусковой скобе. Детали, подверженные воздействию раскалённых пороховых газов, хромированы. Вес ружья — 3,8 кг.

Все одноствольные многозарядные ружья ИЖМЕХ комплектуются ввинчиваемыми насадками, допускающими стрельбу патронами, снаряженными как свинцовой, так и стальной дробью. Материалы приклада и цевья — орех, бук, тонированная берёза и пластмасса.

ВЯТСКО-ПОЛЯНСКИЙ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД «МОЛОТ»

Завод «МОЛОТ» в настоящее время выпускает одноствольные магазинные ружья с гладкими стволами под торговой маркой «БЕКАС». Ружья многозарядные и позволяют охотиться как на болотно-луговую, полевую, боровую, водоплавающую дичь, зайцев, лис и волков, а также на крупных животных.

Бекас-12М — одноствольное многозарядное помповое (перезарядка осуществляется подвижным цевьем) ружье 16 калибра. Длина ствола 535; 680; 720 и 750 мм, патронника 70 мм. Длинные стволы (680; 720, 750 мм) имеют вентилируемую прицельную планку, а ствол длиной 535 мм оборудуется целиком и мушкой.

Запирание канала ствола осуществляется затвором путём поворота боевой личинки и входом поднимающегося клина затвора в паз хвостовика ствола. УСМ куркового типа смонтирован на отделяемом основании, боевая пружина спиральная. Ёмкость магазина 6 патронов. Вес в пределах 3,3—3,6 кг.

Бекас-12М Авто — одноствольное самозарядное ружье, автоматика которого работает на использовании энергии части вводимых пороховых газов при выстреле. При подготовке к производству полуавтомата «Бекас-12М Авто» был разработан промежуточный образец «Бекас-М». В него был внесён ряд конструктивных новшеств, которые позволили унифицировать технологический процесс при переходе от производства ружья с ручным способом перезарядки к автоматическому. Поэтому конструкция ружей семейства «БЕКАС» схожа.

Бекас-12М Авто — ружье калибра 12/70 и 12/76. Длина стволов таких же раз-

меров, как и у ружья Бекас-12М. Стволы (680; 720, 750 мм) оборудованы вентилируемыми прицельными планками, а короткие стволы (535 мм) целиком и мушкой. Стволы могут выделяться как с постоянными, так и сменными дульными устройствами (цилиндр, получок, чок и «парадокс»).

Конструкция газового узла обеспечивает автоматическую регулировку давления в газовой камере, учитывающую различия в баллистических характеристиках патронов. Все детали ружья, соприкасающиеся с раскалёнными пороховыми газами, хромированы, а газовый поршень изготовлен из нержавеющей стали. Ёмкость подствольного магазина 3 патрона. Корпус магазина служит направляющим элементом для газового поршня. Магазин имеет отсекающий патрон, позволяющий быстро заменить патрон в патроннике. На ствольной коробке имеются посадочные места типа «ласточкин хвост» для установки оптического или коллиматорного прицела. Предохранитель кнопочный и расположен на спусковой скобе. Вес ружья 3,4—3,7 кг.

Вместо заключения. Отечественная оружейная промышленность предложила российскому охотнику широкий выбор одноствольных многозарядных ружей. На первый взгляд это очень хорошо. Но, посещая московские охотничьи магазины, видишь не очень радужную картину. Витрины в основном заставлены импортными полуавтоматами. Ещё можно найти МР-153 и ружья Бекас-12М-Авто, но совсем исчезли с прилавков тульские полуавтоматы МЦ21-12 и ТОЗ-87. И задаёшься вопросом, а что же случилось с нашей «кузницей»

охотничьего оружия? На этот вопрос должны ответить руководство завода и инженеры-конструкторы.

У читателя может возникнуть вопрос: «А почему автор об устройстве, работе частей и механизмов упоминает как бы мимоходом?» Я пошел на это сознательно по двум причинам: во-первых, об устройстве и работе частей и механизмов подробно изложено в трудах оружейников, журналах и справочниках, а также в прилагаемых к ружьям паспортах; во-вторых, объём журнальной статьи не позволяет этого сделать. Я лишь остановился на некоторых особенностях в устройстве и работе названных ружей.

Меня довольно часто спрашивают — какому ружью отдать предпочтение? На мой взгляд, это дело вкуса и материальных возможностей охотника. Одному по душе классическое двуствольное ружье со стволами, соединёнными в горизонтальной плоскости, другому больше подходит «бокфлинт», кого-то вполне устраивает «помповик», а кому-то подавай только полуавтомат.

Многие охотники, неудовлетворённые работой отечественных ружей, отстраняют свой выбор на импортном оружии. Хотя надо отдать должное нашим конструкторам — отечественные ружья по боевым характеристикам не уступают зарубежным. Тогда почему же так много нареканий на работу и надёжность отечественных ружей? Я уж не говорю о дизайне. На этот вопрос, если коротко, то можно ответить так: замысел конструктора великолепный, но его исполнение производственными предприятиями. Вот и имеем то, что имеем.

Консультации юриста

Наши читатели довольно часто обращаются в редакцию с просьбой разъяснить некоторые новые нормативно-правовые акты. Главная причина этого — их нестабильность.

В № 11 нашего журнала за 2008 г. в статье «Консультации юриста» сообщалось, что приказом МВД России от 7 июня 2008 г. № 504 в статью 162 Инструкции по организации работы ОВД по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия внесены изменения, которые устраняли необоснованные требования к хранению оружия, в частности, это — установка пожаро-охранной сигнализации. Однако в новой редакции данной статьи, изложенной в приказе МВД РФ, выдвинуты новые требования к владельцам оружия по его хранению, которые практически не могут быть исполнены. Например, владелец должен хранить оружие и патроны в запираемых на замок сейфах или металлических шкафах, ящиках из высокопрочных материалов, либо в деревянных ящиках, обитых железом не только

по месту жительства, но и **по месту временного пребывания.**

Закон РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства» в пределах Российской Федерации» даёт определение понятию «место жительства» и «место пребывания». Исходя из данного в законе определения, местом пребывания может быть и охотничья база. Если четко выполнять требование Инструкции, то получается, что охотник, выезжая, например, на охоту в соседнюю область, где он будет временно проживать на охотбазе, должен везти с собой сейф или металлический шкаф, или купить один из этих предметов на месте. Конечно, предприятиям-изготовителям такие требования милиции на руку: увеличится сбыт и возрастут доходы. Но они противоречат закону, что и констатировал Верховный Суд России в своем решении от 17 сентября 2008 г.

Верховный Суд РФ разъяснил, что в соответствии со ст. 22 ФЗ «Об оружии»

и п. 59 Правил оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории России от 21 июля 1998 г. № 814, хранение оружия и патронов в местах временного пребывания **должно осуществляться с соблюдением условий, исключающих доступ к оружию посторонних лиц.** Из этих правовых норм следует, сделал вывод Верховный Суд РФ, что **в местах временного пребывания не установлено требование** хранения оружия в запирающихся на замок сейфах или металлических шкафах, ящиках из высокопрочных материалов либо в деревянных ящиках, обитых железом. Устанавливая такие требования, МВД России превысило свои полномочия.

Верховный Суд РФ признал их недействующими с момента вступления решения в силу, то есть с 7 октября 2008 г.

Н. АСТАФЬЕВ, ветеран прокуратуры, почетный работник Прокуратуры Российской Федерации, старший советник юстиции

Мое ружье: вопрос-ответ

Юрий МАСЛОВ

Уважаемая редакция! Многие годы являюсь подписчиком журнала, поэтому обращаюсь к вам с просьбой. Имею красивое курковое ружьё 12-го калибра с надписью на прицельной планке Victoria. Хотелось бы узнать подробности об этом ружье и фирме, выпустившей его. Фотографии, к сожалению, не получились, поэтому высылаю рисунки. Что означают клейма, помеченные цифрами «1» и «2»? Заранее благодарю за ответ.

А.А. КИКИН, Курская область

Ваше ружьё несёт клеймо в виде двух перекрещенных шпаг, короны и трёх букв JBR, что позволяет идентифицировать его как продукцию известной бельгийской фирмы «Сын Ж. Б. Ронж». Наличие второго клейма — орёл с надписью Prima Guss Stahl даёт возможность датировать изделие между 1893 и 1914 годами.

В 1789 году в Льеже была зарегистрирована оружейная фирма J. B. Ronge Fils a Liege («Сын Ж. Б. Ронж в Льеже»). В русской литературе можно встретить не совсем точный перевод названия дома: «I. Б. Ронже и сын» либо «И. Б. Ронже и сыновья». В «Охотничьем календаре» Л.П.Сабанеева (издание 1892 года) видимо из-за опечатки в написании французского названия каким-то образом вкралась лишняя буква t: получилось Ronget fils, что можно перевести как «сын Ронже». Впоследствии, не вдаваясь в тонкости перевода, владельцы оружейных магазинов в своих иллюстрированных прейскурантах неизменно повторяли эту неточность.

Ружья фирма, похоже, не изготавливала, а была крупным торговым посредником между льежскими производителями и оптовыми покупателями как внутри страны, так и за рубежом. В русских дореволюционных каталогах можно встретить подозрительно большой ассортимент изделий с маркой J. B. Ronge Fils a Liege — от очень дешёвых до очень дорогих с разнообразными ударными механизмами, затворными системами и дизайном коробки. Широчайший охват ассортимента продукции, несущей наряду с маркой компании и рекламные названия моделей, таких, к примеру, как Imperator, Prima, Corona, Victoria и т.п. лишний раз иллюстрирует не производственное, а коммерческое направление компании.

Фирма «Сын Ж. Б. Ронж», как и многие торговые заведения позапрошлого века, предположительно имела производственную мастерскую (возможно, небольшой цех), в которой заказные ружья подгонялись в соответствии с пожеланиями и антропометрическими данными клиентов. В другой мастерской гравировщики отделявали серийные ружья, поступавшие от льежских производителей, в соответствии с принятыми в фирме стандартами и теми или иными требованиями оптовых покупателей — бельгийских и иностранных.

Что означает второе клеймо на пат-

ронниках в виде орла и надписи PRIMA GUSS STAHL? Для ответа на этот вопрос перенесёмся в вильгельмовскую Германию начала 1890-х годов.

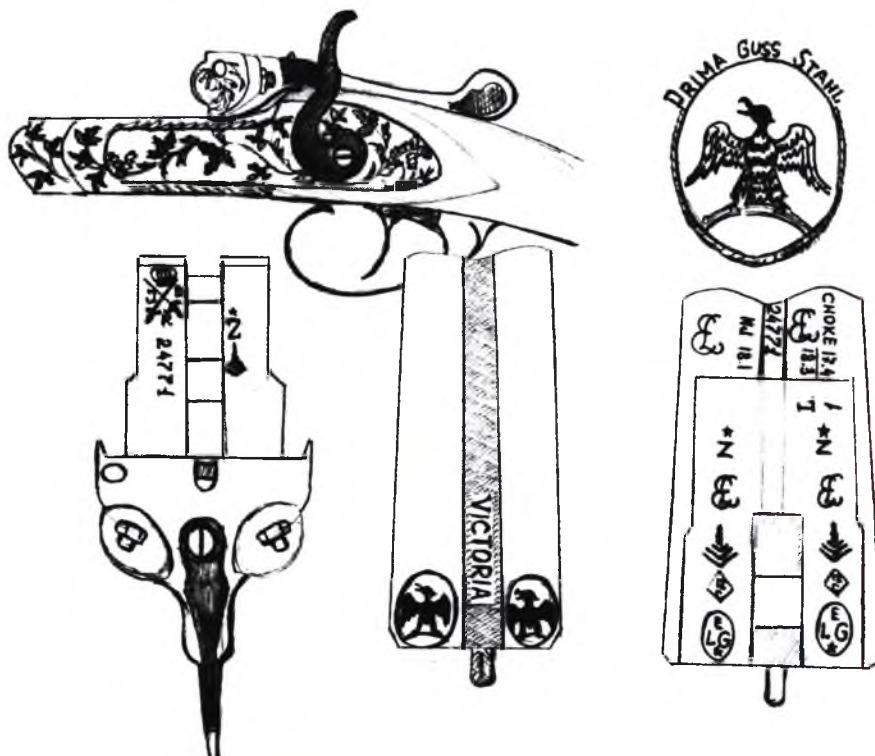
В 1896 году машиностроительная и сталелитейная корпорация «Фридрих Крупп» предоставила фирме «И. П. Зауэр и сын» монопольное право на использование только что запатентованной специальной (термообработанной) ствольной стали с маркой «три кольца». Тремя годами ранее между Фридрихом Альфредом Круппом и Францем Зауэром был заключён договор на поставку в Зуль ствольных заготовок из литой тигельной стали под названием Fluss-Stahl. На этот сорт стали эксклюзивное право завода Зауэра не распространялось, и компания «Фр. Крупп» поставляла металл многим европейским оружейникам, в том числе — льежским. Но, дабы не выяснять отношения с крупнейшей и уважаемой фирмой Германии, которая маркировала этот ствольный материал Fluss-Stahl, Крупп мог пред-

ложить бельгийским производителям придумать для обозначения стали собственную маркировку. Таким образом, в конце XIX — начале XX веков бельгийские фабриканты, применявшие для стволов дробового оружия крупновскую тигельную сталь, использовали разные коммерческие названия, нередко сопровождавшиеся самыми неожиданными графическими изображениями.

Клейма «Орёл» с надписью PRIMA GUSS STAHL (дословно: «первая литая сталь») можно встретить не только на ружьях фирмы «Сын Ж. Б. Ронж», но и на двухстволках льежской фабрики «Лепаж», что косвенно свидетельствует о том, что между двумя бельгийскими компаниями существовали тесные торговые связи.

Для тех, кто интересуется ствольным материалом, нелишне напомнить, что немецкие термины Fluss Stahl и Guss Stahl — синонимы, переводимые на русский язык как «литая сталь». Правда, металлургический завод Круппа под первым понятием подразумевал так называемую **мягкую, т.е. среднеуглеродистую сталь**, предназначенную для стволов дробового оружия, а под вторым — **твёрдую, высокоуглеродистую сталь**, которая предназначалась для изготовления нарезных стволов винтовок, штуцеров и комбинированных ружей.

Бельгийские же оружейники, не вдаваясь в нюансы металлургической терминологии, называли одну и ту же мягкую литую сталь то FLUSS-STAHLE, то GUSS-STAHLE, сопровождая надписи на стволах различными изображениями.

Встреча с семьей лебедей

А. БРОВАШОВ. Фото автора

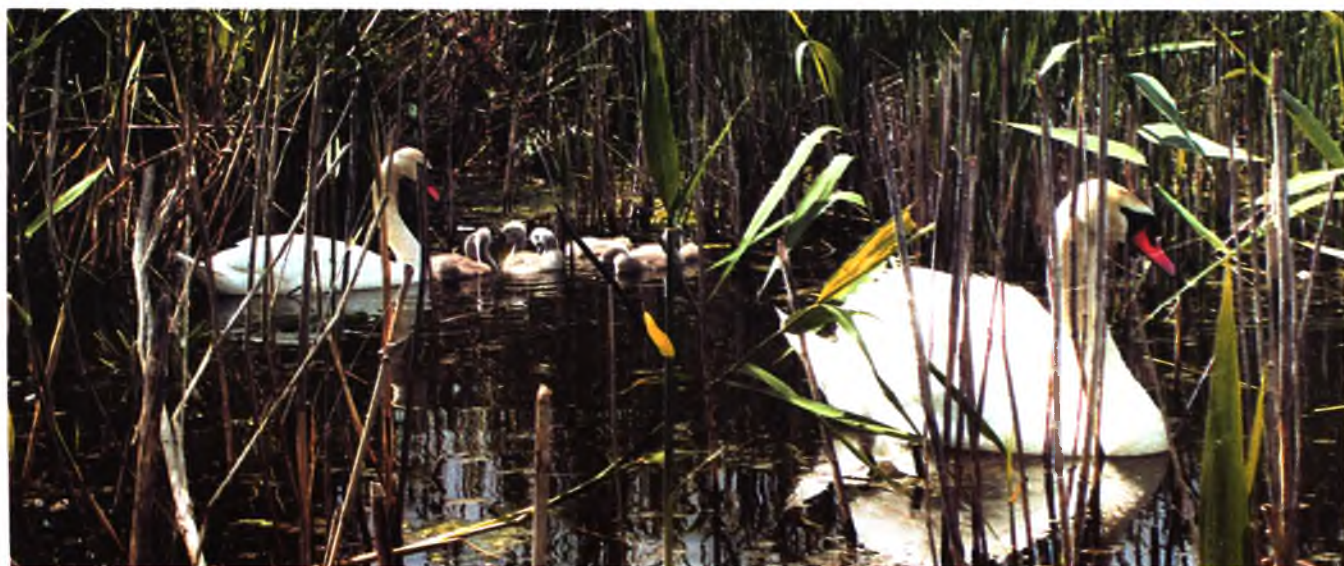
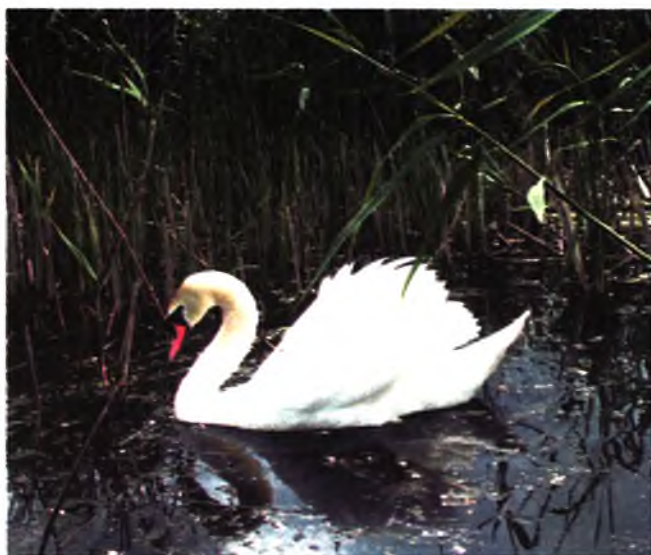
Егерь Петропавловского охотничье-го хозяйства Петр Иванович Ездаков позвонил мне вечером домой и сообщил, что на озере Гаврик живет семья лебедей-шипун. Я обрадовался такому сообщению и утром, захватив необходимую фотоаппаратуру, маскировочный костюм, отправился в путь.

... Не спеша, я проплывал на лодке мимо цветущих лилий. Завидев меня, крикливо со своим выводком моментально исчезла в густых зарослях осоки и камыша. Над водой с криками носились непоседы озерные чайки, которые на лету хватали из воды зазевавшуюся мелкую рыбешку, усаживались на островки травы и сразу глотали ее. Пролетел зимородок, в клюве которого трепыхалась небольшая рыбешка. Незаметно лодочка достигла противоположного берега, где могла обитать семья лебедей. Лодкой я управлял осторожно, греб тихонько, чтобы не спугнуть лебедей.

Остановив лодку, взял бинокль и стал внимательно рассматривать заросли камыша, который, высотой до двух с половиной метров, стоял сплошной стеной. И я увидел семью лебедей с шестью птенцами на большом островке травы, это было их гнездо. Папа и мама все же заметили меня и внимательно наблюдали за моим поведением. Я лег на дно лодки и затаился. Вот только комары начали меня осаждать. Но, если хочешь сделать удачный кадр, шевелиться нельзя. Глаз невозможно было оторвать от гордых и прекрасных птиц. Делаю осторожно первые снимки, сердце колотится, как будто пробежал пять километров. Волнуюсь очень! Чуть слышится голос папы-лебеда. Движения его стали плавны и грациозны, когда он, неожиданно выскользнув из гнезда, оказался рядом. А в гнезде по-прежнему сидела мама и с ней шестеро сереньких маленьких лебедят, она постоянно смотрела в мою сторону. Папа-лебедь плыл по тихой голубой глади озера и отражался в воде, как бы удивляя свою красоту. Мол, фотографирую меня, а к гнезду не лезу!

Неожиданно лебедята попрыгали в воду и опустили свои головки, доставая водные растения и тут же поедая их. Мама и папа — рядом, охраняют. Недалеко опустилась утка-кряква, и папа-лебедь моментально согнул шею и двинулся на нее. Та с криком взлетела и скрылась за камышом, а лебедь, успокоившись, подплыл к своей семье и тоже начал вытаскивать разные водные растения и поедать их.

Сделав несколько десятков снимков, я больше не стал тревожить лебедей и тихонько покинул их территорию. Я был счастлив!

От самого истока

Борис ПЕТРОВ

О хота сыграла в моей жизни, без преувеличения скажу, определяющую роль. Взять выбор профессии. Сегодня будет выглядеть смешно и даже глуповато, но, когда я поступал в пединститут, «идея» была простая: закончу — уеду в сельскую школу и стану после уроков гонять на велосипеде на утиные вечерки. Наивная эта мечта при столкновении с реальностью быстро развеялась. Но ведь диплом-то всю жизнь предъявлял педагогический.

И позже, когда менял работу или переезжал с места на место, всегда мысли «а что будет с охотой?» локтями расталкивали всякие бытовые и профессиональные соображения и неизменно выбивались в первый ряд. Работа — везде работа, а для охоты — ого, какая может быть разница! Наконец, заделавшись профессиональным литератором, стал писать всё больше о природе — тем, кажется, и любопытен своим читателям.

Но тогда возникает вопрос: откуда возникла эта святая «пагубная» страсть? И тут я со всей несомненностью должен ответить: ею я обязан своему отцу.

О роли отцов в воспитании и вообще в наших судьбах говорится незаслуженно мало. Романы, песни, вдохновенные строки поэзии — всё о матерях, их судьбах и переживаниях. Про отцов как-то не принято... Нет, не за первенство в признании заслуг я ратую — упаси Бог! Не нужно нам, мужикам, такого, как перед женщиной, молитвенного обожания, я — только за справедливость. А то как-то оно... Вроде, шёл мимо солдат, пустили переночевать, он и воспользовался, а утречком отправился себе дальше. Не так ведь оно по сути-то! На деле мужчина — ствол дерева. Хотя любят его обычно листвою, цветами. Не только благосостояние — от него зависит весь образ жизни членов семьи, именно от его характера, решений и поведения. Вся моя биография до 22 лет совершенно определённо связана с его судьбой и поступками. Но в своём очерке я хочу рассказать не о жизни и воспитании вообще, а только про то, что касается охоты.

Если же говорить в целом — извините, не могу удержаться ещё от одного отступления. Удивительно, сколько слов, посвященных отцу, сотворил наш

душевный язык, сколько в них оттенков чувств. Отец, батя, батюшка, тятя, отче, родитель, современное молодёжное — предок... Даже из не так давно пришедшего французского папа — сколько вариаций! Уважительное папаша, заискивающее папенка, фамильярное папашка, ласковое папуля. Язык наш не обманешь, он чутко улавливает и суть дела и тонкие настроения. От родителя нам передаётся отчество и с ним фамильное наследие. И Отечество — великое наследство, за которое мы в ответе перед своими детьми и будущими поколениями.

Итак, мой родитель, Михаил Николаевич Петров, был (как я обычно пишу в автобиографиях) потомственным тульским оружейником. Жизнь ему досталась не очень долгая, всего 64 года, но полная ярких событий и крутых поворотов. Начать с того, что его отец, мой дед Николай, умер, оставив сиротами сына пяти лет и сестрёнку чуть постарше. Мать распродала имущество, поселилась в хибаре на окраине, сама пошла добывать копейку то подёнщицей, то в услужении за гроши, стирала на людей. Потерял кормильца — трагедия для семьи.

Мальчишка рос сорванцом-безотцовщиной. Мать сумела пристроить его в городское училище (бесплатное): «Учись, Мишка! Выучишься — станешь носить мундир с ясными пуговицами и на извозчике ездить!» Однако занимался он шалей-валяй: безнадзорно, из-за рыбалки и ловли певчих птиц пропускал уроки, даже остался раз на второй год. Всё-таки училище домучил и летом 1913-го, шестнадцати от роду, пошёл на работу. На Тульский Оружейный завод. Приняли учеником в закалочную мастерскую. Производство было, употребляя современную терминологию, «горячим» и вредным: закалку осуществляли в свинцовых ваннах, источавших вредные пары.

Судьбоносный 1917 год в жизни молодого рабочего Мишки Петрова сказался в том, что появилась возможность для учёбы, то есть для учёбы без отрыва от производства. Раньше такого не было. Но ведь этой возможностью надо ещё было иметь желание и настойчивость воспользоваться. И вот тут проявился характер, такое важное для мужской природы стремление к росту, к утверждению себя в жизни. К 1922 году он, уже старшим мастером, сумел закончить вечерний техникум. А ещё через десять лет — институт (в должности начальника пулемётного цеха). К тому времени ему исполнилось 35, стало быть, все молодые года ушли на работу и учёбу по вечерам.

Но как бы трудно ни складывалась

жизнь — только представить: достались человеку мировая война, 1917-й, разруха, Гражданская, индустриализация, коллективизация — с юных лет охота, а летом рыбалка, занимали в его сердце самое тёплое место. Откуда возникла эта привязанность? Похоже, из самого тульского воздуха. В среде здешнего ремесленного люда обычай «охоту тешить» от века был массовым. Даже старики не отступались — переключались на тихую ловлю певчих птиц. Вот с этими дедами-птицеловами он и стал впервые ходить в лес. Они брали с собой сироту из добрых побуждений, а он таскал им мешки с сетками, клетками, садками, лучками, учился распознавать птиц по голосам и повадкам. В лесу, рассказывал, деды обязательно варили традиционную пшённую кашу с салом.

Ружьё купил чуть ли не с первой полочки. И стал полноправным членом многочисленной «мещанской» охотничьей братии. По своему типу всё это были городские любители средней руки, охотничьи утехы являлись для них уж точно не «спортом» и не мясным подспорьем к столу, а просто отрадой вольной русской души. Исконных представителей этого племени и сегодня можно увидеть на чудесном перовском полотне «Охотники на привале», не случайно одним из самых популярных в русском быту.

Сезон открывался в Петров день, 12 июля по новому стилю. Кто мог, добирался и до Калужской губернии — охотились с легашами по тетеревиным выводкам (вспомним «Бежин луг» Тургенева). Затем начинался пролёт дупелей на знаменитых болотах под деревней Лупишки (куда и толстовский Левин выезжал с шомполкой). Но главным сроком считались вальдшнепиные высыпки с середины сентября.

За вальдшнепами отец обычно отправлялся в тульскую Засеку, давным-давно сажёные полосами леса — для защиты от татарских набегов (Куликово поле ведь тоже находится на территории Тульской области). До кордона знакомого лесника в Засеке было 25 вёрст, немалое по тем временам расстояние. 25 вёрст туда, охота и 25 вёрст обратно. Обычно на пару с закадычным дружкой Петькой Дьяконовым. Первые годы пеши, а когда малость оперились, то приобрели «колёса» — велосипеды. Уток можно было пострелять и ближе, но утиную охоту они не признавали, считая её деревенской. Вот такой был гонор. 25 вёрст туда, 25 обратно. Так они ещё иногда и крюк делали! Заезжали в деревню, где девки славилась красотой и голосистым пением. Парни молодые, заводные...

Охотились, разумеется, только с легавыми. В мои детские годы у нас в квартире обитала пойтер необычного чёрного окраса — Ночка. Папаня, смеясь, любил повторять: «У меня и дети вместе с собаками выросли!»

Сам я молодого отца почти не помню: ведь родился, когда ему уже исполнилось 35. Другое дело, мой старший брат Володя: папаня по выходным брал его с собой на рыбалку. А я оставался дома. Не только потому, что всегда считался в семье «маленьким», но и по той простой причине, что на велосипеде имелось лишь одно место для пассажира. Володю он усаживал на раму, и они уезжали. Провожаемые моим безудержным и безудержным рёвом: не взяли!

А мне до того хотелось с ними на речку! Я иногда думаю: не из того ли неудовольственного детского желания, горькой зависти и нестерпимой обиды зародилась моя будущая страсть? Вот ведь брат, которого родитель с ранних лет натаскивал, так и не стал ни охотником, ни рыбаком. Правда, надо признать, унаследовал фамильную профессию оружейника.

К 1938 году отец достиг положения одного из ведущих технических руководителей Тульского Оружейного завода — стал его главным технологом. На каковой должности его и арестовали. У меня в семейном архиве сохранилась справочка на серой бумаге, удостоверявшая, что главный технолог М.Н. Петров уволен «за прогул без уважительной причины». Знаменитая 58-я статья, по которой его обвиняли, вроде, получилась причиной неуважительной... Порядочный кадровик попался, мог бы ведь написать, что уволен как враг народа.

Освободили отца в феврале 1940-го, когда расстреляли «железного наркомана» НКВД Ежова. Все понимали, что скоро война — оружейники были очень нужны стране. Но на тульский завод отца так и не вернули: наркомат вооружений направил его на должность главного инженера вновь создающегося производства в Загорске под Москвой (ныне снова славный Сергиев Посад). Здесь было решено организовать выпуск только что принятого на вооружение знаменитого автомата ППШ. В Загорск, естественно, переехала и вся наша семья. Отца я здесь тоже видел редко: он пропадал на заводе с утра до ночи, «без выходных и проходных».

Что касается темы, которую я заявил для своего очерка, нельзя не упомянуть двух эпизодов, относящихся к описываемому времени. Весной 1940 года, перед отъездом в Загорск, отец впервые взял меня на охоту. Такой был обычай — даже совсем мальцов брать с собой на вальдшнепиную тягу: уж больно хороши весенние зори в лесу. Но я попал не просто на тягу, а именно в Ясную Поляну. И более того, когда пришли на место, отец как-то озабоченно огляделся вокруг и наконец проговорил со значением: «Знаешь, вот здесь охотились Лев Толстой с Тургеневым, когда Иван Сергеевич приезжал к Толстому в гости из Парижа».

Я учился ещё в начальной школе, Толстого с Тургеневым мы пока «не проходили», поэтому, честно признаюсь, к его словам отнёсся невнимательно. Какие-то Иван Сергеевич, Лев Николаич, старики, наверное, бородатые. А лес вокруг такой юный, вершины обнажённых берёзок шоколадно-розовые, птицы вокруг поют радостными хорами, и запахи наполняют воздух по-весеннему буйные и тревожащие!.. Только много лет позже оценил, к чему хотел приобщить меня родитель.

Второй эпизод связан уже с Загорском. Редкий в ту пору случай: мы с отцом шли по пустынной улице городка, представлявшей строй молчаливых частных одноэтажных домов с оградами, воротами и садами за заборами. Возле одного из них он остановился и сказал: «Смотри, здесь живёт писатель Пришвин». Я не знал, кто такой этот Пришвин, чем он знаменит, но тон, с которым была произнесена фамилия... Я почувствовал, что речь шла о чём-то значительном, и это ощущение тоже запало в детскую душу. И вполне вероятно, что в дальнейшем сработало.

В Загорске нам долго жить не довелось. В мае 41-го первая партия автоматов ППШ ушла с нового завода в войска, а уже осенью того же чёрного года завод был эвакуирован на Вятку. Что я могу рассказать об отце в те года? Не видел я его почти, вот какая штука. Установленный рабочий день был 12 часов, а руководство вообще из цехов не вылезало. Зато производство было отлажено так, что по официальным данным только Вятско-Полянский завод дал армии два миллиона ППШ — больше, чем изготовили автоматов все заводы Германии. Об эвакуации, о военной жизни в глубоком тылу, о собственном взрослении я даже написал отдельную повесть — «Ранний снег». Но сейчас у нас речь о другом.

Только в конце войны они начали позволять себе изредка расслабиться от хронической усталости — стали выезжать на охоту. Охотниками были все: директор Исаков, главный конструктор, создатель ППШ Шагин, парторг Цуканов и, разумеется, Михаил Николаевич Петров. Все настоящие охотники, кровные, «заядлые». Вот тут-то я, юный стрелец, и увидел их всех близко, в непринуждённой мужской-товарищеской обстановке.

Непосредственное охотничье воспитание началось с того, что отец подарил мне первое ружьё. То была лёгкая бер-

даночка 28 калибра с винтовочным затвором. На заводе её поддормонтировали, ложу полакировали, затвор отхромировали — ружьецо выглядело красивой игрушкой. Да только по дичи я из него стрелял редко. Не по причине, что дичи не попадалось, а потому что... Вот бреду рядом с отцом, обычно на шаг-другой позади, вдруг взлетает птица, я вскидываю свою берданочку и... не стреляю: жду его выстрела. Не знаю, почему. Не созрел ещё — десять лет отроду. Он палит, потом оборачивается и ругает меня: «Чего ты опять?! У тебя ружьё в руках или мешалка!» А я ничего не мог с собой поделать.

Через год на смену берданке появилась ижевская курковая одностволка 15 калибра марки ИЖ-ЕК (с ироническим прозвищем «ИЖ-бяка»). У неё был довольно длинный ствол, а на карболитовом затыльнике — отпечаток рогатой оленьей головы. Начитанный отрок несколько романтического склада, я называл свою «ИЖ-бяку» — как у знаменитого охотника из романов Ф. Купера — «Оленебоем».

В совместных походах я жадно впитывал рассказы о Туле, об охотах и рыбалке, о семейных преданиях. Многочисленные эти рассказы и байки, чаще всего забавно-иронические, нередко повторяемые, западали в мою юную, непорочно-чистую память. И как с годами оказалось, многое из воспринятого тогда незаметно впиталось в глубины моей души, стало как бы собственными взглядами и пристрастиями. Примеров тому я со временем обнаруживал всё

больше. Это влияние на формирующий характер, мировосприятие и поведение было таким же естественным, как... Как климат, географическая среда, окружающая природа воздействуют на формирование национальных особенностей народов. То же происходит и в нашей личной жизни.

Лесная вятская земля — не южно-русское тульское подстепье, но они на Вятке сохранили охотничьи пристрастия своей молодости. Году в 1946 у нас появилась собака, английский сеттер Лора, привезённая аж из Москвы. И мы стали ходить не только на утиные озёра, но и в лес по тетеревиным выводкам и вальдшнепам на пролёте.

Помню, дивным сентябрьским днём, набродившись с Лорой по увядающим осиновым куртинам за Вяткой, мы среди дня устроились отдохнуть у костерка, пили лесной чай «с дымком», тихо наслаждались музыкой русской золотой осени. Ей-богу, наши сердца в тот момент млели абсолютно созвучными чувствами. Красота окружающего мира, удачная охота, полная гармония между нами... Вдруг в вершинах дохнул лёгкий ветерок, листва на осинах ожила, затрепетала, обильно заструилась с ветвей. И надо же, один листок, причудливо играя в воздухе, угодил прямо к нам в котелок с чаем. Мы, оба одинаково улыбаясь, взглянули друг на друга — чувства тоже возникли одинаковые: светлая радость, пожалуй, даже ощущение счастья. Ведь надо же, такой чудесный подарок осени! Наверное, не случайный, какой-то в нём знак... Я пони-

маю, моё воспоминание кое-кому покажется сентиментальным. Но так было и запомнилось. А тот волшебный листок я принёс домой и сохранил на долгие годы.

Дичи было много, впечатления ранних охотничьих лет остались такими яркими и радостными, что оказавшись позже в Сибири, я искал в ней не таёжных приключений, а, как бы сказать, повторения собственной светлой юности. Завёл не лайку, а сеттера, мечтал о тетеревах и дупелях. Доходило до... Расскажи тогда кому-нибудь, наверняка слушатель покрутил бы пальцем у виска: мол, парень-то «с приветом», малость чокнутый.

Однажды, забредши вёрст за 15 от села, где жил, на старые зарастающие вырубki, я вспугнул из куста черёмухи... вальдшнепа! А дело было в сентябре — «Значит, и тут могут быть их высыпки?!» — пронзила надежда. И в следующий выходной снова протопал эти 15 вёрст — мимо перепархивавших по сторонам рябчиков, мимо глухариных выводков на брусничниках — до старой лесосеки и снова поднял вальдшнепа в том же черёмуховом кусту. И опять не сумел выстрелить. Но ведь вальдшнеп, вальдшнеп! Только третий поход на вырубку принёс отрезвление: моего долгоносого в черёмуховом кусту не оказалось. Позже я убедился: вальдшнепов в Сибири водится много, но осенних высыпок не бывает — только тихий отлёт.

Так я ещё и вальдшнепиную тягу нашёл на Тоболе и Енисее. Ну кто у нас тут ездит на тягу? По сибирским пред-

ставлениям — интеллигентская забава, да и водятся ли здесь вообще эти книжные вальдшнепы? Я нашёл — водятся, тянут весной. Но только не в парковых подмосковных рощах, а в глухих ельниках. Где в эту пору, увы, самый разгул зловредных клещей. Но я ездил — почти что с риском для жизни.

А велосипед! Наслушавшись отцовских рассказов, тоже стал предпринимать путешествия на двух колёсах в дальние края. Тридцать километров за Вятку на лесной кордон, что на речке Казанке. Это были счастливые поездки: вечером настоящая тяга, на рассвете — глухариный ток. На велосипеде я по первости развезжал и в Сибири, на сказочно красивое и богатое рыбой озеро Боброво, на глухариные тока... О глухарях надо сказать особо.

В Туле глухарей не было, и опыта такого отца не имел. Но очень загорелся, когда от кого-то узнал, что в бору за Вяткой, если пройти девять километров пеши по лесной колее (мне тогда это казалось невероятно далёким), прячется заповедное урочище с прямо-таки символическим названием Исток. И где-то в тех краях токоют настоящие легендарные глухари. Мы отправились вдвоём после первомайской демонстрации.

В бору ещё дремали хмурые сохранившиеся пласты снега, но земля уже оттаяла, глубоко вздохнула и наполнила лесной воздух такими необыкновенными живыми ароматами! Придя на место, мы принялись собирать валежник для большого костра — ночь предполагалась с заморозком... И вдруг пара вальдшнепов прохоркала прямо над нашим станом! Как вскочил, как засуетился папаня! А у нас и дробь мелкой не было... Настоящую тягу услышали, неожиданный подарок весны! А потом короткая ночь у жаркого костра с обступившими нас таинственно покачивающимися тёмными тенями и страстная песнь глухаря в темноту, проникающая в самое сердце. На всю жизнь.

Что ещё рассказать? О самом охотничьем воспитании. Уж чего-чего, а стремления набить как можно больше дичи я за ним никогда не замечал. Охота — как отрада души, некое поэтическое состояние. Любил весёлые охотничьи компании, песни хором вокруг костра — это всё входило в его понятие охоты наравне с красивыми выстрелами и удачными зорями. Он и стихи порою цитировал! «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора...», «Кто же охоты собачьей не любит, тот свою душу заспит и погубит!» Когда только довелось ему их читать?

И, наконец, в молодости он вёл охотничий дневник — где был, с кем, что привёз, какое брал ружьё — заметки чисто технические. Но — писал! Я тот дневник видел в Загорске: по формату — блокнот в твёрдых корках, но строчки располагались не поперёк, а вдоль листа, сделанные острым карандашом, угловато-прямым почерком. Блокнот тот пропал в Загорске, мы там

много чего оставили, покидая квартиру в эвакуационной суматохе. Так вот, когда мы стали вместе ходить на охоту, он как-то посоветовал мне: «На твоём месте я бы завёл дневник. Это ж не обременительно: дата, несколько строчек, самое главное. А знаешь, как интересно будет после читать!» Я послушался совета и... Дневник этот, теперь уже во многих «томах» продолжая поддерживать более шестидесяти лет. Именно из этих лесных заметок родилась моя первая книжка лирических миниатюр. Вот куда со временем зашло дело.

В 1949 году отца перевели на работу в Куйбышев (сегодняшнюю Самару), и я неожиданно для себя оказался студентом пединститута в совершенно незнакомом мне, подавляющем провинциала своей огромностью миллионном областном центре. Он на десятки километров распространялся вдоль впадающей в Волгу реки Самарки. В пойме Волги в ту пору лежало бесчисленное множество озёр, стариц, ериков, заливных займищ — бескрайние утиные царства и княжества. (Ныне всё это затоплено водохранилищами, созданными выше и ниже города.) Естественно, самой популярной охотой местных любителей была утиная.

А вдоль Самарки тянулись полосой причёрченные урёмистые леса, своего рода природная пограничная засека, за которой открывались на сотни километров к югу заволжские степи. В этих последних на путях пролётной птицы лесных угодьях скапливались направлявшиеся в тёплые края вальдшнепы. Наш заводской посёлок как раз и располагался неподалёку от этих пригородных пустошей. Стоило доехать на трамвае до окраины, переправиться на лодке за Самарку, и вот они, вальдшнепиные высыпки. Естественно, мы скоро завели собаку, отец брал отпуск числа с 15 сентября и — «через день на ремень» — пропадал с ружьём за Самаркой. А я бегал к нему, с нетерпением дожидаясь выходного, а то после семинаров и лекций или, чего греха таить, пропуская учебные занятия. Блаженные были времена.

На заводе работало много эвакуированных туляков, старых знакомых, и среди них ещё сохранялись истые вальдшнепятники. Но большинство заводских увлекалось «бессобашной» стрельбой утвы. Обычно завком заказывал на выходной грузовой «газон», формировалась шумная артель, человек десять в кузове с ружьями-рюкзаками. Отца спрашивали: «Ну, как, Михаил Николаевич, поедешь с нами на «деревенскую охоту?» А чего было не согласиться, особенно до начала пролёта вальдшнепов? Я же говорил, папаня всегда любил эти охотничьи компании с их неприменными забавными приключениями, подначками и коллективными ужинами вокруг костра. И я там был, мёд-пиво пил, и текло не только «по усам»... Которых, впрочем, у молодого студюзуса ещё не водилось.

А после окончания института мы рас-

стались: я-таки укатил в сельскую школу, «в деревню, в глушь» и почти «в Саратов» — в глубины степного Заволжья. Дальше пошли только письма и не очень частые наезды друг к другу. Меня довольно лихо закрутило: сначала степная Малая Глушица — школа, велосипед, степные вечерки. Но вскоре — армия, Венгрия в 1956 году. Затем «первый заезд» в Сибирь, в Тюменскую область, совершенно случайно — в родовую вотчину знаменитого «старца» Григория Распутина село Покровское. Но снова картинка в калейдоскопе жизни мигнула, и я неожиданно оказался в кресле заведующего отделом райкома партии, из которого перебрался в кресло редактора районной газеты... Впрочем, речь в этом очерке не о моей биографии. Опуская житейские детали, скажу, что первая моя сибирская глава завершилась именно из-за смерти отца: мать осталась в Куйбышеве одна в хорошей опустевшей квартире, очень горевала. Пришлось вернуться на Волгу.

Но как только все семейные обстоятельства утряслись и появилась новая возможность, мы снова махнули в края непуганых птиц и вечнозелёных помидоров, на этот раз аж на Енисей. Это было наше «второе пришествие» в Сибирь. На сей раз окончательное. А всё (повторюсь) из-за подспудного желания вернуться во времена моей охотничьей юности. Скажете: несбыточная фантазия? Не совсем.

В Сибири я со временем пристрастился и к здешней таёжной дичи, довольно много охотился на коз, изредка — на сохатых, бывал на берлоге. Интересно же, не совсем ведь блажной. Но главное всё-таки — осуществление романтической мечты. Нашёл я здесь, открыл для себя удивительную страну — далёкую Русь, только не есенинскую, а Енисейскую.

Много прошлестело лет, теперь я сам... гораздо старше своего отца. Но до сих пор хранятся у меня разные вещицы, в большинстве сделанные его собственными руками. Лёгонький котелок из тонкой нержавеющей стали, в какие только передерги не попадал, а ничего ему не делается, служит; костровый штырь, ружейный чехол, берестяные «ногавки» для привязи подсадных уток; мерка для пороха, между прочим, с делениями не на граммы, а на старинные золотники! Вышитый мешочек из оленьей кожи — из таких прямо в лесу засыпали чёрный порох в дула шомпольных ружей. «Ногавки»-то — ещё с Вятки — уж, явно никакого практического смысла не имеют. Но выбросить рука не поднимается: наследство. Воспринятое от родителя.

А что? Не единым же хлебом (акциями, долларами, недвижимостью, дивидендами) жив человек, молодые не очень понимают этот евангельский афоризм, но с годами всё больше утверждаешься в истинности простой древней мудрости.

Рисунки Б. Игнатьева

Русские писатели-охотники

Юрий Павлович Казаков. 1927-1982

«Только редкий и мощный талант вырубает так стремительно, так естественно и легко себе место на книжной полке истинных мастеров, где, надо сказать, довольно тесновато». Эти слова принадлежат не автору диссертации о творчестве Юрия Казакова или его преданному поклоннику, а конкуренту-колеге по писательскому цеху Юрию Трифонову. Оценка тем более весомая, что, во-первых, прозвучала из уст Трифонова, органически не способного к пустому славословию, а, во-вторых, в нашей стране, богатой литературными традициями и именами, подобная оценка по определению носит исключительный характер. Другое дело, что причудливая нынешняя эпоха расставила новые акценты не только в литературе, но и в культуре вообще.

Факт появления на белый свет Юрия Казакова никак не предвещал того, что из мальчика со временем выкуклится большой писатель. Даром, что он родился на Арбате, но ведь родители перебрались в Москву в поисках работы со Смоленщины. Отец — обыкновенный плотник, мать — простая медсестра, и жизнь в предвоенных арбатских переулках, уж не говоря о годах войны, была далека от высокой литературы. Однако уже в юные годы в натуре Юрия Казакова выделялось что-то не рядовое, отличительное от большинства сверстников его поколения. Учёба не в ФЗО или ПТУ, а в архитектурном техникуме, не в обычной музыкальной школе, а в училище имени Гнесиных, да ещё по классу контрабаса, экзотического инструмента даже для прогрессивного Арбата. Откуда такое предпочтение? Читая прозу Казакова, совершенно не привязанную к столичной жизни, трудно представить, что он в концертном костюме играл на контрабасе в профессиональных джазовых и симфонических оркестрах.

Природная музыкальность и чувство ритма открыли Юрию Казакову новые заманчивые источники гармонии в литературе, и поступление в Литературный институт им. Горького ознаменовало следующий этап его творческого развития. Предпочтения начинающего прозаика проявились ещё в студенческие годы, когда в оглавлении литературно-художественного альманаха «Охотничьи просторы» по соседству с именами Толстого, Бунина, Куприна и Пришвина под рассказом «Неизвестные края» появилось имя Казакова. Лиха беда начало! В 1958 году он окончил литературный институт и почти сразу был принят в Союз писателей СССР.

Много лет спустя, после признания, исследователи будут непременно поминать, что в рассказах Юрия Казакова много даже не воздуха, а его главной составляющей — кислорода. Чтение казакской прозы в те годы было сродни наслаждению послегрозовой свежестью. В какой-то степени появление звезды Казакова на литературном небосклоне можно объяснить послаблением узды после XX съезда КПСС. Иначе трудно понять, почему сборники его рассказов выходили с невероятной для молодого прозаика периодичностью: «На полустанке» (1959), «По дороге» (1961), «Голубое и зелёное» (1963), «Запах хлеба» (1965), «Двое в декабре» (1966)... И это при том, что в этих книгах даже под микроскопом почти невозможно отыскать обязательные для соцреализма идеологические или публицистические «гвозди» и «костыли». В своё время некоторые литературные критики не без оснований полагали, что Юрий Казаков был одним из тех, кого считают предтечей направления, так называемой деревенской прозы, подарившего русской литературе целую плеяду сильных, не ангажированных властью писателей, — В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Распутина, В. Шукшина, В. Белова.

Труднообъяснимой, на первый взгляд, особенностью писателя Юрия Казакова было то, что он, «дитя» Арбата, проживший в самом сердце Москвы большую часть жизни, в своих рассказах старался избегать столичного бытописания. Его натура была устроена таким замысловатым, а правильное

Ю. Казаков на Орловщине в апреле 1978 г. (Из архива Н. Старченко, публикуется впервые)

сказать естественным образом, что он сам, как и его герои, лучше чувствовал себя не в замкнутых пространствах города, а за его пределами, ближе к приволью и вольному течению мыслей. Поэтому Казаков часто бежал из Москвы на любимый им Север (летом 1968 года даже предпринял необычное водное путешествие по маршруту Москва-Архангельск), на Псковщину, в устье Дуная, Закарпатье, Казахстан...

Легко заметить, что в «Голубом и зелёном», одном из лучших сборников Юрия Казакова, несколько рассказов («Тихое утро», «Ночь», «Никишкины тайны», «Тедди», «Арктур — гончий пёс», «Северный дневник») так или иначе связаны с охотой и по своему складу близко примыкают к тургеневским «Запискам охотника». Даже не все знакомые подозревали об увлечении Юрия Казакова, пока в «Долгих криках» он сам не поведал всю правду о своей острой охотничьей страсти: «Моя охота началась... на Арбате, в здании нынешнего ресторана «Прага» — тогда этот дом был набит всевозможными учреждениями, от милиции до собеса — в читальном зале библиотеки.

В детстве мне не повезло в том смысле, что близких родных, к которым бы я мог поехать в деревню, у меня не было, каникулы я проводил на арбатских дворах, природы и в глаза не видал и не думал о ней... Тем удивительнее теперь кажется мне величайшая страсть, которая овладела вдруг мною в тёмной, холодной и голодной Москве. С чего бы вдруг? И до чтения ли было тогда мне?

Но ежедневно, покачиваясь иногда от слабости, брёл я к вечеру в читальный зал и сидел там до закрытия, набирая каждый раз книжек про охоту. До сих пор помню запахи этих книг, шрифт, рисунки, чертежи, описания птиц и зверей. Сотни книг прочитал я, в том числе специальных, с математическими формулами, с баллистическими кривыми, знал сравнительные достоинства чуть ли не всех ружей.

А какие ружья я изучал, боже мой!..

Но чтение чтением, а было в Москве ещё одно место, место особенное, странное: охотничий магазин на Неглинной... Сколько часов провёл я в этом магазине, да что там часов, — месяцев, если сложить всё время!»

Ещё более, чем собственно охотничьей страсти, Казаков был подвержен охоте к перемене мест. Вот строки из его «Северного дневника»: «... Отчего так прекрасно всё дорожное, временное и мимолётное? Почему особенно важны дорожные встречи, драгоценны закаты, и сумерки, и короткие ночи? Или хруст колёс, топот копыт, звук мотора, ветер, веющий в лицо, — всё плывущее мимо назад, мелькающее, поворачивающееся?..»

Как бы ни были хороши люди, у которых жил, как бы ни было по сердцу место, где прошли какие-то дни, где думалось, говорилось, и слушалось, и смотрелось, но ехать дальше — великое наслаждение! Всё напряжено, всё ликует: дальше, дальше на новые места, к новым людям! Ещё раз обрадоваться движению, ещё раз пойти или поехать, понестись — неважно на чём: на машине, на пароходе, в телеге, на поезде ли...»

Кто не знает о серой и тоскливой разлуке нашего северного захолустья? А Казаков своим художническим видением не замечал её, — писал о неповторимых «неярких прелестях» природы, о древних монастырях, незатейливом быте и чудом сохранившейся человечности и духовности простых людей. Писал ясно и пронзительно.

А охота... Она никогда не была для Казакова ремеслом, все его поездки с ружьём служили лишь поводом, чтобы настроить струны души на поэтический или философский лад, поразиться тайнам окружающего мира, вплоть до букашек-тараканов и запахов сосновых и еловых хвоинок. Пока позволяло здоровье, писатель не отказывал себе в тихих охотничьих утехх. Пытался увлечь, приобщить к охоте своих собратьев по перу, иногда — удачно (Г.В. Семёнов), но чаще приятелям (Е.А. Евтушенко) охотничьи досуги быстро наскучивали. Г.В. Семёнов писал об охоте много и добротнo, а Е.А. Евтушенко отметился лёгким стихотворением о вальдшнепиной тяге. Сам Юрий Казаков теме не изменял, но с возрастом становился мудрее и щепетильнее: «Теперь-то я понимаю, что описать, например, день, окончившийся совершенной неудачей, отважится только хороший писатель, потому что в рассказе ему не добыча важна, а другое — облака, люди, запах дыма, грязь, полустанки, дорожные разговоры, мало ли что... Писатель же, не слишком уверенно водящий пером, полагает, что для чего же писать, если в конце рассказа не последует великолепный выстрел и не грянется оземь русак или селезень?»

В биографии Казакова можно обнаружить множество труднообъяснимых поступков и мотивов. В период расцвета собственной творческой силы он вдруг увлёкся переводами и целое десятилетие посвятил казахской национальной прозе.

Что ему было до пухлого романа-трилогии Абдижамила Нурпеисова «Кровь и пот»? Двигал ли Казаковым ложный или истинный патриотизм, желание ли «подзаработать», но факт остаётся фактом: русские переводы, отмеченные печатью казакской души и его неповторимого стиля, чаще всего по всем статьям превосходили оригиналы, — настоящий художник обязан всегда «держат планку». И поэтому для него переводы — литературное донорство.

С 1968 года Юрий Казаков обосновался в Абрамцеве, поближе к аксаковским и тытчевским местам. Писал мало, но два его прекрасных рассказа этого периода — «Свечечка» и «Во сне ты громко плакал» свидетельствовали о том, что он отнюдь не «исписался», как поспешили объявить недалёкие критики. В эти же годы Казаков пробовал свои силы в драматургии, в качестве сценариста участвовал в постановке двухсерийной мосфильмовской картины «Великий самодёй» (о художнике Тыко Вылка).

По поводу популярности своей персоны и собственных книг Юрий Казаков недоумевал: «Издаются вроде, а как в яму проваливаются! Нигде не видел, чтобы кто-то меня читал в метро, в поезде или загородной электричке. На всяких декадах литературы, встречах с читателями к другим писателям идут с книгами за автографами, а ко мне не подходят. А если и подойдут, так с жалобой, что книг моих нигде найти не могут...»

Большую часть архива с творческим наследием писателя в абрамцевской усадьбе уничтожили дачные воры, но о Казакове сохранилось множество воспоминаний его современников, увы, не всегда деликатных. К исключениям можно отнести тёплые и живые заметки писателя Н.Н. Старченко «Автограф Юрия Казакова».

Весной 1978 года Казаков по приглашению газеты «Орловский комсомолец» приехал в Орёл, и заводилом пропаганды райкома, недалёкий партийный чинуша, спутав гостя с автором знаменитой в те годы военной повести «Звезда» Эммануилом Казакевичем, нервно суетился: «Так куда же нам свозить Казакевича?» А при встрече писателя, лауреата европейской литературной премии Данте, опытный фотокорреспондент, глядя на не выпавшего Казакова в мешковатом пальто, выразил сомнение: «В самом деле он котируется в писательских кругах?» Вот такая популярность была у Юрия Павловича, — после сотысячных тиражей его многочисленных книг.

На орловской земле Юрия Казакова пригласили на вальдшнепиную тягу, прокатили по тургеневским местам, и в разговоре об И.С.Тургеневе Юрий Павлович неожиданно признался: «Я его романы не люблю, они придуманы. А вот «Записки охотника» — это да-а! Тут я снимаю шляпу и низко кланяюсь».

Охота не задалась, «Зимсон» Юрия Казакова весь вечер обиженно молчал, но лесной костёр и вечерние посиделки сгладили горечь неудачи.

В конце жизни Юрий Павлович часто и подолгу болел. Новые неудачи — литературные и житейские, частенько обрушивались на Казакова, и он привык относиться к ним с иронией, хороша боль в своём большом сердце. Сердце выдержало, но отказал мозг: писатель скончался от кровоизлияния в возрасте 55 лет. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

М. БУЛГАКОВ

Плачу и рыдаю

Ю. КАЗАКОВ

Их было трое — ни много, ни мало, а как раз в меру для недельной жизни в лесу, охоты и разговоров. Старшему было лет сорок, был он косолап, лохмат, черен, но со светлыми длинными глазами, все время восхищался природой и любил поговорить. Звали его Елагин.

Другой — лет тридцати — был коренаст, груб и насмешлив, хотя имя имел тихое, мечтательное: Хмолин. Он служил егерем, охотился с детства, кажется, только и делал всю жизнь, что стрелял, и ко всем городским, которые приезжали к нему на егерский участок, относился с пренебрежением.

Третий был просто Ваня, свеженький подросток со щечками, веснушками, с постоянной радостной улыбкой — покорный и услужливый. Ваня приехал с Елагиным.

Днем они охотились на уток, но почти всегда неудачно — не было у них ни скрадок, ни посадных, ни лодки, а утки держались всегда далеко от берега и взлетали чуть не за километр.

Зато вечерами была тяга, и тут уж пальба раздавалась на весь лес, и уби-вати случалось часто. Пришли на тягу они и в этот вечер, тотчас стали каждый на свое любимое место и подняли лица к небу.

До чего же это был прекрасный весенний вечер! Оттаявшая земля резко шибала в нос, хотя из оврагов тянуло еще снежным холодком. По дну ближнего оврага бежал ручей, он залил кусты, и голые лозины дрожали, сгибались и медленно выпрямлялись в борьбе с течением. И всё это происходило бесшумно — только светлая, отражающая небо вода в воронках и струях и черные набухшие лозины над ней. Зато ниже по течению ручей трепетал в овражной тьме, как струна, и оттуда слышались то будто удары сухого полена о полено, то будто вытаскивал кто-то с чмоканьем ногу из болота.

Приближался, ударял сумеречный час! И, как обычно, для Вани, для Елагина и Хмолина время двоилось: казалось вместе и медленным и быстрым. Пока еще было не слышать ни звука, дневная жизнь замерла, ночная еще не начиналась, и не свистал еще дрозд в стеклянной светлоте между черными ветвями, и солнце еще горело где-то за лесом, один ручей только стучал и чмокал, как всегда. Но зато все заметили под ногами на черной земле между жухлыми листьями какие-то красные и ярко-зеленые почки и стручки — напряженные, тугие, и на многих видна была еще не высохшая земля. Значит, они вылезли сегодня... И лес стал вроде не так прозрачен, как вчера, ветви набухли больше прежнего, и почки стали толще, а вчерашняя ольха, которую все эти дни никто не замечал, сегодня будто вышла из лесу, стала шершавой, толстой, все суки ее снизу доверху и самый ствол покрылись бородавками, и она вся стала похожа на мохнатую гусеницу.

Прошло какое-то мгновенно-медленное время, — а какое, никто бы не мог сказать, — и вот уже трудно стало разбирать на земле и по сторонам, значит солнце село, и сумерки надвинулись, только небо над головой и к западу было все так же чисто и светло.

Как и вчера, как тысячу лет назад, чистой блестящей каплей между черными, как сажа, ветвями дубов засверкала Венера. И как только она показалась, — а Ваня никак не мог уловить ее появления, он все глядел туда, ее не было, а потом она уже была, — как только она показалась, сейчас же засвистал дрозд. И это значило, что настала ночь и началась иная жизнь.

Как только появилась Венера и запел дрозд, Хмолин и Елагин тотчас закури-

ли, и Ване хорошо были видны огоньки сигарет и дым, синими слоями сползающий к оврагу. Да, ночь наступила, хоть и было светло и вроде длился и зеленел еще вполне закат, но это был обман, а на самом деле пришла ночь, — тогда только появились вальдшнепы.

Они были далеко видны на светлом и летели быстро, хотя казалось, что медленно, и в их круглых крыльях, в их волнистом полете, вздымании и опадении было что-то нездешнее. Они хрипели и свистели на лету, и это опять было непохоже ни на один земной звук.

Первым выстрелил Хмолин, выстрел его был гулок и кругл, и далеко в холмах покатилося такое же круглое эхо, а над местом, где стоял невидимый Хмолин, появилось синее облако дыма. Елагин восторженно крикнул что-то, но тут же раз за разом резко и коротко выстрелил сам — у него был бездымный порох, и выстрелы получались сухие: «Тах! Тах!»

Выстрелил и Ваня, а через минуту еще и еще, но все мазал — то брал слишком вперед, то было далеко, то мешала какая-нибудь ветка, которой, конечно, не было, когда он час назад выбирал себе место, оглядываясь и прикидывая, удобно ли стрелять.

То Хмолин, то Елагин наверху бегали куда-то, треща валежником и перекликаясь, потом опять возвращались и стояли, а Ване некуда было бегать, он еще ни разу не попал.

Первые вальдшнепы пролетели, стрельба прекратилась, Ваня ощущал кислый запах пороха вокруг себя, сердце у него колотилось, и он сперва ничего не слышал. Но скоро он заметил, что стало гораздо темнее, земля была почти не видна, и дрозд умолк, но зато далеко где-то в разных местах раздавалось то заунывно и постоянно: «У-у!.. У-у!..», то загадочно и коротко: «Тррр... тррр... тррр...»

Опять полетели вальдшнепы, опять первым гулок выстрелил Хмолин, и тут же Ваня увидал, что над оврагом летит что-то темное, с округлыми, как бы перепончатыми крыльями, и стрелять было с руки. Ваня вскинул ружье, повел и ударил, вальдшнеп остановился на месте, будто наткнувшись на что-то, мелко задрожал крыльями и стал падать. И, уже не видя ничего, кроме падающего вальдшнепа, один раз прикинув только место, куда он должен был упасть, Ваня бросился туда напролом, царапая руки и лицо.

Вальдшнеп упал на склон оврага, обращенный к закату, на открытое место, шуршал листвою и, как лягушка, упруго подскакивал на одном месте, подпираясь крыльями. Были у него огромные глаза на маленькой головке, но он не смотрел на подбегавшего Ваню и, наоборот, не видел его, а смотрел вверх, и все — грудь, длинный тонкий клюв, рыжая спина, изгиб шеи, — все было устремлено вверх в смертной тоске.

Наверху еще стреляли, потом перестали, закурили, сошлись, потом окликнули Ваню, потом стали кричать, огогокать, а Ваня был в овраге, держал и раз-

глядывал теплое вальдшнепа, и голова вальдшнепа уже моталась и щекотала Ванины руки.

Хмолин убил двух, Елагин ничего не убил, а Ваня не удержался и соврал, что тоже убил двух, но одного никак не мог найти, хотя и искал до темноты. Когда покурили, рассмотрели и уложили вальдшнепов Хмолину в рюкзаки и пошли домой, в егерскую сторожку, Венера еще ниже сошла к горизонту, блестела сильно и колко, а свет зари глухо, мрачно и зелено виднелся сквозь голый лес. По дороге то и дело встречались ручьи, поющие одну и ту же песню воды. Попадались и лужи — еле угадываемые и таинственные, как миражи, среди черноты земли. Но охотники уже не обращали ни на что внимания, а спешили добраться до сторожки, и мысли у всех были одинаковые: о печке, о вальдшнепиной похлебке, о крепком хорошем чае. Они все были счастливы, замучены весной и как-то даже сонны, но знали, что это пройдет, как только они придут домой.

Когда вышли на вырубку, все одновременно увидели, что низ неба между голыми красными лозинами, торчком густо стоявшими в человеческий рост, шоколадно просвечивал. На вырубке стояла красноватая тьма, дальние деревья и прутья были видны, а ближние как-то пропадали, все постоянно налетали на них, загромождали лица и даже останавливались, вглядываясь — куда пойти, где посвободнее.

Вырубка незаметно и долго поднималась от оврагов, и когда прошли уже половину ее, Ваня заметил впереди как будто корягу, горелый ствол с торчащим кверху толстым суклом, совсем как лось.

— На лося похожа! — сказал Ваня, думая про корягу.

— Да это и есть лось! — узнал, вглядевшись, Хмолин. — Вон и еще пара... А! Это сохач, а с ним лосиха с теленком — глядите!

Лоси, застигнутые в этой красноватой мгле среди чего-то своего, звериного, вели себя странно — не убежали, только теленок подошел к лосихе и слился с нею, может быть, сосал, а сохачий поднял большие уши и стоял отдельно. Потом сделал несколько шагов навстречу охотникам, еще выше задрал морду и глядел на них поверх лозин.

— А он не кинется? — тихо спросил Ваня.

— Может! — быстро отозвался Хмолин, а Елагин встревоженно кашлянул, и Ваня понял, что и они боятся.

Охотники пошли дальше, забирая влево, далеко обходя лосей, и сохач не шевельнулся больше, только голову поворачивал — до него было каких-нибудь тридцать шагов.

— Эх, вардить бы! — бормотал Хмолин, нервно посмеиваясь. — Знают свою безопасность...

И стал рассказывать, что в области теперь больше трех тысяч лосей и что был у них случай, когда лось пристал к коровам и кидался на доярок, когда те приходили доить на выпасы.

А Ваню как начало знобить при виде лосей, так уж и не отпускало. Он то думал о них, какие они красновато-коричневые, большие и бесшумные, то опять вспоминал о вальдшнепах, об их странном полете и хорканье и что они точно так же летали когда-то над лесами миллионы лет назад, и леса те давно упали, погрузились и стали каменным углем, а вальдшнепы и теперь летают. Он шел последним, по сторонам не смотрел, уверенный, что увидит страшное, боялся отстать и крепко держался вспопевшей рукой за шейку ружья, которое незаметно зарядил уже пулями жакан.

Совсем близко от сторожки охотники остановились на берегу ручья, тихо посоветовались, где лучше перейти, и пошли налево. У Вани от тихих голосов мурашки по спине пошли, хоть он и знал с тайным счастьем, что пугаться некого, попытался идти между Хмолиным и Елагиным, но ему не удалось, и он теперь, спотыкаясь, шел вплотную за Хмолиным и часто толкал того грудью в рюкзак.

Они дошли до пологого берега, подняли сапоги и побрели через ручей. Ваня замешкался, шагнул в воду, вода холодно и плотно обхватила его ноги, он покачнулся и чуть не крикнул: «Погодите!», — но застыдился, а потом был рад, что никто не заметил его испуга.

Перейдя ручей, охотники поднялись наверх, пролезли через гибкие набухшие кусты и увидели темный силуэт избушки и невнятно блистающую округлость «Победы» рядом. Войдя в избушку, зажгли свет — маленькую ослепительную лампочку от аккумулятора, — и каждый тотчас занялся своим делом.

Елагин стал ломать о колено хворост и совать в топку грубой печки, Хмолин вынул из рюкзака вздерошенных вальдшнепов и, скинув только ватник, сел на низкий табурет к печке теревить их, а Ваня с замирающим сердцем спустился к ручью за водой и бегом, расплескивая воду, вернулся назад.

Елагин уже растапливал печь, слабое пока пламя шевелилось где-то в глубине топки. Отлив из ведра в котелок и чайник, Ваня поставил их на плиту, пошел к топчану, разобрал поудобнее набросанные там телогрейки и одеяла, стащил сапоги, лег головой к окну, накрыл лампочку маленьким абажуром и включил полупроводниковый приемник. Приемник стал трещать, музыка и голоса перебивали друг друга, посвистывало и уйкало, и Ваня, покрутив минуты две, выключил его и повалился на спину.

Все долго молчали. Печка разгорелась и начала гудеть, постреливать искрами в раскрытую дверцу. Возле нее становилось жарко сидеть, Елагин отодвинулся, слегка отодвинулся со своими вальдшнепами и Хмолин. Ваня шевелил босыми ногами и смотрел на закопченный потолок и стены, которые все были изрезаны ножами — искусно и грубо были вырезаны даты и имена. И Ваня думал о тех людях, которые здесь побывали и как они тоже топили печь, выпивали и разговаривали.

В избушке пахло душисто и сложно: от ружей тянуло пороховым дымом, пахло еще сапогами, дымом можжевельника от печки, теплой глиной, дегтем от дымохода, шерстью свитеров и одеял.

Елагин, изогнувшись назад, стащил с топчана телогрейку, бросил на пол и присел, потом один об один стянул сапоги, закурил и стал задумчиво следить, как дым, розовея, уходит в печку.

Лица Хмолина не было видно. Он с усилием, с треском вырывал маховые перья из крыльев и посапывал.

— Эге! — сказал вдруг он, разглядывая ошипанную тушку. — Вон куда попало, в шею... И вот еще в боку, под крылом, глядите! А ты, Ванька, молодец, здорово саданул, я видал!

Ваня заулыбался и покраснел: это был его первый вальдшнеп. Елагин шевельнулся и серьезно пригладился к вальдшнепу. Хмолин поскубывал еще, выдергивая последние перышки. Вальдшнеп мертво, бессильно побалтывал шеей в его руках.

— А они чувствуют свою смерть? — спросил Ваня, глядя на вальдшнепа.

— Всякая тварь сознает, — быстро сказал Хмолин, будто ждал этого вопроса и все у него давно было решено.

А Елагин вдруг взволновался, встал в одних носках, в выпущенной рубашке, налил себе водки в кружку, в другую налил воды и стал ходить от стола к печке и говорить. Волосы свалились ему на лоб, ступал он косолапо, горбился и говорил, говорил и забывал, в какой руке у него водка, в какой вода, останавливался, нюхал по очереди, потом вскидывал голову, произносил «Ура!», смотрел на Хмолина и Ваню светлыми длинными глазами, выпивал и опять начинал говорить.

Говорил он о смерти, о том, что придет эта железная сволочь, сядет на грудь и начнет душить, что прощай тогда вся радость и все, что мучительно это сознание неминуемой смерти и что аз есмь земля и пепел, и паки рассматривал во гробех и видех кости, кости обнажены, и рек убо кто есть царь или воин, или праведник, или грешник? Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижу во гробех лежащую по образу божию созданную нашу красоту безобразия бесславу, не имущу вида!

Был Елагин филолог, доцент и обо всем — о войне ли, о любви, об истории — говорил длинно, убедительно, и думалось, глядя на него, что все он знает, и спорить с ним не хотелось, а хотелось слушать. Только Хмолин иногда, не выдержав, перебивал его какой-нибудь дикой историей и хохотал, как леший, — москвичей он все-таки презирал.

Поговорив о смерти, ужаснувшись ей, Елагин свесил голову, задумался, потом тряхнул волосами, крикнул «Ура!», еще выпил и, слегка уже опьянев, заблестев глазами, заговорил о любви, о женщине, о ее святости, о том, что все-таки высшее на земле есть доброта и любовь, а этим как раз и сильна женщина.

И опять его хорошо, интересно было слушать, опять казалось, что все, что он

говорит, — истинная правда, и Ваня с горящими щеками уже как-то особенно нежно думал о знакомых девчонках, только Хмолин что-то все хмыкал, потому не выдержал и перебил:

— Мура все это! Это только у вас там в книжках все написано, а жизнь другое говорит. У меня вот приятель был, — Хмолин оживился и перестал драть вальдшнепа. — Спутался с одной бабенкой по пьянке. Прямо сказать, извиняюсь за выражение, занюханная была бабенка, дура необразованная, тонконогая какая-то, уделанная, одним словом, я ее видал... Так вот раз он к ней по пьянке завалился, другой, третий, и ни полслова там о любви или о женитьбе, ничего! И она сама знала это, и сама его не любила нисколько, какая там любовь! Только встречаются они однажды, она ему — ррраз! — женись! «Пойдем в загс, а то утоплюсь!» А? Он туда-сюда, а она ему: «Утоплюсь и письмо на тебя напишу в райком». А? А он тогда комсомольцем был. Спасибо, я ему сказал: «Держись, ничего с ней не станет, на том зад и сядет». Он и держался, поухудел весь, месяц не в себе ходил, я уж думал, копыта откинёт, так почернел. Ну, да обошлось, по-моему вышло. Вот тебе и это — как ты сказал? — святая там доброта, саможертвова... жертванные, одним словом, то да се...

Хмолин, довольный, захохотал и опять занялся вальдшнепом. Елагин нахмурился, махнул рукой.

— Грубый ты какой-то, — досадливо сказал он. — Все у тебя какие-то пошлости, черт тебя знает, право!

Хмолин подвинулся к печке и стал палить вальдшнепов, поворачивая их перед огнем и по очереди отдергивая руки — ему было горячо. Потом он опять прилачился на табуретке, вытащил из ножен короткий нож и начал потрошить вальдшнепов. Запахло кровью и лесом. Выпотрошив, он начал мыть тушки в ведре, тер так, что скрипело под пальцами, и все приговаривал:

— Ну, похлебка у нас сегодня будет! Молодцы охотнички!

Через час, когда похлебка почти была уже готова, Хмолин пошел за водой, а вернувшись, брякнув ведром, сказал, запыхавшись: «Гляньте, что делается!» — и сам первый вышел. Тотчас вышли за ним Елагин и Ваня.

Снаружи сторожка облита была жидким лунным светом. Рядом с ней поблескивала «Победа», и на капот ей редко, но крупно и постоянно падала капля из сломанного березового сучка. Дальше в лесу что-то погукивало, постанывало еле слышно, точно так же, как на тяге, все пахло холодом и чистотой, звуки были редки, рассеяны и слабы, только внизу бормотал ручей, откуда брали воду, — будто тихо разговаривали несколько женщин.

Еще дальше за лесными холмами, в пойме, мощно текла широкая река, и на ней после зимы уж выстроились баке-ны, стоявшие тоже широко и смело, потому что был разлив и везде теперь было глубоко.

На той стороне реки затаилась мол-

чаливая спящая деревня, но и в ней слышны были звуки дыхания, или редкого неуверенного лая, или сплошного ночного вскрика петуха. За деревней, во тьме полей, ползал и ползал одинокий трактор, и неизвестно было, работал ли то ударник или, наоборот, перепахивал кто-то испорченный им же самим днем клин.

— Плачу и рыдаю! — громко сказал Елагин, — Весна! Все живет, все лезет! Не прав, не прав старик. Нет, не прав! Плачу и рыдаю, егда помышляю жизнь — вот как надо! А? Правильно, старики, а?

— Жрать охота, — сказал по привычке грубо Хмолин, но тут же почему-то смущенно закашлял.

— Ну-ну... Пойдем, пойдем, — забормотал Елагин огорченно, но и тоже смущенно и сгорбившись пошел в дом.

Но в сторожке он опять оживился, крикнул «Ура!», пронзительно глянц из-под волос на Хмолина и заговорил:

— Выпьем! Ах, черт, давайте выпьем! Хмолин, Ваня, а? Я вас люблю, я все люблю! И эту печку! Неси сюда старку, Хмолин, шевелись!

Хмолин, усмехаясь, ставил на стол тарелки, резал огурцы, хлеб, вышел в сенцы и принес бутылку. Елагин возился с рюкзаком, Ваня нервно шевелился у себя на топчане, засовывая под стол длинные ноги, глядя блестяще на Елагина и Хмолина, как бы спрашивая, что бы и ему такое сделать и чем помочь.

Елагин вынул консервы, стал засте-

живать рюкзак, но тут же вновь открыл, нагнулся и, посапывая, долго нюхал.

— Как пахнет! — сказал он и посмотрел на Ваню. Ваня тут же вылез из-за стола и понюхал с наслаждением. Пахло дивно: выглаженным бельем, конфетами, печеньем и будто утренним кофе на даче.

— Дорогой пахнет! — сказал Елагин, — Странствиями, встречами... Ну-ну! Давай, Хмолин, наливай! Ване тоже, Ваня, выпьешь? Понемногу, Хмолин, ладно?

Они сели. Елагин налил себе водки и воды в разные кружки, понюхал ту и дру-гую.

— Ну, за весну! Дай бог, чтобы всегда мир был! Чтобы жили мы все счастливо! За прелестных женщин! Слышишь, Хмолин, у, дурак, дурак! Ну, старики, весна, жизнь! Плачу и рыдаю! Ура!

Они выпили, и каждый кричал, отдувался, морщился, тряс головой, торопливо тыкал вилкой, а когда разошлось, у всех сразу заблестели глаза, все посмотрели друг на друга с улыбкой и тут же смутились оттого, что так бессовестно счастливы. Ваня через минуту опьянел так, что даже жевать не мог, бессмысленно тараторил, трогал себя за нос и лоб, стараясь убедиться, что он за столом, а не летит куда-то.

— Э! — сказал Хмолин радостно. — Гляньте на него! Окосел парень! Вань, а Вань! Сколько нас?

Ваня только глупо прыскал и все трогал себя за лоб, тер глаза, но опьяне-

ние скоро прошло, все громко заговорили, перебивая, плохо слушая друг друга, и каждый старался сказать что-то умное, даже Ваня, каждому казалось, что они втроем сейчас что-то найдут и решат, как жить дальше людям, и каждый воображал, что только один он все понимает. Зато ужинали молча, блаженно, хлебали громко и осторожно, боясь обжечься. Все сразу вспотели и начали стаскивать через голову рубахи, выгибаясь, почесываясь тут и там, и труднее всего было чесаться под лопатками.

— Нету дичи лучше вальдшнепа! — все повторял Хмолин. — Я знаю, всех перепробовал!

Полужинав, попили всласть чаю, послушали последние известия, покурили, позевали и стали разбираться на ночь.

Хмолин и Елагин легли на одном топчане — он был пошире, Ваня на другом; с ним никто не хотел спать, уж очень он брыкался во сне. И опять долго молчали. Не было обычных предсонных разговоров. Раз два Елагин вставал и выходил, потом возвращался и все повторял:

— Плачу и рыдаю!..

Ваня хотел тоже выйти с ним, но подумал, что сейчас там холодно, тихо, пустынно — одна луна! Ему вдруг стало жутко-весело, как бывает только в детстве, в деревне, на ночевках, когда ложатся все вместе, начинают тискать друг друга, взвизгивать от восторга, прыскать в подушки. Когда кто-нибудь издаст вдруг долгий задумчивый звук, и все, давась от смеха, начинают колотить кого попало и кричать: «Кто это? Ты, Витька?» — «Не!» — «Петька?» — «Не!..» — когда страшно неизвестно чего: чертей ли, темноты, тишины ли за стеной, и в то же время не страшно ничего, а счастливо и легко. Когда так успокаивающе действует разговор взрослых за стеной, которого и не слышно, а слышно только «бу-бу-бу-бу». И когда так неистово и беспрестанно засыпаешь посреди шепота приятелей, толкотни, и возни, и сказок — и спишься, спишься долго, до следующего яркого летнего дня.

Такое точно чувство испытал внезапно Ваня, заволился у себя, дрыгая ногами, укусил подушку, уткнулся в нее, чтобы не загоготать, и засопел, с блаженством думая, что сегодня ели его вальдшнепа, что он научился стрелять влет, что был разговор о любви, о смерти и о времени и что все это ерунда, а главное — подбить бы ему и завтра вальдшнепа или утку.

Припадок безмолвного смеха прошел, Ваня затих, отнял лицо от подушки, и опять в нос ему ударили запахи табака, сапог и пороха из ружейных стволов.

И долго так все лежали, и никто не спал, и каждый знал, что никто не спит, потому что все тихо дышали и думали, думали...

Рисунки В. Симонова

* Из «Библиотеки произведений советских писателей в пяти томах». Изд. «Молодая гвардия», том. 1, М., 1964.

«Захотелись калачи — не сиди на печи», — любил говорить Платон Мурыгин. Был он сноровист, проворен и башковит и в крестьянском, и во всяком другом деле. Печки клал и валенки катал. И скорняжил отменно. Славился в округе Платоновой выделки шкуры: что лисицы, что овцы. Пушистость, красота — глаз не оторвать. А главное — мягкость кожи, не проходящая на морозе и с годами. Секрет был в «пекеле» — той жидкости, в которой квасят сырье. Придумал особый состав пекеля и хранил его Платон Мурыгин пуще ока своего.

Уж как не выведывали люди. И вином поили — не болтнет ли спяну, и куш сулили, и красного петуха грозились пустить — молчал Платон, как могила. Деньжат прикопил. Мастерскую, а потом скорняжный заводик заимел. С ним и достаток пришел.

Высоко бы вознесся Мурыгин. Да жизнь перевернулась — захватили власть большевики. В коллективизацию записали его кулаком. Отняли все нажитое и вместе с другими зажиточными мужиками угнали на Север. Вывезли на барже в дикое безлюдье и выбросили с бабами и ребятишкой в снег — здесь живите. Из Мурыгиных от ссылки уцелел лишь один сын Платона Василий мальчонка Федя. Он тогда на побывку к дяде в Вологду поехал, его и не выслали.

Окончил школу Федя и подался на учебу в Москву. Нигде не принимали — сын кулака. Заглядывались женщины в приемных комиссиях на стройного, светловолосого, с серыми пронзительными глазами молодца, но что делать — указание свыше... Тогда написал в анкете «из крестьян бедняков» и удалось поступить в Пушкинский институт. Стал учиться на биолога-охотоведа. Получил диплом с отличием. Но грянула война. Воевал, награжден, тяжело ранен, выжил, снял шинель — и на Ямал.

В первый же день увидел в подопечном хозяйстве грустную картину. На белоснежные с разорванными глотками, выпущенными кишками лежали 18 домашних северных оленей. Залитых кровью. Задрали волки. А сожрать — и одного не сожрали. Решил Федя сокращать численность местных хищников. Почему бы не отстреливать их с самолета? Сверху в тундре далеко видать. Долго пробивалась идея. Много испил Федор Платонович бумаги, много передал шокладок секретаршам, продирался к начальству. И добился своего: сказали — пробуй.

Успех превзошел ожидания. Пролетев над убегающей стаей на маленьком самолете, Федя выбивал одного-двух волков. На втором вираже звери теряли еще пару собратьев и так далее, пока вся стая не бывала уничтожена. Иногда настаиваемый зверь разворачивался и шел навстречу железной птице, предлагая единоборство. Получалось, рассыпались волки в разные стороны, но ревущий орел

гонялся за каждым. Не могли звери защититься от придуманной человеком птицы, изрыгающей грохот и смерть.

На счету Федора Платоновича числилось уже несколько сотен отстрелянных хищников. Оленеводы его хвалили, о нем писали в газетах, люди прозвали «Федя — волчья смерть».

В одном из полетов по лесотундре Федор Платонович с пилотом настигли очередную стаю. В ней было девять волков. Пытаясь спастись, звери забежали в островки редколесья, но карликовые деревца не создавали маскирующего полога: волки были видны сверху и продолжали гибнуть от Фединой картечи. Из девятки легло уже восемь, но куда же девался еще один? Сделали новый заход — нет волка. Ведь некуда спрятаться зверю! Еще раз прочесали малорослую рощицу. Как сквозь землю провалился. Пилот делает знаки — бензин заканчивается, пора на базу. Но Федя требует: еще разок проверим. На этот раз его пронзительные глаза увидели необычную картину.

Под одним из деревьев стоял на задних лапах волк. Опираясь передними о ствол, он прижался к нему туловищем, головой, и благодаря этому стал совершенно невидим сверху. Федя медленно поднял дустволку, прицелился. Но выстрела не последовало, жестом он показал пилоту, что патронов больше нет. Крылатый истребитель волков повернул на базу.

За добытых хищников платили изрядные премии. Вечером за ужином пилот стал укорять:

— Что ж ты, Федор Платонович, слухавил, будто патроны кончились? Вон патронташ-то висит: в нем еще с десяток есть. А теперь и мы в убытке.

— Не смог выстрелить, Михаил Иванович. Рука не поднялась. Ведь я их, считай, полтысячи порешил. И только один догадался встать на задние лапы под деревом. Это же умница, волчий гений! Из уважения к смышленому волчищу не смог лишить его жизни, звериное ноу-хау загубить.

Знаю, у тебя родители ссыльные кулаки, так скажу тебе по секрету как верному человеку: и мой батя таков. А знаешь, за что он пострадал? За ум! Придумал особый рецепт пекеля для выделки шкур и достаток нажил. Я когда прицелился в стоящего волка, в голове мысль пронеслась: это ведь я в батю-умницу стрелять хочу. Толковых людей поддерживать надо, а не истреблять. Вот бы лозунг такой выдвинуть: «Умники всех стран, соединяйтесь!» От них главная польза людям идет.

Михаил Иванович выслушал напарника по общему доходному делу, помолчал, а потом, разлив остаток вина в кружки, сказал:

— Пожалуй, Федя, ты прав. Давай выпьем за здоровье того волка, которого ты помиловал.

ОХОТНИЧЬЕ СЛОВО

Е. ЦЕЛЫХОВА

Сапсан

Русский охотничий язык, как один из богатейших и разнообразнейших охотничьих языков, охватывает различные сферы охотничьей деятельности. И не просто охватывает — он предполагает описания настолько подробные и точные, что в некоторых областях существует как бы внутренний подязык, специальные слова, которые используются лишь в среде приверженцев одного или другого типа охот: язык сокольников, язык борзятников, язык гончатников. Такой язык внутри специального языка (терминология в терминологии) состоит не только из общезыковой и общей охотничьей лексики, но из оригинальных слов, используемых только некоторыми охотниками. К примеру, слово *вабить* в разных значениях используется и сокольниками, и борзятниками, и простыми ружейными охотниками, а слово *скол* можно услышать лишь от охотников с гончими. Каждый из этих языков нуждается в отдельном рассмотрении и описании.

Язык сокольников

Язык сокольников — одна из интереснейших составляющих охотничьего языка. Охота с ловчими птицами зародилась в глубинах центральной Азии как результат извечного стремления человека управлять поведением животных, а в 5 веке до н.э в Персии была написана первая книга о соколиной охоте. Охота с ловчими птицами пришла в европейские страны во втором-четвертом веке нашей эры из Средней Азии (предположительно от сарматов) и получила очень широко распространение и активное развитие. Уже в 500 г. нашей эры она упоминается в законодательных актах германских племен — *Лекс Залика*, а в 13 веке Фридрих Второй Штауфен (1194—1250) — германский король, император Священной Римской империи, король Сицилии по прозвищу «соколиный кайзер», составил трактат «Искусство соколиной охоты» (*De arte venandi cum avibus*, deutsch: *über die Kunst, mit Vögeln zu jagen*»), который и в наши дни высоко ценится охотниками и орнитологами. В нем приводятся опыт содержания соколов в неволе, изучения и обучения хищных птиц, объяснения явлений перелетов хищных птиц и целый ряд орнитологических открытий (копчиковой железы, пневма-

тичности костей птиц и т. д. (Пономарев, 2006)). В Европе охота с ловчими птицами существовала в двух формах: благородной, когда в качестве ловчей использовалась птица, делающая так называемую ставку (ловящая добычу исключительно в воздухе, нападая на нее стремительным броском сверху — кречет, балобан, сапсан (благородными соколами), и простой охоты с ястребом тетеревиатником (*Accipiter gentilis*) или ястребом перепелятником (*Accipiter nisus*). Такую охоту, к примеру, в немецкоязычных странах называли *кухонной* (*Küchenjagd*) из-за высокой эффективности (Hofjagd, 2003). К простой охоте относилась также и дамская соколиная охота — охота с чеглоком (*Falco subbuleo*), дербником (*Falco columbaries*) и средиземноморским чеглоком (соколом Элеоноры), которые значительно меньше массой. Ловчие птицы были не только средством развлечения знати, но и важным дипломатическим оружием: за них выкупали пленных, их использовали как самые дорогие дары и т. д. В начале 16 века в Европе хороший сокол стоил, как 20 откормленных свиней (Hofjagd, 2003). Особенно ценились ловчие птицы, способные охотиться на цапель. Цапля — сильный противник и для безопасности соколов часто приучали их охотиться вдвоем «в смычке» (*Koppelfalken*). Была также распространена охота с соколом и легавой собакой на фазанов или с одним соколом. Пережив свой расцвет в эпоху средневековья, с началом активного применения на охоте огнестрельного оружия соколиная охота пришла в упадок и лишь в начале 20 века на фоне тенденции реставрации старинных культурных традиций реконструируется и практикуется отдельными группами энтузиастов. К примеру, в Германии в 1922 году, с целью возрождения соколиной охоты и защиты ловчих птиц, был создан «Немецкий орден сокола».

Сложно предположить, откуда и когда пришла на Русь соколиная охота, но здесь, на русских бескрайних просторах, она нашла вторую родину. Большинство русских князей любило соколиную охоту. Вот что говорится о ней в «Уряднике сокольного пути»: «И зело потеха сия полевая утешает сердца печальныя, и забавляет веселием радостным, и веселит охотников сия птичья добыча. Безмерна славна и хвальна кречатья добыча. Удивительна же и утешительна и челига кречатья добыча. Угодительна же и потешна дермлиговая переласка и добыча. Красносмотрильно же и радостно высокова сокола леть». Но особой любовью к ней отличался царь и великий князь Алексей Михайлович. При нем соколиная охота,

а соответственно и язык сокольников, достигли наибольшего расцвета, появились строго регламентированные обряды, сопровождавшие службу сокольника. Дошедший до нас, благодаря тому же «Уряднику...», обряд пожалования из рядовых сокольников в начальные содержит не только спецлексику. В самый торжественный момент государь и подсокольников произносят определенные фразы, образованные путем усечения некоторых слогов, хотя они и не содержат специальных слов: «Вре(мя) ли, го(суда)рь, со(верша)ть (де)ло? — С(овер)шай дар». Единственный пример такой глубокой и исконной табуизации в охотничьей литературе! Со времен русских князей Святослава и Игоря до 17 века закрепились основные термины русской соколиной охоты, сформировалась отдельная система названий окрасов соколов и их классификаций по возрастам: ср. арабское *фарх* (сокол с ювенильным оперением), (сокол со взрослым оперением) и русское *гнездарь* (птенец ловчей птицы, взятый из гнезда), *слеток* (ловчая птица, вылетевшая из гнезда, до конца своей первой осени), *молодик* (молодой, еще не линявший сокол), *дикомыт*, *розмыт*. Такая классификация показывает не только существование охотничьей традиции, но и традиции ловли соколов, что имело важное дипломатическое значение. Пойманные соколы посылались в Турцию, Персию, Англию, Данию, Польшу как поминки (обязательные почти ежегодные посылки, близкие по своему значению к взятке или дани) или дары (подарки равносильным братьям-монархам), способствовавшие укреплению позиций Руси и России в мире.

В эпоху Петра Первого наступил упадок не только соколиной охоты, но и придворной охоты вообще, не до потехи царю было, а нахлынувшая на страну волна иностранных влияний принесла с собой новый вид охоты — ружейную и еще больше поспособствовала забвению этого прекрасного вида охотничьего искусства. Сегодня соколиная охота вновь возрождается. Система ее специальной терминологии по-прежнему базируется на той же лексике, что и много веков назад: *опутать, путцы, должник, вынашивать, идти на руку* и т. д., ведь неизменными остались сети, приемы вынашивания ловчих птиц и охоты с ними. Но появилось и нечто новое. Благодаря интенсивному межкультурному обмену в язык сокольников пришло много новых слов, заимствований из других языков: Многие из них активно не употребляются, но хорошо известны, а некоторые прочно вошли в язык сокольников. Довольно большое количество слов из арабского, узбекского и т. д., по-

сколько именно в этих лигвокультурных сообществах соколиная охота всегда сохранялась наиболее тщательно. Имеется и некоторое число английских заимствований (импинг, импринтинг). Однако по своему количеству они, конечно, не могут сравниться с исконной лексикой русской соколиной охоты.

Соколиная охота

Челиг, чеглик, чеглок, челик — сокол-самец; челиг кречетий, челиг соколий — самец сокола или кречета. В противоположность этому просто сокол или кречет — чаще всего именно самка. Этимология слова до конца не исследована: Фасмер связывает слово с астраханским челики воробьи и диалектным чиликать — чирикать и тем самым придерживается его звукоподражательной природе (см. Кречет).

Кречет — крупный сокол (*Falco gyrfalco* L.). Этимология слова до конца не исследована: как и со словом **челиг**, Фасмер придерживается звукоподражательной теории, проводя аналогии с лит. *kirklys* крикун, сверчок и *kirkti*, *kirkti* пронзительно кричать. Однако нет основания отрицать возможность заимствования из монгольского, где имеется слово *kyrcyt* ястреб. Одни из первых упоминаний кречета можно обнаружить в тексте «Слова о полку Игореве...» и в послании Даниила Заточника (кон. XII — нач. XIII вв.): «А кречету егда пута разрешатся, тогда он напушается на стада лебединые и побивает утятя летая по тихим заведем». Выделение отдельного названия для самца ловчих птиц имеет важное значение: биологически обусловлено так, что самки соколов крупнее и сильнее самцов, хотя и уступают им в резвости полета. К примеру, в словацком языке охотничьим соколом *sokol polov* 'niscky называется именно кречет. Самки, по свидетельству Кутепова (Кутепов, 2007), всегда ценились дороже самцов. Большие поклонники соколиной охоты — арабы, не имея возможности наблюдать за размножением соколов, считали, что самки и самцы принадлежат к разным видам или же что самцы являются более крупной птицей. В этой связи интересное перечисление обнаруживается в Никоновской летописи (русский летописный свод XVI века): «И на ловы ездяше с ястребы и с соколы и с кречатаи, псов множество имеаши» (Энциклопедия «Слово о полку Игореве»). Это свидетельствует о том, что сокол и кречет уже в тот момент воспринимаются как две разные птицы и сокол по значению, вероятно, сближается с челигом или имеется в виду какой-либо отдельный вид соколов. В своей пояснительной заметке к «Уряднику сокольничья пути» С.Т. Аксаков пишет следующее: «Кречет — птица очень мало известная; ее знают только по слухам или из книг; но я видел в моем ребячестве двух кречетов, уже немолодых, которые дожили свой век у моего отца, бывшего некогда страстным охотником до ловчих птиц. Кречет пером почти белый, стати все имеет соколиные, величиною

даже поменьше сокола-утятника. Он очень красив, особенно потому, что чудесные черные соколы глаза его кажутся еще чернее и блещут еще ярче от белого цвета его перьев. Я не видел этих кречетов в поле, то есть в деле, в охоте; но мне рассказывали ходившие за ними охотники, что оба кречета (оба самки) ловили чудесно и что они бьют птицу по-соколиному, устремляясь на свою добычу сверху вниз». Красный кречет — белый кречет, подкрасный кречет — полубелый кречет.

Помытчик — царский охотник, занимавшийся ловлей хищных птиц для соколиной охоты; др. русск. мыто пошлина, налог, награда, в.-луж.н.-луж. мыто плата, награда. Заимствование из дрвн. *muta* пошлина или из исл. *muta* подать. Происхождение названия становится понятно, если обратиться к истории добычи ловчих птиц. Со времен великих русских князей соколиный промысел был организован на оброчном начале: соколы и кречаты помытчики занимались исключительно ловлей ловчих птиц и платили оброк непосредственно государю. По свидетельству Н. Кутепова, по своему правовому положению они резко отличались от простых крестьян, пользовавшихся свободой от всех податей и пошлин и несли лишь одну свою профессиональную обязанность: ежегодно поставлять князю ловчих птиц.

Дикомыт — сокол, пойманный уже после нескольких линек, поменявший оперение на взрослое (помытившийся на воле), от др.-руссск. мыть линять; сербохорв. мытарь линяющая птица. Очевидно, заимствование из герм. *snn. mut* и *muten* (линька, линять) или из вульгарной латыни, где *muta* линька у птиц. В «Повести об Акире Премудром» есть такие строки: «Егда бо сокол трех мытей бывает, он не дасть ся с гнезда своего взяти», т.е. после третьей линьки птицу уже очень сложно поймать и вынosit. Аналогично образовалось и слово *розмыт* (ловчая птица, после первой линьки). По числу мытей определяется возраст птицы: челиг двух мытей (самец на третьем году жизни) и т. д.

Ставка — этимология слова не исследована, значение слова, в котором оно используется в языке сокольников, в неспециальных словарях не упоминается. Однако определение, данное К.П. Талером, позволяет установить и его происхождение: «Ставка — такого рода нападение ловчей птицы, когда, взвизгивая над добычей, она на мгновение останавливается, чтобы ударить вниз». Именно эта остановка и является причиной номинации: *цслав. став* состояние, сочленение, лит. *stova* место, гот. *stojan* направлять, *англос. stowian* удерживать. Ставка — отличительная черта благородных соколов.

Вабило — приманка, имитирующая добычу (используется для приманивания, тренировки и притравливания ловчей птицы), — два крыла (часто голубиных), имитирующих добычу, связанных вместе на шнуре, тушки битой птицы, зайцев и т. д., чучела, искусственные;

чырга (Казахстан, Киргизия) — вабило, имитирующее лису, русск. и укр. вабити, болг. вабя, сербохорв. вабити, чешск., *vabiti*, в. лужицк. *wabic*. Вабить — наманивать ловчую птицу на руку. Слово используется не только в языке сокольников, но и как общий охотничий термин: вабить — приманивать, подражая голосу матки или детеныша, вабельщик — охотник, подманивающий птицу или зверя манком (вабиком) или подражая голосом.

Клобучок (колпачок) — колпачок из замши с протетым шнуром (задержки, завязки) затягивается на шее птицы, надевается на голову соколов и балобанов (закрывает птице глаза, оставляя при этом клюв открытым); др. русск. *цслав. клобукъ* сербохорв. *клобук* шапка, шляпа, польск. *klobuk*, *kobluk* высокая шляпа, монашеский клобук. Фасмер предполагает старинное заимствование из тюркского диал. крым. — тат. *kalpak* шапка. Клобучок был неотъемлемой частью наряда ловчей птицы и по богатству его убранства можно было судить о ее охотничьих качествах и ценности. У Н. Кутепова представлен следующий список составных частей наряда ловчих птиц: клобучок (из бархата червчатого, низанного жемчугом, из атласа, сафьяна, шитый золотом и серебром), нагрудник, нахвостник, обножи (ногавки, опутцы, обносцы, опуты), должник, колокольца. Заклобученный — с надетым клобучком.

Путцы (опутенки, обносцы) — ремешки из очень мягкой, тонкой и прочной кожи, надеваемые на лапки ловчей птицы; на одном конце, в которое вдевают должник, пришито кольцо, в другом — две прорези. Слово этимологически связано с глаголом *путать* в значении надевать кандалы, лишать свободы; чеш. *pouto* и лит. *pantis* путы, кандалы, чеш. *poutati* налагать путы, окowy. Опутать (о сокольнике) — надеть на лапы сокола опутенки (путцы).

Ф. Рубо. Царский сокольник

Здравствуйте, уважаемая редакция и все поклонники журнала! Наш журнал совершенно уникальное издание и интересен он не только мужчинам, но и женщинам.

Хочу вам рассказать историю, которая произошла с моим родственником Поповым Геннадием Васильевичем. Прошлой осенью у нас появилось очень много бурых медведей, худых и голодных.

Геннадий пришел на свой охотничий участок брать ягоду. Пока собирал, к нему в избушку наведалься медведь: все пораскидал, кое-чего поел. Геннадий пришел, прибрался, попил чаю, поставил варить кашу и пошел еще набрать ягод. Притомившись, он решил вернуться в избушку отдохнуть и поужинать. Подходит к домику, слышит чавканье. Вдруг в окно высывается лохматая морда вся в каше, а в лапах котелок. Геннадий выстрелил в воздух, медведь тут же выбежал через дверь. И больше уже не возвращался. А вообще медведи заходили в деревни, были случаи нападения на людей, они задирали собак и домашний скот. Администрация дала разрешение на отстрел... Благодарю, что прочли.

Е. ПРОХОРЕНКО

п. Майское, Красноярский кр.

В ноябре—декабре прошли международные состязания лаек по вольному кабану, посвященные 50-летию Ассоциации Росохотрыболовсоюз, в которых мне посчастливилось принимать участие в качестве стажера.

Организаторы состязаний — А.Г. Суппес и А.В. Ефремов создали все необходимые условия для их проведения — это и наличие зверя в угодьях, и места для проживания участников, их обслуживание, обеспечение транспортом и др. Большое им спасибо!

Вначале чувствовалось волнение, ведь подобное мероприятие проводилось в России впервые. Однако дальнейший ход событий показал, что дело хоть и новое, но вполне осуществимое. Дай бог здоровья организа-

У добытого кабана. На фото: председатель комиссии В.М. Бабкин (слева сверху), А.Г. Суппес, А.В. Ефремов, Г.А. Бойко, егерь охотхозяйства В. Макаров (внизу слева) со своим питомцем, А.М. Тимофеев В.А. Киреев, И. Двужилов с Ремом.

торам соревнований и людям, увлеченным этим делом, потратившим деньги не на охоту в Африке, а на возрождение охотничьего хозяйства в России, на выявление, сохранение и преумножение поголовья зверовых лаек — бренда России, представителя огромных таежных территорий нашей страны.

Особую признательность хочу выразить экспертам В.М. Бабкину, В.А. Кирееву, Г.А. Бойко, А.М. Тимофееву за опыт, полученный в совместной работе. Надеюсь, что начатое дело будет подхвачено и в других регионах.

В. ЛИННИКОВ

Воронежская обл.

Чёртов ключ берет свое начало в восточных отрогах Сихотэ-Алинского хребта и впадает в реку Чёрную. Я кое-что слышал про него, но самому побывать там мне не доводилось, хотя это место притягивало меня уже одним своим названием, почему чёртов?

Спросил я как-то старшего лесника в заповеднике Николая Ивановича, по кличке Джога, бывал ли он на Чёртовом ключе. Ответил он уклончиво. «Ха...а... ха...а... ху...уч!!!», — вдруг донеслось с соседнего распада.

— Филин голос подал, — говорю я.

— А может и не филин, — прервал Джога.

— Ну если не филин, тогда другая сова...

в запас рыбу, зимой охотился. Раз в два месяца приходил к нам в село сдавать добычу, набирал крупы, соли, масла и уходил опять в этот Чёртов ключ.

Но однажды таз не пришел. Нашлись охотники, которые решили проведать, может заболел... В крыше фанзы была дыра, на полу валялись кусочки одежды и человеческие кости, все было разбросано, побито, помято... Чуть позже охотники отстреляли медведя, у которого был один глаз разодран, нижняя челюсть свернута, на теле рубцы. Видимо, он дрался с тигром или другим медведем. Но то, что это был медведь, только охотники считали, местные жители говорили, что это чёрт залез в шкуру медведя, проделал дыру в крыше и задрал таза.

— Я, Николай Иванович, больше верю охотникам, они люди опытные, знающие тайгу, диких животных, чёрт тут ни при чем...

— Так-то оно так, но я тебе еще не все сказал. Так вот на том месте, где стояла фанза Кинчу, какой-то приبلудный, не местный охотник построил зимовье. Добывал он не женьшень, а золото, ну и попутно искал панцуй (местное название женьшеня), а зимой охотился на пушного зверя. Два года он прожил в Чёртовом ключе, а потом исчез...

— Как исчез?

— Так вот, был человек и пропал, как сквозь землю провалился. Ну кабы ушел куда на совсем, тогда понят-

Чёртов ключ. Фото автора

но, а то все было на месте — и постель, и посуда, даже еда оставалась в кастрюле, значит думал вернуться. Позже и шурфы нашли, где он искал золото, и кайло, и лопату. Не нашли только промысловое корыто ну и самого.

— Да ты же сам был на том ключе и даже ночевал в зимовье охотника, так ведь?

— Вот ты говоришь, что подавал голос филин, а я такой же голос слышал на Чёртовом ключе — днем, когда ходил по лесу и искал панцуй, раз крикнул, два, потом вроде как захохотал, а потом, будешь смеяться, а я ento своими ушами слышал: «Уходи!» Я было подумал, что тут кроме меня кто-то ищет панцуй и предупреждает, чтобы ушел по добру по здорову. Однако ж я не ушел и остался ночевать в зимовье золотоискателя. С вечера вроде бы уснул. Проснулся от того, что почувствовал, как что-то скользкое, холодное ползет по лицу... Веришь, не бывал я трусом, один по тайге ходил, и с тиграми, и с медведями встречался нос к носу, и никогда меня дрожь не брала, и пот не прошибал, а тут... Так до утра я и просидел на нарах, а утром, чуть светок, рюкзак на плечи и домой.

— Ну, ты даешь, старик! — не удержался я. — Тебя скорее всего уж напугал или амурский полоз, где-то он жил в зимовье... Ладно, все это очень интересно, и мне еще больше захотелось там побывать, и пожить в этом зимовье денька два-три.

И, между прочим, я побывал на Чёртовом ключе, прошел от места впадения в реку Чёрную до его истоков, и фотографировал, и две ночи провел в зимовье исчезнувшего охотника, и с медведем встречался, и с тигром, жив, как видите... вот только на

фото пленке проступили белые пятна, не иначе, как чёрт напортил...

В. ХРАМЦОВ
Приморский кр.

Добрый день, Ох. и Ох.! Я проработал промысловиком более 30 лет, сейчас на пенсии. Помню, как добыл своего первого соболя, это было 4 октября 1973 года. Почему 4 октября? Потому что снег уже лежал по щиколотку, и холодно было так, что руки без варежек мерзли.

А пишу я вот зачем. Я думаю, что всем охотникам, для которых охота стала смыслом жизни, нужно как-то объединиться. Это должно быть что-нибудь вроде партии, профсоюза или чего-то еще. Основной девиз должен быть: «На охоте все равны!»

Есть у нас институты, академии, умные и честные профессора, есть кому защищать и есть кого защищать.

Ф. КАЗАНЦЕВ
Хабаровский кр.

Здравствуй, уважаемая редакция самого любимого журнала! Пишет вам охотник из Октябрьского района Волгоградской области. Решил выслать вам фотографию своего кобеля (курцхаара) по кличке Норд. Ему на фото 1,5 года. Мы с ним были на берегу Цимлянского водохранилища, и он достал из воды сбитых уток, поэтому такой гордый. И еще на фотографии подосиновики — это редкость для наших сухих степей.

Напечатайте, пожалуйста, фотографию для моей 5-летней дочери Анастасии, она всегда ждет меня с охоты и очень любит нашу собаку.

А. КАСЬЯНОВ
Волгоградская обл.

Выпускники Московского пушно-мехового техникума и члены их семей. 12-14 июня 2008 г. Ярославская область, на берегу р. Волги

Уважаемая редакция, пишет вам охотовед, охотник и постоянный читатель журнала. Большое спасибо, что напечатали мое письмо и фотографию в № 6 за 2008 г. Прочитав его, откликнулись наши товарищи. А 12 июня 2008 г. в Ярославской области состоялась встреча выпускников факультета охотоведения и звероводства Московского

пушно-мехового техникума 1976 года выпуска. Следующую встречу мы договорились провести летом 2011 г.

Мой адрес: 601800, Владимирская обл., г. Юрьев-Польский, ул. Вокзальная, д. 18, кв. 22. Тел. дом.: 8 49246 344 31; моб.: 8 9157754735, 8 906 616 39 39. Клементьеву Александру Анатольевичу.

Гордый Норд

Исполнилось 15 лет со дня выхода в свет журнала «Муравейник»!

Подписаться на ежемесячный, цветной, богато иллюстрированный журнал о природе для семейного чтения «Муравейник» можно с любого месяца, в любом почтовом отделении России и СНГ по Каталогу Агентства «Роспечать», полугодовой индекс 73233, годовой - 48558. Распространяется журнал только по подписке.

С журналом сотрудничают авторитетные учёные, писатели, журналисты. Так, здесь ведёт рубрику (в каждом номере) знаменитый журналист и писатель Василий Михайлович Песков.

«Муравейник» - единственный в стране журнал, где есть постоянный охотничье-рыболовный раздел для детей и подростков.

Тема охоты в православном календаре, молитвах и заговорах

Н. АСТАФЬЕВ

С принятием в 988 году христианства на Руси постепенно в повседневную жизнь людей стали входить праздники, молитвы, заговоры, поговорки, пословицы, отражающие их трудовую деятельность, тесно увязанную с православием. Не обошло это и охоту, которой занимались многие люди: от царей и церковнослужителей до земледельцев.

Конечно, называя сейчас эти праздники, отмечая вековые наблюдения, вспоминая поговорки, надо иметь в виду, что до 1492 г. новый год на Руси начинался с 1 марта, с 1492 г. до 1699 г. — с 1 сентября, с 1700 г. и до сегодняшнего дня — с 1 января. В своем Указе Петр I положил начало исчисления не только года с 1 января, но и исчисление лет с Рождества Христова.

До этого летоисчисление было с сотворения мира. И сейчас вызывает улыбку указание Петра I о порядке встречи нового года: «... поздравлять друг друга с новым годом, желая в делах благополучия и в семье благоденствия. В честь нового года учинять украшения из елей, детей забавлять на санках, катать с гор, а взрослым людям пьянства и мордобоя не учинять, на то других дней хватает».

В 1918 г. календарь был передвинут на 13 дней вперед, хотя все ранее существовавшие праздники, приметы были приурочены к исчислению по старому стилю (ст.ст.).

Охотничьи праздники

3 июля (20 июня по ст.ст.) — Мефодий-перепелятник. Тенетник. В народе этот праздник называли Нефедов день. Это был праздник охотников-любителей перепелиного промысла. Все, кто занимался охотой на перепелов, с нетерпением ожидали его. С этого дня «перепелятники» наблюдали за озимыми хлебами: если над ними носится паутина, то там и будут собираться перепела. Каждый охотник старался поймать хоть одного перепела — для счастья. В этом случае все лето у него будет удачным. Особое желание было поймать белого «князь-перепела», который якобы предвещает успех в ловле.

Считалось, что Нефедов день — всегда бывает удачливым. Охотники, вернувшись в этот день с видной добычей, устраивали праздничную трапезу.

2 августа (20 июля по ст.ст.) — Пророк Илия, Ильин день. Есть и другие названия этому празднику.

В старину Ильин день — начало охоты, поскольку считалось, что с этого дня в лесах открывались звериные, в частности, волчьи норы. Охотники с утра снаряжались в первый выезд на волков. Если на Ильин день удавалось вернуться «с полем», то есть добыть «серого» — это был признак того, что удача будет сопутствовать весь сезон.

14 сентября (1 сентября по ст.ст.) — Семен день. Выезд в отъездное поле псарных охотников. Первый их праздник. В этот день травили зайцев.

12 ноября (30 октября по ст.ст.) — Зиновий-синичник. Синичкин праздник. Праздник рыбаков и охотников. Праздник псарных охотников. Этот праздник назывался Синичкиным потому, что прилетают птицы-зимники: синицы, щеглы, снегири, свиристели и др. — всего 15 видов птиц.

По традиции охотники, собираясь на охоту за зайцами, сначала сходились пировать в одну избу. Если в этот день выпадал снег, то вместо пирушки шли «по пороше». Именинный заяц подавался на пирушке на второй день.

Приметы и поверья

С Рождества (с 7 января — с 25 декабря по ст.ст.) до Крещения (19 января — 6 января по ст.ст.) грех охотиться в лесу (с охотниками несчастья могут случиться). Коли на Крещение собаки много лают — будет много дичи и зверья.

17 февраля (4 февраля по ст.ст.) — Никола Зимник, Никола студный. По народным приметам начинаются звериные свадьбы, весенние игры у зайцев, происходят драки у волков.

6 марта (21 февраля по ст.ст.) — Тимофей. Тетерев забулбал, заворковал — весну краснобровый ворошит.

8 марта (23 февраля по ст.ст.) — Поликарп. Пора сорокам в лес убираться, а тетеревам выступать с запевками.

9 марта (24 февраля по ст.ст.) — первое и второе обретение главы Иоанна Предтечи. Иванов день. День Обретения. На Обретение птица гнездо обретает. В день Обретения птица гнездо завивает, а перелетная летит из вырва, то есть из теплых стран. Сердце трепещет, как птицы начнут прилетать. Считали, что в этот день перелетные птицы трогались из теплых мест зимовья на Родину, в Россию, и крестьяне готовились к их встрече. Особенно ждали возвращения скворцов, поправляли

скворечники, делали новые. По наблюдениям своевременный прилет сулил хороший урожай. Наблюдали, где птицы начинали вить гнезда: если на солнечной стороне — лето ожидалось холодным, на теневой — теплым, благоприятным.

25 апреля (12 апреля по ст.ст.) — Василий парийский. Охотники считали, что именно в этот день медведь выходит из берлоги и прячется в кустах.

27 апреля (14 апреля по ст.ст.) — Мартин-лисогон. Охотники верили, что в этот день лисицы переселяются из старых нор в новые и первые три дня после своего переселения бывают слепы и глухи. Слепота лисиц происходит якобы от куриной слепоты. Они пробуждаются от своего сна, когда начнут клевать вороны.

24 июля (11 июля по ст.ст.) — Евфимия стожарница. Есть и другие названия этому дню. Сияние Стожар предвещает удачную охоту на медведя.

Охотничьи заговоры и молитвы

Есть заговоры: для удачи на охоте; на поставных клетях для зайцев; для успеха на охоте; на птичью охоту; охотничьи слова; от ворона, мешающего охотнику; чтобы ворон не ел попавших в ловушку птиц; против злого человека на охоте; слова утечи.

Молитва прикосная на зверя (на лисицу); молитва при возвращении с ловли. Охотничьи заклинания: на горностаю; на беличью ловлю.

Вот какое, например, заклинание для успеха на охоте. Нужно взять с собой кусок хлеба или мяса, на который наговаривать: в чистом поле, в темном лесу, в тумане превеликом есть птица полетуша, есть серые гуси, сизые утки. У них бы крылья подломились, сани бы опустились, перье оборвалось и сели бы на бугор высокий, чтобы меня раба Божия (называл свое имя) не видели и стрельбы моей не слышали, и долетела бы до них дробь, как вольное перо.

Приведенные охотничьи праздники, молитвы, заговоры, заклинания свидетельствуют о том, что охотой на Руси не перестали заниматься и с принятием христианства и она никогда не осуждалась православием. Все попытки некоторых лиц, иногда довольно известных в обществе, запретить ее являются или их полной некомпетентностью в этих вопросах, или выполнением заказа заинтересованных лиц.

Сообщаем адрес нашей электронной почты
ohota.ohothoz@mail.ru

«С глубоким чувством изумленья...»

К 125-летию со дня рождения В.А. Ватагина

Фото В. ЖИВОТЧЕНКО

Василий Алексеевич Ватагин (1884-1969) российский график, скульптор, один из лучших художников-анималистов XX века. Основатель Московской анималистической школы, народный художник РСФСР, профессор, автор многочисленных книжных иллюстраций и станковых произведений.

Родился Василий Алексеевич в 1884 году в Москве, в семье преподавателя гимназии. Художественное образование получал в студии Н.А. Мартынова, затем, уже учась на втором курсе естественного факультета Московского университета, в художественной школе К.Ф. Юона. С 1908 года он начал самостоятельно работать с различными скульптурными материалами — деревом, камнем, фаянсом, костью и др.

Ватагин проявил себя и как иллюстратор, оформив большое количество книг, среди которых произведения Р. Киплинга, Д. Лондона, Л. Толстого. Много лет художник сотрудничал с Зоологическим и Дарвиновским музеями. Его произведения находятся в экспозициях многих музеев, в том числе Третьяковской галереи.

Торжества по случаю юбилея В.А. Ватагина проходили одновременно в стенах Государственной Третьяковской галереи на Крымском валу и в здании Дарвиновского музея.

Выставка «С глубоким чувством изумленья...» в Дарвиновском музее затрагивает исторические вехи жизни Василия Алексеевича Ватагина.

В 1922 году А.Ф. Котс пригласил В.А. Ватагина в Дарвиновский музей для работы над будущей экспозицией. Под эгидой В.А. Ватагина в стенах музея, где он проработал более 40 лет, сложилась московская анималистическая школа. Основатель Дарвиновского музея А.Ф. Котс любовно называл фонд произведений изобразительного искусства музея «Третьяковкой в биологии», но без участия В.А. Ватагина этот уникальный фонд никогда не получил бы столь смелого сравнения с самым уважаемым в мире собранием русского искусства.

СУВОРОВ А. Волк: управление популяциями	1
СЕВАСТЬЯНОВ А. Неожиданное поведение	4
ДАНИЛКИН А. О «зимоспящих» кабанах	6
САФОНОВ В., САВЕЛЬЕВ А. Пассионарный охотник, талантливый охотовед. К 70-летию Л. И. Туманова	9
УЛИТИН А. Охотничье хозяйство: стратегия сохранения биоразнообразия	10
ДЁЖКИН В. Право человека на экологическое пространство	12
КУТЯНИНА А. Урочище Трёхозерки: царство птиц	14
ДЁЖКИН В., ГУСЕВ О. и др. Владимир Александрович Кузьякин. К 65-летию со дня рождения	16
ПАЖЕТНОВ В. Выращивание медвежат-сирот: ювенильный период	18
БЕДЕЛЬ В. Чутье легавых: попытка критического анализа	20
ЯНКУС Г., ДАРИЖАПОВ Е. Красивый, умный, непредсказуемый	24
ГУРОВ В. Отечественные многозарядные ружья	26
МАСЛОВ Ю. Мое ружье: вопрос — ответ	29
БРОВАШОВ А. Встреча с семьей лебедей	30
ПЕТРОВ Б. От самого истока	32
БУЛГАКОВ М. Русские писатели-охотники. Юрий Павлович Казаков. 1927—1982	36
КАЗАКОВ Ю. Плачу и рыдаю	37
КОРЫТИН С. Ноу-хау	41
ЦЕЛЫХОВА Е. Охотничье слово	42
Письма читателей	44
На привале	46
ШИШКИН В. Голуби, кукушки и... попугаи	48

На первой странице обложки:
Лебедята в гнезде. Фото А. Бровашова к фотоочерку
«Встреча с семьей лебедей»

На второй странице обложки:
Чайка-хохотунья — самый агрессивный обитатель урочища

Кольцевание молодых серых цапель
Фото А. Кутяниной к фотоочерку «Урочище
Трёхозерки: царство птиц»

На четвертой странице обложки:
Фото Е. Дарижапова к фотоочерку «Красивый, умный,
непредсказуемый»

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), **Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Б. Чернышёв, В. С. Шишкин**
Зав. отделом писем **И. И. Полосухина**

Художественный редактор **М. Л. Кнерцер**

Корректор **З. М. Данилова**

Фотокорреспонденты:

А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко

Сдано в набор 25.03.2009 г. Подписано к печати 04.05.2009 г.

Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 28 000 экз. Заказ 507.

Цена — по каталогу Роспечати

**Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78,
Садовая-Спасская ул., 18
Тел.: 607-24-05, 607-20-91.**

Электронная почта ohot.a.ohothoz@mail.ru

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени

«Чеховский полиграфический комбинат»

142300, г. Чехов Московской области.

E-mail: marketing@chpk.ru

Телефон 8 (495) 788-74-65

Факс 8 (496) 726-54-10

Сайт: www.chpk.ru

В случае обнаружения полиграфического брака

обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии.

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати

12.10.90 № 452

ГОЛУБИ, КУКУШКИ И... ПОПУГАИ

Дополняя список видов птиц из отряда голубеобразных (№№9-12, 1995), встречающихся на территории России, следует упомянуть **малую и короткохвостую горлицы**. Первая, распространенная по югу нашей страны от Дагестана до Алтая (обычна в республиках Закавказья и Ср. Азии), немного меньше (вес до 130 г, размах крыльев около 42 см) обыкновенной горлицы (№12.1995). Большая часть спины рыжеватобурая. Голова, зоб, грудь, часть брюха розовато-охристого тона. По бокам шеи своеобразный орнамент из мелких перьев с оранжеватой вершиной и черным основанием. На сгибе крыла сизый цвет. На рулевых, как у большинства наших горлиц, белые вершины. Лишь центральная пара однотонно бурая. Синантропный вид, активно расселяющийся на запад. Гнездится как на деревьях, так и в постройках человека. Воркование малой горлицы напоминает приглушенный смех «у-вак-вак-вак-у». Растительноядна. Местное население кишлаков относится к этой птице с симпатией, объектом охоты она не является. Регистрации малой горлицы за пределами западной границы ее ареала представляют большой интерес. Птицы, обнаруженные в Москве в 70-х гг. прошлого века, возможно были завезены с юга.

Короткохвостая горлица, неоднократно отмечавшаяся у нас на Дальнем Востоке, еще меньше малой (вес около 100 г). Окраска самца и самки (в отличие от других наших горлиц) разная. У самца сизая голова и надхвостье, розовато-бурый цвет зоба и брюха. Спинная сторона буроватая. Самка преимущественно буроватая, с «чешуйчатым» рисунком на кроющих крыла. На задней стороне шеи у взрослых черный полушейник. Традиционная область гнездования короткохвостой горлицы Индия, Центральный Китай, Индокитай. Имеем ли мы дело с расселением этого вида на север, покажет будущее.

Трижды отмечался в Приморье редкий **японский вяхирь** (последняя регистрация в 2003), сохранившийся в небольшом числе на мелких островах юга Японии и Кореи. От своего, обитающего на западе, собрата — обыкновенного вяхиря (№10.1995) он отличается чуть более крупными размерами (длина до 44 см), более темно-сизой окраской, отсутствием белых участков оперения на шее и крыльях, развитием металлического, переливающегося блеска не только на шее, но и на брюшной и спинной сторонах. Японский вяхирь занесен в Красную книгу Приморского края.

Здесь же в Приморье зарегистрирован залет **каштаново-крылой хохлатой кукушки**, область гнездования которой почти та же, что и у короткохвостой горлицы. Эта новая для нашей фауны кукушка (об остальных см. №8, 2005) хорошо отличается черным, с металлическим отблеском, цветом спинной стороны (зашеек белый), рыжим горлом, светлым брюхом, темным подхвостьем. Большая часть крыла каштаново-коричневого цвета. Хвост длинный, ступенчатый, на голове хохол. Лапы маленькие. Клюв удлинённый, слегка изогнутый. Средний вес птиц около 75 г. Гнездование слабо изучено. Подложенные яйца находили в гнездах соек.

Наиболее экзотическим пополнением нашего списка птиц России и ближнего зарубежья стал ожереловый **попугай Крамера**. Этот вид индийского происхождения уже давно стал синантропной птицей Европы. К естественному расселению попугая Крамера на запад и на восток добавились и искусственная интродукция (в США, в Австралию). В Англии он известен с середины XIX в., в 2007 г. только в парках Лондона обитало около 30 тыс. этих попугаев. Помимо ряда Европейских стран попугай Крамера отмечен на гнездовании в Ташкенте и Баку, его залеты зарегистрированы на Украину и в Казахстан. Несколько раз попугай Крамера отмечался в Москве и в Подмосковье, в том числе в зимнее время. Доминирующий цвет в окраске этого среднего размера попугая (вес до 140 г) зеленый. Хвост длинный, тонкий, ступенчатый. Клюв и кольцо вокруг глаз красные. Ошейник («ожерелье»), имеющийся только у самца, спереди черный, сзади розоватый. Гнездится попугай Крамера в дуплах. Появление на улицах городов экзотических птиц, улетевших из неволи, еще не может быть аргументом для включения их в состав местной орнитофауны. Но когда некоторые из этих видов начинают размножаться на новой для них территории, дело принимает иной оборот. Достаточно вспомнить скворцов, домовых воробьев, сизых голубей в Сев. Америке. Отметим, что сейчас в Европе уже гнездится 7—8 видов попугаев.

В. ШИШКИН

